В. А. Кутырев

Человеческое и иное

борьба миров

Международная Кафедра (ЮНЕСКО)
по философии и этике
СПб Научного центра РАН

серия

ТЕЛА МЫСЛИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

В. А. Кутырев

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2009

УДК 001.18
ББК 60.032
К95

Кутырёв В. А.

К95 Человеческое и иное : борьба миров / В. А. Кутырёв. — СПб. : Алетейя, 2009. — 264 с.— (Серия «Тела мысли»).

ISBN 978-5-91419-163-1

Завершение триптиха «Борьба миров»: естественное и искусственное (1994); культура и технология (2001), применительно к философской онтологии и антропологии.

Время поставило под вопрос идентичность человека как родового существа. Экспансия экономизма и технологий ведет к утрате им качеств субъекта. Социогенетики готовятся изменять его тело, а информационная реконструкция духа превращает личность в виртуального агента коммуникаций. Отражением этих процессов в символическом универсуме правомерно считать философию трансмодернизма. Раскрывается ее антибытийный смысл, обсуждаются возможности противостояния человеческого мира к «иному». Рассмотрено возникновение трансцендентального когнитивизма, ведущего к превращению смыслового мышления в технический интеллект. Исходя из идей археоавангарда, предложена парадигма консервативного философствования, современной формой которого является феноменологический реализм.

Предназначена для философов ex professo, но может оказаться полезной другим гуманитариям и аспирантам всех специальностей.

УДК 001.18
ББК 60.032

Let us be Human

L. Wittgenstein

ВВЕДЕНИЕ

Это третья книга о «борьбе миров», о переживаемой современным человечеством драме. Первые две: «Естественное и искусственное: борьба миров» (Нижний Новгород, 1994); «Культура и технология: борьба миров» (Москва, 2001). Если, конечно, не считать знаменитого романа Г. Уэллса «The war of the worlds» (1898), где речь шла о нападении на людей пришельцев с Марса. Великий фантаст был Г. Уэллс, однако он не предвидел, что инопланетяне могут возникнуть из и среди нас, здесь, на Земле, что дело дойдет до возможностей радикальной трансформации человека в результате его собственной деятельности и что найдутся люди, которые этот процесс будут приветствовать и сознательно ускорять. В человеческом сообществе возникла тенденция отрицания своей идентичности, все чаще раздаются призывы к ее замене какой-то другой, «более совершенной». Появились адепты неограниченной экспансии био- и нанотехнологий, информатики, виртуалистики, искусственного интеллекта и т. п. достижений Hi-tec. Они больше не маскируются, утверждая, что произведенная, полностью техногенная реальность должна неизбежно прийти на смену эволюционно развившемуся естественно-предметному миру, в том числе традиционному, «историческому» человеку. Подобного рода взглядов перестали бояться. Сознание их носителей похищено силами Иного и жаждет как можно скорее «расчеловечить» человека, лишив его специфической сущности живого. На мировоззренческую сцену вышли «смертетворцы», сторонники отказа людей от биогенного субстрата. Некое сущее останется, но это будет не «ветхий Адам», не человек, а антропоид или вообще новый, неизвестный, хотя обязательно более мощный Разум. Все еще выступая от имени людей, они фактически отождествляют себя с тем, что и кто к ним больше не относится.

В подтверждение сказанного сошлемся, не вдаваясь в библиографические подробности, на известного Ф. Фукуяму. «Биотехнология предоставляет нам средства, позволяющие завершить то, что не удалось специалистам по социальной инженерии. И тогда мы окончательно покончим с человеческой историей, поскольку мы отменим «человеческие существа» как таковые. И тогда начнется новая история, история по ту сторону человеческого».[1] Объективности ради следует признаться, что нам тоже приходилось писать о постчеловеке, притом с конца 80-х годов.[2] Но мы писали в плане предупреждения, как об угрозе, которой надо противостоять. С тех пор непосредственно и потенциально геноцидные направления технонауки добились в своем развитии впечатляющих успехов. Они оформились в специфические философские направления: трансмодернизм, трансгуманизм, гуманология, персонология и др. Суть этой новой мировоззренческой парадигмы, обобщенно называемой NIBC (нано-, инфо-, био-, когно-) технологии, в том, что благо существующего человека перестает быть целью человечества, а само оно объявляется средством для создания его некой высшей формы, фактически же материалом для дальнейшего прогресса науки и техники. Который «не остановишь».

Ситуация складывается не просто сложная, критическая, а странная, близкая к абсурду. Еще два десятка лет назад мир, озабоченный своим будущим, гудел как растревоженный улей. Состояние природы, экология, разоружение волновали самые широкие слои общества, не говоря об его выдающихся представителях, т. е. людях, способных видеть дальше своего носа. Доклады Римского клуба о «пределах роста»», теоретические дискуссии и уличные манифестации, международные договоры о допустимых нормах загрязнения воды, почвы, воздуха, – общество предпринимало хотя бы некоторые меры по сохранению среды обитания как условия дальнейшего продолжения жизни. В 1992 году в Рио-де-Жанейро государства планеты договорились о необходимости перехода экономики к устойчивому (sustainable) развитию, то есть стабилизированному, ограниченному по параметрам природно-антропологических констант земного бытия. Человечество боролось за жизнь, за поддержание ее качества, адекватного своей естественно-исторической сущности. Теперь

[1] Цит. по: *П. Вирилио.* Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С. 173.

[2] См.: Человек в постчеловеческом мире: проблема выживания. Природа. 1989. № 5. С. 3–10

на этот счет как бы все успокоились, хотя уничтожение природы, стремительное окружение себя чуждой жизни искусственной средой не прекращается. Те, кто напоминает об опасных последствиях продолжения такого процесса, вызывают досаду, на них смотрят как на чудаков, «зеленое меньшинство». Правда, некоторую озабоченность впоследнее время вызывает потепление климата. Немного припекло, но в целом Судьба природы, да, собственно, и человека как родового существа брошена на произвол судьбы. «Устойчивое развитие» интерпретируется прямо противоположным первоначальному замыслу образом: как можно быстрее увеличивать ВВП, как можно больше потреблять энергии как можно большему числу стран, хотя многие из них лопаются от перенакопления и перепотребления. Не знают, куда выбросить произведенное. Реализуют чудовищные по своему влиянию на окружающую среду и самого человека проекты. Безумие гонки вооружений возведено в высший разум и экономическую доблесть. Правительства соревнуются, кто кому сколько и насколько больше продаст средств уничтожения. Решение глобальных проблем стало заложником политики глобализма как безграничного потребления и дурного новационизма внутри стран и в мировом масштабе. К чему все это ведет, предпочитают не думать, а думающие люди впадают в тягостный пессимизм.

В последнее время, особенно в связи с феноменом международного терроризма, центр теоретического внимания человеческого сообщества переместился на социум, на взаимоотношение культур и судьбу культуры как таковой. Возмущаются (не только у нас) наступлением антикультуры, цинизма, пошлости, рыночного отношения к духовным ценностям. Утратой «социального капитала». Но причины этого не частные. Они в том, что передовой отряд прогресса – наиболее могущественные в финансово-техническом отношении, в основном западные, страны – не только перестали «культивировать культуру», но и позиционировать себя в качестве таковой. Запад – Цивилизация, «проклятая доля» (Ж. Батай) которой в том, что все высокие цели и ценности уступили место погоне за богатством и комфортом. При этом она противостоит обществам, в которых сохраняют свое значение религия, мораль, национальное самосознание, семья, половой диморфизм, любовь, дружба и другие формы «традиционной» культуры, и агрессивно атакует их. В цивилизации культурное регулирование социальной жизни вытесняется социотехническими и гуманитарными технологиями. Приверженность культу-

ре, ее нормативным требованиям квалифицируется как закрытость, тоталитаризм, фундаментализм и т. п. нарушения прав человека, под которыми имеются в виду права индивида. Нарушать их дозволено, и они все более массово нарушаются, главное при этом, чтобы это делали «извне», биометрически и информационно контролируя поведение «человека без свойств» со дня рождения до гробовой доски. Такого рода нарушений, однако, почти не видят. Все заглушается восторгами по поводу очередных достижений в изобретении новых технологических методов вмешательства в когда-то священную личную жизнь. И, наконец, трансгуманизм, этап «снятия» человека как такового, если не прямо одобряется, то забалтывается пустяками, такого же рода выгодами, патологическими удобствами и т.д. «Новый прекрасный мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла, «Заводной апельсин» Э. Берджеса, кинематографические фантазии на тему тотального господства техники и информатики реализуются на глазах. Однако торжество антиутопий воспринимается как должное, необходимое, обусловленное объективными обстоятельствами.

М. Хайдеггер подчеркивал, что угроза человечеству идет не от разрушения природы, возможной войны или деградации общества. Это все следствия. Проблема в том, что мы перестаем думать. «Наука не мыслит». Она измеряет и вычисляет, использует, превращая бытие в сподручное сущее. В том числе людей. Инструментальный подход к миру не дает возможности понять, куда он на самом деле движется. В таком случае можно сказать, что фундаментальная катастрофа человечества в том, что никакой катастрофы не произойдет. Ее никто не заметит. Выхолащивание, растворение, исчезновение человеческого осуществляется молча. Люди не будут знать, когда их не будет.

...Но не все. И не в темпе «как можно быстрее». Мы относим себя ко второй партии – консерваторов, «археоавангарду», сторонникам сохранения природы, культуры и человека. Сохранения как можно дольше. И борьбы за это – до конца! При любом, даже трагическом обороте дела – за достоинство человека как живого, рождающегося и смертного чувствующего и мыслящего существа.

Книга о взаимодействии естественного и искусственного в основном была посвящена общим вопросам мировоззрения и экологии. В «борьбе миров» культуры и техники обсуждалось состояние общественной жизни и проблемы культурологии. Данная завершающая часть нашего триптиха относится к области философской антропо-

логии и соответствующей ей онтологии. В ней рассматриваются возможности поддержания идейными средствами человеческого сущего как человеческого в человеке. Мы намерены показать, «кто есть кто» в борьбе вокруг судьбы человека, какие тенденции и теоретические течения служат его выживанию, а какие уничтожению. События в символическом универсуме не только отражают то, что происходит в предметном мире, но и включаются в него. Победа того или иного идейного направления тормозит или ускоряет совершающиеся в нем события. Хотелось бы способствовать продолжению человеческой истории. Более того, уповая на нелинейность мировых процессов, ее вечности.

В смысловом отношении текст построен по принципу трех концентрических кругов. Или «колец». Все вокруг человека. Но если в действительности они его сжимают, грозя задушить, то мы стремимся их разомкнуть.

Состояние окружающей природы так или иначе воплощается во внутренней природе людей, их духе и телесности. Культура общества проявляется в уровне развития отдельного индивида, том или ином его типе. В первых двух главах работы исследуются процессы, происходящие в «предметном мире»: влияние экспансии техники и экономики на духовность человека ведет к ее истощению до «знательности», превращению личностей в акторов, агентов, в «человеческий фактор» и, постепенно, к демонтажу естественных форм продолжения их рода – замене социальным и биотехническим конструированием. Показывается, что так называемая сексуальная революция на самом деле была контрсексуальной. В западном обществе произошла сексуальная контрреволюция. Исчезновение любви является следствием и одновременно обуславливает духовное и социально-практическое бесплодие цивилизации, которая в своем дальнейшем существовании вместо творческих сил человека все больше опирается на саморазвитие техники. Именно эти процессы заставляют думать, что «постчеловек» не пустая фраза или метафора, а возможная или уже существующая сущность.

Обсуждая влияние изменений в предметном мире на перспективы человечества, теоретики дружно признают их принципиально качественный характер. Из естественного он стал преимущественно искусственным. Однако с точки зрения философской антропологии надо сказать резче: возникает другой мир. Или миры, в которых люди не могут жить, хотя в них действуют. Как существа, попавшие на

чужую планету. Как инопланетяне. В конце XX века образовалась среда, несоразмерная не только возможностям функционирования (нечем дышать, нет или слишком сильное притяжение), а самому субстрату человека. Она не просто слишком мала или слишком велика, а принципиально беспространственна. Бестелесна. Это Double world – мир информации, виртуалистики, нанотехнологий. Третья и четвертая глава книги посвящены влиянию на судьбу человека информационной реальности и планам его реконструкции с целью приспособления к ней. Что ему предлагается взамен тела, во что превращается субъект и, в конце концов, куда уносит человечество его бездумное внедрение в новую реальность. Показывается, что философский постмодернизм, деконструкция и грамматология – это идеология computer science. Применительно к человеку – это идеология его снятия, элиминации, включения в виртуальный мир, в котором от людей остаются складки и сингулярности. В лучшем случае – персонажи. Вся борьба с тео-этно-фалло-фоно-логоцентризмом – это борьба с «человеческим, слишком человеческим». Но не ради усиления жизни и сверхчеловека, как у Ф. Ницше, а в пользу ноо-техно-инфо-интеллоцентризма, как «бесчеловеческого, слишком бесчеловеческого». В пользу Иного. Предел и удел постмодернизма – это трансгрессия, трансмодернизм и инонизм.

В сопротивлении этому «уделу» задача философии, по-видимому, в том, чтобы, учитывая завершенность метафизики, вырабатывать такой тип философствования, который отвечал бы новым реалиям и в то же время сохранял человека. Его цель – «апология человеческого» вопреки наличию объективных тенденций и субъективных намерений его уничтожить. Она противостоит парадигме «It from bit», антиисторической и антибытийной. Ответственно мыслящие теоретики часто говорят о необходимости «возвратиться к истокам». Но тогда надо идти против течения. Не обязательно тем же путем, однако, всегда в направлении жизни. Показывается, как человеческий дух, «шествуя по пути прогресса», отчуждался и редуцировался от непосредственной включенности в бытие через мифологию и мудрость к знанию и информации. Мы предлагаем парадигму консервативного философствования, которое можно назвать «феноменологическим реализмом», вписывая его в историю развития европейской духовности.

Третье кольцо посвящено анализу этих процессов в XX–XXI веке, времени, которое можно считать настоящим «криком о небытии», когда после структурно-лингвистического поворота метафизика под-

верглась прямому отрицанию. Мир-картина превратился в мир-материал, а сознающий себя субъект в безличного агента сетей. Индивид распадается на «дивидов», человек теряет собственную идентичность, вместо онтологии предметной реальности возникает виртуализм и онтология коммуникаций. Постмодернизм трансгрессирует в «пост-постмодернизм» или, позитивно говоря, возникает трансмодернистское (не)бытие. Предтечей трансмодернизма как когнитивизации предметного мира была трансцендентальная философия И. Канта и феноменология Э. Гуссерля, а фундамент под движение от поэмы к матеме, под замену логоса матезисом подведен в работах Ж. Делёза, Ж. Деррида, Г. П. Щедровицкого. Завершением тенденции когнитивизации бытия является возникновение «мышления без сознания», замена смыслового отношения к миру чисто формальным, математическим. Превращаясь в искусственный информационно-технический интеллект, когнитивное мышление сливается с дигитальной реальностью Иного.

К концу каждого «кольца», особенно по завершении третьего круга, мы показываем как желательно, нужно и должно сопротивляться трансгрессистскому снятию «нашей реализации» одного из возможных миров. Предложена парадигма консервативного философствования, которая вписывается в историю развития европейской духовности. Ее можно назвать «феноменологическим реализмом». Показывается, как консервативная философия дает надежду на поддержание нашей антропологической идентичности, чтобы, стоя в потоке становления, направлять его в круг Вечного Бытия.

ГЛАВА I
ЧЕЛО-ВЕК XXI: ОТ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОСТИ К ЭКОНОМИЗМУ И ТЕХНОЛОГИЯМ

1. Культура как регулятор социальных отношений

Благотворный взгляд на вещи задается заботой о них. Она ведет мысль в нужном направлении, не позволяя отвлекаться на все, что вокруг или приходит в праздную теоретическую голову. В отношении культуры и социальности ключевой проблемой становится их утрата, внекультурный и асоциальный способ существования людей. Не просто на уровне индивида, личности, а как общее явление, как критическое для судьбы человечества развитие современной цивилизации. Отсюда все дискуссии и тревоги. Только имея в виду эту драматическую борьбу вокруг культуры и социума, стоит обсуждать и корректировать представления об их природе и дальнейших перспективах существования.

Проблему кризиса культуры, не ограничивая ее художественным творчеством, а понимая широко, как форму регуляции социальной жизни, во второй половине XX века наиболее явно поставил Д. Белл. В своей знаменитой работе «Культурные противоречия капитализма» (*Daniel, Bell.* The cultural Contradictions of Capitalism. New York, 1976) он показал нарастающую несовместимость рыночных отношений с традиционными способами поддержания социальности, какими от века были религиозно-моральные нормы и искусство. С того времени противоречия между культурой и капитализмом только обострились, дело дошло до того, что встал вопрос об утрате самой «социальности» как формы жизни людей. Торгово-рыночные отношения, ведущие к всеобщей продажности, истощают социальный капитал, он трансформируется в экономику, в расчет и поиск выгоды «Многие люди интуитивно полагают, – констатирует складывающуюся ситуацию Фр. Фукуяма, что капитализм плохо влияет на мораль. Рынки все превращают в товар и заменяют человеческие отношения голым интересом. С этой точки зрения современное капиталистическое общество потребляет больше социального капитала, чем производит»...

И далее Ф. Фукуяма вопрошает: «Обречено ли капиталистическое общество становится материально богаче, но морально беднее с течением времени? Разрушает ли крайняя безжалостность и безличность рынка социальные связи и учит ли, что только деньги, а не общественные ценности что-то значат? Идет ли современный капитализм к разрушению собственного морального основания и, таким образом, к коллапсу»[1].

С учетом поражения социалистической формы организации общества, какой она была в Советском Союзе, это вопросы роковые. В последнее время общественная мысль на Западе усиленно ищет ответ. Она делает это исходя из особенностей и уровня сложившегося там образа жизни и собственных теоретических традиций. В нашей литературе таких попыток мало, а если они есть, то являются своего рода калькой западных подходов. По-видимому, настала пора опираться на опыт столкновения культуры с современным капитализмом в своей стране. Оказывается, что иногда более целесообразно использовать теоретические традиции русско-советской философии.

В русской культуре религиозные и моральные нормы, эстетическое отношение к миру обобщенно определяется через понятие духовности. Культура и духовность по своей сути совпадают друг с другом и/или обуславливают друг друга. Культура как регулятор социальных отношений – это дух народа, его ценностные образцы и ориентации, его цели и идеалы. Поскольку это так, то кризис и утрата культуры есть кризис и утрата духовности, ее превращение в расчет и информацию. И наоборот, утрата духовности есть утрата культуры, ее превращение в буржуазную цивилизацию. Разница между ними в том, что культура представляет собой некое институциональное состояние духа, а дух – это непосредственное содержание, сердце и кровь культуры. При философском рассмотрении проблем целесообразнее иметь дело с живым началом.

«Умъ м., – определял В. Даль, – общее названiе познавательной и заключительной способности человека, способности мыслить; это одна половина духа его, а другая нравъ, нравственность, хотенье, любовь, страсти...[2] Как видим, в «классическую эпоху» духовное отношение к миру включало в себя ум, нравственность и чувство – то, что в философии называется идеальным и противополагается

---

[1] *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2003. С. 239.

[2] *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Спб, 1996. Т. 4. С. 494

материальному. Определение В.Даля ценно четким разграничением Ума, рациональности, с одной стороны, и нравов, чувств – с другой. Говоря категориально, разграничением познавательного и этико-эстетического отношения к миру. С ним совпадает трактовка Духа В.Соловьевым как единства Истины, Добра, Красоты. Не случаен также его призыв к всеединству, ибо он увидел перерастание различий между ними в их опасный отрыв друг от друга. Несмотря на такого рода, раздававшиеся во всех обществах призывы, в конце XX–начале XXI века распад Духа усилился. К нему привела экспансия знательности, информационности, вытесняющая и подавляющая «вторую половину» Целого. И сейчас, когда сожалеют об утрате духовности, фактически имеется в виду продолжение этого процесса. Ум, знания, наука не умаляются. Страдают Добро и Красота, мораль и эстетика. Бездуховный человек, бездушное общество не означают роста глупости людей или «всё плохо». Напротив, люди становятся более деловыми и интеллектуальными (по крайней мере, пока). Живут богаче, комфортнее. Но механичнее, теряя способность к сопереживанию и любви; становятся более активными и функциональными, но отчужденными, анестезированными, теряющими чувство жизни; роботообразными. В таком контексте под духовностью понимается не вся идеальная сторона человеческого бытия, а его «вторая половина», или, может быть точнее, «две трети». Деградация Духа, отмирание его нерационального, неинформационного состояния – вот Zeitgeist, дух нашего времени.

Обездушивание мира коррелятивно его обескультуриванию. По содержанию это один и тот же процесс. До XX века в культуру как нечто очевидное включалась наука. Однако ее развитие привело к ее обособлению. Теперь говорят о культуре и науке, культуре и цивилизации как самостоятельных формах жизнедеятельности. Культура – то, что «остается» после выделения из нее науки и техники (цивилизации). Так же с Духом, духовным отношением к миру. Это то, что осталось от прежнего Целого, что не захвачено рациональностью и технологией. Уяснение, что потеря духовности тождественна безнравственности и бесчувственности жизни, утрате в отношениях между людьми добра и красоты снимает налет консервативного сентиментализма с оценки складывающейся ситуации. Ведь многие как бы готовы жить без духа и без культуры, считая их архаикой – «в цивилизации», но не отдают отчета , что это жизнь без совести и любви. К ней они «не готовы». Стремящиеся к окончательной победе

цивилизации — экономики, науки и техники забывают, что в таком обществе нельзя апеллировать к чести, долгу, совести, благородству, другим лучшим качествам личности, а когда это делают (не выразив в долларах как моральный ущерб), то в силу инерции, предрассудков, и что жить бездуховно значит жить утилитарно, безыдейно. Суть катящихся по миру либеральных революций состоит в отказе от духовности и культуры, их полной замене финансово-экономическими отношениями, на плечах которых восседает, вкатывается социотехнический тоталитаризм. Собственно, это и есть глобализм, «конец истории», принимать который они тоже пока не хотели бы.

Чтобы проникнуть в существо какого-то явления, исследователь должен уподобиться сказочному Ивану-царевичу, искавшему смерть Кащея Бессмертного, которая была на кончике иглы, спрятанной в яйце, яйцо было в утке, утка в сундуке, а сундук на высоком дереве. Герою важно сделать изначально правильный шаг. Совершить Доброе Дело. Тогда у него появляется много помощников. Медведь повалил дерево, коршун напугал утку, щука выловила выпавшее из утки яйцо, а иглу он обломил сам. Добро в защите духовности состоит в том, что это, по большому счету, отстаивание сохранения особой, уникальной формы земного бытия, какой является человек. Могут, конечно, мыслиться или появиться другие формы бытия, но наша принадлежность к «человеческой» дает нам полное право считать ее высшей, а добро ее защиты — абсолютным.

Убедившись, что содержанием духовности является нравственность и любовь, можно считать, что удалось, повалив дерево, выпустить утку. Теперь надо разбить яйцо. Надо раскрыть социальный смысл духовности. Какую роль она играет в человеческих отношениях, в развитии общества?

Её социальным ядром является выход отдельного человека за пределы индивидуальной жизни, ориентация на общее благо. Это альтруизм, принцип служения, дара, противостоящие эгоизму, принципу полезности и эквивалентного обмена. «В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один — духовный, ищущий блага себе только такого, которое бы было благо и других людей, и другой — животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира)».[1] Духовность, осо-

[1] *Толстой Л. Н.* Воскресение. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 53.

бенно в своей моральной ипостаси, подчиняет интересы личности интересам общества, судьбу отдельного индивида потребностям сохранения человека как родового существа. Через нее выражается совместность бытия людей, право на существование в этом мире Другого. «*Быть* – считал М. М. Бахтин – значит *общаться*. Абсолютная смерть (небытие) есть неуслышанность, непризнанность, невспомянутость. Быть – значит быть для другого и через него для себя».[1] Принцип служения пронизывает, держит на себе содержательные проявления духовности: любовь, дружбу, верность, патриотизм и т. п. Все они, как следование любым идеалам, предполагают альтруистичность поведения, способность к самопожертвованию. Это «моральная моральность», о которой писал И. Кант, обосновывая ригористическую концепцию нравственности. Когда ее критикуют за утопизм и отрыв от реальной жизни, то забывают, что хотя в ней отражен один аспект существования – в чистом виде данный подход действительно односторонен, – без него прожить нельзя. Человек не может быть только эгоистом, если, конечно, он сохраняет в себе противоречие (»два человека»), то есть является личностью.

Наиболее ярко принцип служения воплощается в религии. Церковь не случайно настаивает, что духовны лишь верующие в Бога и что безрелигиозный человек не может быть ни нравственным, ни любящим. В России в настоящее время существование духовности прямо обуславливается возрождением религии. Атеисты возражают, указывая, что среди них было и есть немало людей, готовых к служению и самопожертвованию, что эти свойства присущи человеческой природе. С биологической точки зрения в альтруизме воплощаются интересы вида. Материнство, забота о потомстве, защита сородичей – врожденные качества, инстинкт человека (находят «ген альтруизма»). Если брать общественные отношения, то «сам погибай, а товарища выручай», «раньше думай о Родине, а потом о себе» – принципы, исповедывавшиеся в светской культуре. Было бы неправдой сказать, что им никогда не следовали. Отдавали жизнь и за более абстрактные, не освященные религией идеи. И все же, если в охоте за Кащеем надо отломить кончик иглы, то он здесь – в религии. В ней норма самоотречения и жертвенности провозглашается наиболее жестким образом. Это ее фундамент, самый глубокий корень духовности.

---

[1] *Бахтин М. М.* 1961 год. Заметки. – Собр. соч. Т. 5. С 344.

Светская культура, научный (не христианский) социализм, другие формы безрелигиозного служения требуют подчинения личности обществу, человека как индивида человеку как родовому существу. Религия же предполагает подчинение чему-то высшему и родового человека, т. е. всего человечества. Она выносит вертикаль служения за границы частных, непосредственных отношений между людьми. Как известно, всякая замкнутая на себя данность в конце концов – умирает. Поэтому на стадии роста человек особенно нуждается в том, чтобы чувствовать себя в составе более общей и мощной целостности, которую и олицетворяет Бог. Бог – существо, которое надо любить и прославлять за дар бытия как таковой. Молитва – это благо-дарность Богу. Святые – его Угодники. Они мученики за веру, многие пожертвовали за нее жизнью, Пантеон святых и героев состоит из тех и только тех, кто жил не ради себя, а совершил подвиг во имя Бога, своего народа, государства. «Никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя...Живем или умираем, – всегда Господни».[1] Сын Божий Христос принял смерть «за всех», искупая вину родового человека. Быть альтруистом, служить другому, если об этом сказать по-русски – делать добро. И Бог по своей сути является выражением Добра. «Бог зла» – дьявол. Он – эгоист по определению, всегда. Поэтому логично, что за отказом от Бога следует отказ от принципа добра. Оно остаётся неукоренённым, бытийствуя по инерции, временно. «И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, который дал его». Бог и духовность связаны так тесно, что в истории философии возникло специфическое «нравственное» доказательство бытия Бога, в котором утверждается, что Бог есть необходимый постулат существования человеческого духа (в терминологии И. Канта – практического разума). С другой стороны, если человеческий дух существует, значит, Бог есть.

Выходить за пределы собственных интересов, поступиться ради другого – минимальное требование религиозности, совпадающее с моралью. Веды повествуют: «Был некогда спор между богами и демонами. И демоны сказали: кому нам отдать наши жертвоприношения? Они положили все приношения себе в рот. Боги же каждый положили приношения друг другу в рот. И тогда Праджапати – изначальный дух, предался богам». Высший Дух вселился в Бога. Закон служения, подобно Дхарме, Судьбе, Дао превосходит конкретных богов, когда

[1] Послание к Римлянам. 14: 7–8.

их было много. В монотеистических религиях Бог становится непосредственным воплощением той сущности, которую любят, почитают, ради которой живут и жертвуют собой. Его славят, древние пели гимны, а не просили об удачной сделке или повышении оклада. Церковное действо не случайно называется службой. В пределе религия требует умаления человеческого «Я», эгоизма, «гордости» вплоть до деиндивидуализации и деперсонализации, слияния с Целым до исчезновения в нем. Нирвана, уход в «коллективное бессознательное», полная потеря своего Я является крайней формой альтруизма. Это самопожертвование, доведенное до логического конца — и как все доведенное до логического конца, оно становится злом, изуверством, формой ухода из жизни, что нередко случается в так называемых тоталитарных сектах. Они потому и тоталитарны, что не оставляют человеку никакой свободы. «В жизни» верующий решает житейские задачи, но подчиняет их стоящей над ней трансцендентной сверхъестественной силе. Тянется вверх, к Imaginatio, воображаемому состоянию. Возникает материально-идеальный, рационально-эмоциональный континуум, который все время напряжен. Это человеческая Душа как драма существования личности. Или Личность — как человек духовный. У атеистов души нет; вместо нее психика, но она также континуальна и напряжена. Несмотря на то, что этот континуум имеет другую, более «сплющенную» конфигурацию напряжения, до тех пор пока сохраняется противоречие самости и служения, оно делает человека одухотворенным и живым.

И вот в конце XIX века, как объявил Ф. Ницше, «Бог умер». Скажем мягче — «умирает» (принципиально свершившееся событие реально растянуто во времени). Но тем самым отмирают глубинные основания нравственности, ее сплетенные с религией корни. Она вырождается в «этику» (бизнеса, управления, науки и т.д. как набор правил соблюдения правил игры) и в конце концов вытесняется правом. Возникает гражданское общество и правовое государство. Отмирают высшие, слитые с верой эстетические переживания. Образное психологическое искусство превращается в абстрактное, концептуальное и в конце концов вытесняется «игрой ума», прикладной науко-техникой. С утратой стремления к другому, высшему и, следовательно, разложением религии, ломается стержень культуры. Обобщая эти процессы, можно сказать, что формируется обезбоженная техногенная цивилизация. Право и технология, в отличие от нравственного

и эстетического отношения к миру, опираются на рациональность, разум, который раз/б/пухая, постепенно подавляет прежние многообразные формы целостной духовной жизни.

Но почему и как умер Бог?

2. Экономоцентричное общество

Наиболее основательный ответ на этот вопрос, сколь бы ни казался парадоксальным, был дан в работах М. Вебера. «Люди, преисполненные «капиталистического духа», теперь если не враждебны, то совершенно безразличны по отношению к церкви. Благочестивая скука рая не прельщает столь деятельные натуры, а религия представляется им лишь средством отвлечь людей от трудовой деятельности в этом мире».[1] А само «развитие «капиталистического духа» может быть легче всего понято в рамках общего развития рационализма и должно быть выведено из его принципиального подхода к последним вопросам бытия».[2] Вера в Бога рационализировалась и истощалась вместе с распространением рыночных буржуазно-индивидуалистических отношений. В протестантизме, с его упором на спасение через собственный успех в труде, она вступает в противоречие со служением другому как сущностью духовного отношения к миру. Протестант, буржуазный человек живет ради дела, «служит» себе, в лучшем случае своей семье, утешаясь, что тем самым служит Богу или, для атеистов, обществу. (Общее благо образуется за спиной действующих себе на пользу индивидов). Традиции, привычки, ритуалы, идеи и ценности, не сопрягающиеся с выгодой и эффективностью, теряют свое значение. Осмелимся вспомнить другого великого аналитика капиталистического образа жизни. «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям» и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»... Меновой стоимостью стало все: личное достоинство человека, профессионализм

[1] *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма//Избранные произведения. М., 1990. С 94.

[2] Там же. С. 94.

врача, юриста, вдохновение поэта, человека науки и т. д. и т. п. Даже семейные отношения сведены к «чисто денежным отношениям».[1]

Идейно-политически отказ от принципа служения выражается в идеале свободной личности и либерализме, юридически – в концепциях правового государства, социально – в формировании открытого гражданского общества. Традиционные общества были закрытыми и закрыты они были обычаями, верованиями, моралью, почитанием авторитета, любовью или страхом, прочими неоправданными перед лицом разума пред-рассудками. Для них характерно ценностно-рациональное регулирование отношений. Обобщенно говоря, они регулировались, были «закрыты» духовностью, культурой. Открытое общество от этих пут освобождается, в нем разрешено все, что не запрещено законом, который все формализует и кодифицирует. Опираясь на целерациональное, социотехническое регулирование и бюрократию, оно становится «системой всеобщей полезности» – цивилизацией.

Несмотря на, впечатляющее описание К. Марксом проникновения рынка во все поры жизни, его можно считать художественным преувеличением для того времени, что особенно заметно при сравнении с нынешней ситуацией. Вначале рынок «сосуществовал» с культурой, экономика была ядром, системообразующим фактором общества, главным, но не единственным. Это была общественно-экономическая формация. Марксисты открещивались от трактовки своего учения в духе экономического детерминизма, настаивая на воздействии на экономику «надстройки», других сфер общественной жизни, подчеркивая, что они развиваются по собственным законам. Капитализм XIX века не был и всемирным явлением, хотя влиял на страны Азии и Африки, а после революции в России на социалистически ориентированные «тоталитарные» общества. Зато сейчас марксистская теория приоритетности экономического в системе общества, под крики о ее крахе, торжествует как никогда.

Новый этап в развитии капиталистических отношений наступил после распада закрытых «социалистических» обществ. Рынок, выгода, прибыль стали практически всеобщей формой жизни людей, поистине глобальным явлением, что позволило провозгласить открытое общество «светлым будущим всего человечества». Расчет, купля-продажа из сферы материального производства и потребления

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 426.

проникли в казалось бы несовместимые с этими подходами области жизни. В научном творчестве – интеллектуальная собственность, в искусстве – шоу-бизнес, о спорте как бескорыстном соревновании сил и умов приходится только вспоминать, в интимных отношениях продажная любовь дошла до точных прейскурантов на ее разные способы, семьи скрепляются партнерскими контрактами. Появились представители «религиозного бизнеса», торгующие богом намного результативнее, чем когда покупали «папские» индульгенции. Дискредитируются, остаточные формы чего-либо нетоварного, самоценного, экзистенциального. «Выгода никогда не отважится переступить мой порог», – говорил Уильям Блейк. Ах, поэты-романтики, вообще поэты, где вы теперь? В погоне за прибылью возбуждаются самые низменные и саморазрушительные потенции противоречивой человеческой натуры. Все критикуют телевидение за то, что оно стало орудием разложения личности. И никто ничего не может с этим поделать. Потому что эксплуатация страстей, пороков и болезней людей стала после эксплуатации природы и новых технологий третьим по важности источником прибыли. Без изменения социальных отношений и обуздания капитала, человека как личность не спасти. Изощренный критик и «деконструктор» культуры Ж. Деррида особенно не хочет мириться с тем, что человек вообще способен делать что-то бескорыстное. Дар, подарок, служение, любовь – «фальшивые монеты», ибо одаряемый всегда испытывает чувство признательности в отношении дарителя, который в свою очередь, может получить от сделанного подарка чувство удовлетворения. Выходит, что подарка в чистом виде не существует, поскольку по своей природе он не должен включаться в экономические отношения. «Если подарок проявляется или означивается, – утверждает Ж. Деррида, – если он существует или есть в настоящее время как подарок, как то, что он есть, тогда он не есть, он аннулируется. По крайней мере, сущности подарка (его бытия или проявления, его как такового, поскольку оно имеет интенциональное значение или означивание) достаточно, чтобы аннулировать подарок. Сущность подарка равноценна не-подарку или не-истине подарка».[1] Развенчать Добро – вот конечная цель постмодернистской «этики», если о таковой в этом случае можно говорить. Она отражает и усиливает процесс его размывания в реальных человеческих отношениях.

---

[1] *Derrida J.* La fausse monnaie. Paris, Galiles, 1998. P. 42.

Социологи считают, что до 90% разговоров среднего американца связаны с деньгами – как их заиметь и на что потратить: «Как, Вы еще не пользовались низорал-шампунем?» Все другие интересы и события мира укладываются в оставшиеся 10%. Его достоинство тоже определяется экономически: «сколько этот человек стоит». Для характеристики подобного общества и содержания сознания его членов понятий рынка, капитализма недостаточно. Они слишком конкретные, отраслевые. Целесообразно признать, что к началу XXI века духовно-политический тоталитаризм потерпел полное поражение от утилитаризма, и в наиболее развитых странах Запада сформировалось глобальное экономоцентричное общество, а также соответствующий ему тип человека – Homo oeconomicus. Экономоцентричное общество, экономический человек – не метафоры, а наиболее адекватные теоретические понятия для выражения современных форм жизни. Рыночное, капиталистическое, гражданское – слишком частные, специфические, а свободное, открытое – слишком абстрактные, демагогические характеристики такого общества. Капиталистическая общественно-экономическая формация переросла в формацию, истиной функционирования и идеологией которой является экономоцентризм. Экономоцентризм – через призму рентабельности рассматривается практически все, что существует и экономика из системообразующего фактора превращается в систему в целом. В этом обществе даже покойники должны платить за свое право лежать в земле. Если могилы на кладбищах не оплачиваются, их срывают и заселяют другими обитателями. Экономоцентризм – социально институциализированный эгоизм. В результате духовность вытесняется на периферию жизни, в филантропию, а от обозначающих ее слов остаются пустые оболочки. Взывать к совести – сентиментально, напоминать о долге – идеализм или «эсхатологическое сознание», верить – наивно, любовь – эмоциональное рабство, патриотизм – «мы этого не понимаем» и т. п. Скоро начнут ставить вопрос о рентабельности человека, спрашивать для чего нужны люди вообще и в чем польза счастья. Поскольку, как говорил мизантропически настроенный А. Шопенгауэр, «жизнь – это предприятие, которое не покрывает своих расходов», ее готовятся объявить банкротом и назначить внешнее (технологическое) управление. Богу в атмосфере экономоцентризма нечем дышать, он болеет, ему воздают формальные почести (и то все меньше, то и дело переходя к прямому опошлению и диск-

редитации, в последнее время особенно Христа), а фактически поклоняются сатане, дьяволу (преимущественно желтому). Сатана не требует «служения», ему угодить легче – служите себе. Образуется мир без должного, только сущее, что означает его впадение в состояние своеобразной гуманитарной энтропии. Эгоизация и индивидуализация бытия гораздо эффективнее обезбоживают мир, нежели это при социализме делали атеисты, завзятые и сознательные борцы с религией. Они боролись с Богом на почве духовности, за другую духовность. Экономоцентризм уничтожает саму ее почву.

Бездуховность экономического общества не отклонение или какая-то его ущербность в организации и структуре. Она вытекает из его сути как выражение преобразовательно-потребительского отношения к миру. Не уравновешенное альтруистичностью и служением, заботой о судьбе ис- (по-)требляемой природы, неизбежное перенесение этого отношения на людей делает экономику из средства развития жизни в средство ее подрыва. Экономика трансформируется в экономоцентризм. Подобно тому как вышедшие из-под общего управления и начавшие развиваться по собственной программе клетки живого организма приводят его к раковому заболеванию, так деятельность не считающихся с судьбой целого индивидов ведет это целое к разложению. Деньги в сфере духа – логика. Всюду деньги – всюду рациональность, расчет, эквивалентность. Экономический человек становится безличным, что не означает его тупости или несостоятельности во всех отношениях. Это новый тип человека – Актор. Как потребитель, интеллектуал, технократ, эффективный и «самодостаточный» делец он органичен для товарно-денежного производства. Но именно для производства. Однако эти свойства он обычно переносит в культуру, а потерей души и духа, собственно живого начала может даже гордиться. «Гройс обладает уникальным сочетанием четкости математического ума и чрезвычайной артистичности. Ему в Германии не раз говорили, что во время выступлений он выглядит как шоу-мен. Он легко приемлет мнение другого человека, ему чужда атмосфера русского спора. Ощущается его непогруженность в человеческие страсти. В этом отношении он полумертвец, что я очень уважаю, это качество в нем развито даже больше, чем во мне. В общем, личность Бориса Ефимовича мне близка и понятна»[1]. Если не сводить жизнь к

[1] *Пригов Дмитрий, Шаповал Сергей.* Портретная галерея Д. А. П. М., НЛО. 2003. С. 143.

производству и коммерческому функционированию, пусть даже «артистическому», проблема в том, чтобы подобные качества оставались в их пределах, а в остальных сферах бытия человек мог проявлять себя не как «полумертвец» и биоробот, а как целостное духовное существо. Как более или менее совершенная Личность.

В странах «победившего экономизма» кроме абсолютных бездумных рыночников немало людей встревоженных таким развитием событий. Достаточно вспомнить Э. Фромма, Франкфуртскую школу, Ж. Батая, коммунистическое, вообще левое, а теперь антиглобалистское движение. Официальный лозунг социал-демократических партий Европы: «рыночная экономика, но не рыночное общество». Они стремятся противостоять прямому переносу законов экономики, то есть всеобщей продажности, на сферу искусства, образования, вообще культуры, личных и межчеловеческих отношений. В этом глубинный смысл социального регулирования рынка как установления пределов экономизма, подчинения стремления к прибыли и потребительству более высоким целям. С точки зрения сохранения духовности и экзистенциального измерения мира его можно назвать гуманитарным регулированием. Не случайно, что «чистые», «настоящие» экономисты, иначе говоря, узкие, тупые профессионалы всегда осуждают подобное вмешательство в экономику, и они всегда либеральны. Не случайно также Блок говорил: «Я художник и потому не либерал». Против «рыночного фундаментализма» выступил даже Дж. Сорос. Сложившееся на Западе общество, которое принято считать открытым и к достижению которого как к идеалу устремился мир, он неожиданно для своих адептов подверг резкой критике. За отсутствие в нем... духовности. И соглашается признать только «переходным» к какому-то новому, где экономика служила бы общему благу. «Переходное общество подрывает общественные ценности и ослабляет сдерживающие моральные факторы. Общественные ценности выражают заботу о других. Они подразумевают, что личность принадлежит обществу, будь то семья, племя, нация или человечество, интересы которого должны превышать интересы отдельной личности (!—В. К.)... В моей новой формулировке открытое общество не находится в оппозиции к закрытому обществу, а занимает ненадежное промежуточное положение, в котором ему угрожают со всех сторон универсальные идеи, доведенные до логи-

ческого завершения, это все виды экстремизма, включая рыночный фундаментализм».[1]

Определенные надежды в реализации своего нового идеала «смешанного общества» Дж. Сорос возлагал на Россию, для чего были исторические основания. Увы. Экономоцентризм, контргуманистические тенденции продолжает превалировать, хотя без сопротивления им дело было бы намного хуже. Парадокс России в том, что здесь стоит всеобщий плач по культуре и духовности, распространены упования на них, при одновременном желании достичь тех же результатов, что и в странах передового экономизма. Малосовместимость этих целей – не замечается. Пафос «догнать и перегнать» подавляет традицию критического отношения к экономоцентризму как в русской дореволюционной общественной мысли, так и опыт попыток, пусть незавершившихся и неудачных, его преодоления в социалистическую эпоху. «Американизм, – писал В. В. Розанов ещё в начале XX столетия, – «есть столь же устойчивый и кардинальный момент в истории, как Греция и Рим. «Мы будем торговать, а остальное неважно». Мы (Россия) живём в этом моменте мещанства, мы только что в него вступаем... Европа, как и Азия, в конце концов побеждаются Америкой. Американизм есть принцип, как «классицизм», как «христианство». Америка есть первая страна, даже часть света, которая, будучи просвещенной, живёт без идей. Вот это существование без высших идей побеждает и едва ли не победило христианство, как христианство некогда победило классицизм».[2] Сущность американизма – экономоцентризм. И не отдавая отчета в этом глобальном противоречии между духовностью и экономизмом трудно избежать тупиковой для человека, как признает большинство ответственных мыслителей, перспективы либерально-утилитарного пути. Нечего тогда говорить и об особой, «спасительной», на что многим хотелось бы надеяться, миссии России в современном мире.

3. Как возможна постэкономическая цивилизация

По большому счету дальнейшее существование культуры, духовности и человека в качестве личности мыслимо только при переходе

---

[1] *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма (Открытое общество в опасности). М., 1999. С. 98. Более полный анализ этой необычной книги см.: Два Сороса//Общественные науки и современность. 2000. № 3.

[2] *Розанов В. В.* Собр. соч. М., 1994. С. 111–112

к иному, не рыночно-индивидуалистическому типу общественного развития. При условии преодоления экономоцентризма как принципа жизни. Несогласие с экономизмом, а часто его категорическое отрицание зародилось вместе с ним. Если вынести за скобки первобытный коммунизм, античные, раннехристианские или средневековые формы общественной жизни, то прежде всего в теориях утопического социализма. Переход капитализма в промышленную стадию вывел на сцену практическое социалистическое движение, которое с тех пор стало своеобразным двойником частнособственнических отношений. В первой половине XX века оно, как известно, реализовалось в виде особой хозяйственной системы и социально-политического устройства. Предполагалось, что в дальнейшем социализм преобразуется в коммунизм и тогда человечество окончательно освободится от расчета и корыстных интересов, вызываемых борьбой за долю произведенного продукта. Возможность бесплатно, «по потребности» иметь от общества все, что нужно для обеспеченной и культурной жизни, изменит характер людей. Избавление от постоянных опасений за социальную судьбу оздоровит их психику, откроет перспективу радостного бытия и свободного духовного роста. Человек в основном посвятит себя высоким интересам, среди которых самыми привлекательными станут творчество и забота о других людях. Он сохранит индивидуальность, но это будет индивидуальность не эгоиста, а всесторонне развитой совершенной личности.

Поражение «реального социализма» в хозяйственном соревновании с экономизмом, за которым последовал социально-политический распад, как бы вновь превратил его в утопию. Рынок, товарно-денежные отношения и либерализм стали представляться единственно «правильным» путем прогресса. Говорить о преодолении экономоцентризма в таких условиях – значит бросать вызов объективному ходу вещей, а говорить о социализме, тем более в бывших социалистических странах нельзя или бесполезно (отлученный от «свободных» средств массовой информации автор сразу попадает в гетто для оппозиции). Однако, по мере того как индустриальное общество перерастает в постиндустриальное, идеи исчерпания частной собственности, рыночных отношений, конкуренции как образа жизни опять стали давать о себе знать. Высказываются они на Западе людьми не связанными с социалистически-коммунистической ориентацией. Появилась целая серия работ, где в разных вариантах (постбуржуазное, постка-

питалистическое, пострыночное, постпотребительское) прокламируется конец экономического общества.[1]

Их ведущим постулатом является мысль, что в постиндустриальном обществе в сфере высоких информационных технологий принципы экономоцентризма перестают быть эффективными. Производство так усложняется, что требует не конкуренции, а планирования вплоть до логистики, обладание собственностью становится юридической фикцией, богатство – записью в банке, прибыль получается не за счет эксплуатации, а за счет развития творческих способностей работника и т. д. Транснациональные производственные компании трансформируются в так называемые адаптивные и креативные корпорации, важнейшим ресурсом которых является неэкономическая мотивация их деятельности. Многие привычные условия функционирования капитала становятся ненужными, бессмысленными. Возникает своеобразная техно- и номократическая система, в которой главную роль играют интеллект и образование. В России идеи постиндустриального становления ноосферы (так принято в нашей литературе называть техносферу) с проблемой преодоления экономизма не связываются. Их продолжают обсуждать в основном внутри социалистического движения. Характерно, что в трактовке самого социализма усиливаются техницистские мотивы, его опирают на ту же базу научно-технического обобществления собственности и вызываемой им необходимости глобального управления, хотя в последнее время публикуются исследования, где предприняты попытки сопряжения защиты марксистской методологической традиции с новейшими тенденциями постэкономического развития.[2]

---

[1] См.: *Иноземцев В. Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995; Его же. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения//Вопросы философии. 1997, № 10; *Шулындин Б. П.* Российская цивилизация и современный технологический переворот//Путь России. Приложение к альманаху «Вече». СПб.–Н. Новгород. 1995; Трансформация современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общества. (Круглый стол)//Вопросы философии. 2000, № 1.

[2] *Drucker P. F.* Post-Capitalism society. N. Y. 1983; *Makhijani A.* From Global Capitalism to economical justices. N. Y. 1991; *Gates B.* The Road Ahead. N. Y. 1996, *Rifkin J.* The End of Work N. Y. 1996; *Heilbronner R. L.* Business Civilization in Decline. N. Y. 1976; *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. N. Y., 1997; etc.

Итак, является ли постиндустриальное общество в то же время постэкономическим? Если оно постэкономическое, то означает ли его «после» преодоления кризиса культуры, духовности и личности, к которому привела экспансия экономизма?

К сожалению, больше нет, чем да. Глобальная постиндустриальная цивилизация, приглушая мотивы индивидуализма и эгоизма своих членов, приостанавливая их атомизацию, делает это не через культуру и духовность, а социотехнически, через лишение свободы. Экономическая рациональность сменяется технологической. Человек-актор дрейфует не в сторону личности, а в сторону превращения в «агента» системы. Его индивидуализм смягчается не сближением и сотрудничеством с другими людьми, а повышением зависимости от законов социотехнической деятельности, отчуждение преодолевается не стремлением к общению, а ростом количества формальных коммуникационных контактов, то есть в сущности не преодолевается. Вместо отходящих на второй план материальных интересов развивается не доброта и любовь к ближнему, а погоня за информацией и интеллектуальной собственностью, престижное символическое потребление. Когда говорят о замене труда (labour) творчеством (creativity), то под последним имеется ввиду творчество техническое. Если экономический человек находится в зависимости от потребностей общественного производства и из цели экономики превращается в ее средство, то в постиндустриализме уже само общественное производство начинает определяться законами эволюции одной из своих частей — техники. И человек, и производство — «предлог для прогресса». «Третий кит» современности тучнеет на глазах, грозя вытолкнуть первых двух — культуру и экономику — на мелководье, потом на сушу, и заполнить собой всё море жизни. Сущностью глобализма является технологизм. Вместо традиционного общества (общественно-экономической формации) возникает универсальная техническая система — Технос.

Глобальный технологизм ведет к превращению человека из социально-культурной личности и даже актора в агента как человеческий фактор Техноса. Интеллигент, пройдя стадию интеллектуала, трансформируется в «интеллагента». Человеческий фактор, интеллигент, бурно протестуя против ограничения своей свободы культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если они будут техническими, так называемыми «гуманитарными технологиями». Лишение индивида имени, замена его номером и тем более «клеймение», все-

гда воспринималось как надругательство над достоинством человека. Но если номер обещают ставить не каленым железом, а лазерным лучом и хранить в компьютере, то у «прогрессивной общественности» особых возражений нет. Протестуют консерваторы, фундаменталисты и прочие антиглобалисты. Слежка за гражданином, наружное наблюдение и письменные доносы – тоталитаризм, стукачество, но если посредством телекамер просматриваются целые кварталы и обо всем подозрительном предлагается звонить по специально объявленным телефонам, это воспринимается как необходимость обеспечения общественной безопасности. Поставьте «телескринов» больше, наблюдайте на всех станциях метро, умоляют обыватели правовых государств. Обыск в форме ощупывания одежды руками отвергается как нечто унизительное, но если по телу водят электронной палкой, все стоят как покорные бараны. И т. д. и т. п. Лишь бы не со стороны живых людей, не от имени культуры, а техникой – и свободолюбивые либералы соглашаются на самый тотальный контроль. Открытое гражданское общество закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционные, культурные, разница в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая, «высокотехнологическая».

Аналогичные процессы идут в сфере управления. Хотя в современных условиях управленческие подходы ко всему и вся переживают бум («революция менеджеров»), в тенденции они, как собственно человеческая деятельность, утрачивают свое значение. История управления движется к потере его субъектного характера. «Зачем бить бичом, когда достаточно плетки», – увещевали гуманные римляне своих жестокосердных сограждан. Бич, плетка, нагайка, наказание голодом были необходимой, нормальной формой управления полностью подневольными работниками. При этом менеджер сам должен обладать немалой силой, являясь как бы двигателем, условием начала и продолжения трудового процесса. Он должен непрерывно его «поджигать». В наше время подобное управление если и встречается, то в чрезвычайных ситуациях, обычно в отношении военнопленных и осужденных. Свободные и хотя бы частично самостоятельные трудящиеся не требуют столь жест(о)кого стимулирования. В феодальном обществе управленец прибегал к силе только в состоянии гнева и раздражения: «удар зубодробительный, удар искросыпительный, удар скуловорот». Но руководить все равно приходилось непосредственно: «рукой водить», показывая, что, как и сколько надо делать. Прямая

включенность в производственный процесс – характерная черта управления во всех традиционных, доиндустриальных обществах. Оно вещественное, физическое.

В XX веке «контактное» управление стало редким и привлекает нездоровое внимание общественности. Приоритет переходит к сфере духа. Подчиненных «вызывают на ковер», им «ставят на вид», «объявляют выговор», что сопровождается бранью, угрозами лишить премии или уволить, сверканием глаз и топанием ног. Все рядом, чувственно, но на дистанции, «без рук». Отчуждение управленца от управляемых доходит до того, что «выговор», по своему смыслу словесный, т. е. требующий присутствия виновника, может даваться вывешиванием бумажки на доске объявлений. Цепочка посредников между высшим руководством и исполнителями становится все длиннее. Однако менеджер должен знать дело, которым управляет, он дает указания, выпускает распоряжения по организации производс-

Выхолащивание из менеджерской практики властного, телесно-духовного компонента актуализирует критику «мифов и легенд» о роли человека в нем, о выдающихся субъектах этой сферы, «гуру», которые силой своего авторитета и влияния на людей добивались впечатляющих результатов. Или требуют «покончить с менеджерским беспределом», когда руководитель позволяет себе принимать самостоятельные решения. В этом новом подходе к пониманию предназначения менеджера прослеживается заказ объективных обстоятельств на чисто функциональное, «постчеловеческое» управление, которое, в пределе, реализуется в логистической организации хозяйственных связей, постепенно все более расширяющейся, приобретающей глобальные масштабы. Модель безлюдного автоматизированного завода выходит за пределы места-здания и функционирует как детерриторизованная система. Идеалом управления становится его отсутствие.

Конец управления явственно прослеживается в его теоретической трактовке. «Менеджер – это специалист по управлению, который разрабатывает планы, определяет что и когда делать, как и кто будет выполнять намеченное, разрабатывает рабочие процедуры (технологии) применительно ко всем стадиям управленческого цикла, осуществляет контроль».[1] Здесь не предполагается ни волевой, ни какой-либо другой инициирующей труд активности. Не оставлено и зазора для учета особенностей исполнителя. Это скорее круг обязанностей специалиста по составлению инструкций и схем деятельности. Управленческое отношение редуцируется к технологическому, превращаясь, в сущности говоря, в программирование. Возникает «информационный менеджмент», квалифицируемый как «новая эра в управлении». Вместо субъекта в нем сохраняется субъектность, когда управленец, если присутствует, то тоже в виде фактора. Оптимисты полагают, что на его долю останется роль заказчика, постановщика целей для управления. Это, по-видимому, иллюзия. Не управляя средствами, нельзя иметь, тем более реализовывать, своих целей. Это безсубъектное технологическое пост- (не)управление. Вместо субъектов, если что и остается, то некие «рефлексивные процессы».

В ближайшей перспективе возможно образование интеллектуально-технологических систем, которые непосредственно, без финансовых расчетов будут объединять субъектов хозяйства, управления, а

[1] Психология управления. СПб., 2000. С. 7.

потом и жизни в некую общую транснациональную систему. «Через искусственный спутник Земли центральный компьютер конкретного предприятия включен в глобальную коммуникационную сеть, по которой получает руководящие программы и может связываться с локальными сетями субподрядчика».[1] Для реализации подобных проектов создан мировой консорциум. Пока у него есть оппоненты, опасающиеся, что отказ от конкуренции и других принципов экономизма не ускорит, а замедлит темпы внедрения новых технологий, которые в этой системе хозяйствования становятся абсолютной ценностью. Проектировщики «глобального производства» заверяют, что нет, при условии, если им будут управлять соответствующие по характеру и квалификации люди. Действительно, для функционирования таких систем нужен не экономический, а «технологический человек». Сейчас он возникает, все больше и лучше укладываясь в своих проявлениях в оператора в производстве и носителя магнитной карточки в быту, которая от его имени представительствует в контактах с остальным миром. Спрос на иные, «духовно – душевные» формы самовыражения, если остается, то преимущественно в маргинальных сферах жизни.

Ограничение индивидуализма, преодоление стихийности общественных связей, их планирование на первый взгляд кажется неким торжеством коммунитаризма, социализма и даже соборности в их старом споре с экономизмом, справедливостью (каждому свое) и либерализмом. Однако это лишь «технический коммунитаризм». В нем отсутствует неотъемлемое от гуманистического идеала живое общение, социальная солидарность и братство, нет духовного и личностного начала. Это коммунитаризм, опирающийся на расчет, а не на нравственность, на разум, а не душу, хотя все может направляться в интересах целого. Вопрос в том, что это за целое – социальное, человеческое, божественное или информационно-техническое, «большая машина», состоящая из других социальных машин, вплоть до «машин желания», как определяет людей постмодернизм. Из известных мэтров социологии, наиболее реалистическое название постэкономическому обществу дал, по-видимому, Ален Турен, характеризуя его как технологическое и программируемое. Глядя на современность, можно с уверенностью утверждать, что утопии, о которых мечтали, реали-

---

[1] *Рувинова Э.* Управление производством XXI века. Фантастика и реальность//Электроника (наука, технология, бизнес). 1996. № 6. С. 61.

зуются как дистопии. «...Будущее представляется всё более ускоряющимся маршем технического прогресса: машины, избавляющие от физического труда, машины, избавляющие от размышления, машины, избавляющие от боли, гигиена, высокая производительность труда, чёткая организация производства, больше гигиены, рост производительности труда, лучше организация производства – пока вы не окажетесь в знакомой уэллсовской утопии, тонко спародированной в «О, прекрасном новом мире», рае маленьких толстяков».[1] Мы свидетели становления именно такого глобального «нового порядка». Уповающие на преодоление экономизма через технологизацию непременно приходят к выводу о замене социальных отношений чем-то другим, не решаясь додумывать чем и что это будет означать для человека. Такого рода систему отношений предвидел еще Ф. М. Достоевский. «Выше всего ценя разум, науку, реализм он (речь шла о В. Г. Белинском – В. К.) в то же время понимал глубже всех, что один разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную гармонию, в которой можно было бы ужиться человеку».[2]

Как всякий гений, Ф. М. Достоевский мыслил радикально. Его знаменитое высказывание «если Бога нет, то все позволено» кажется крайностью – ведь жили и продолжаем жить без Бога, да и боги на Земле разные, но теперь его суть видится в новом свете. Наше рассуждение привело к заключению, что кроме гармонизации социального общежития вера в Бога является базовым условием существования культуры и духовности. «Смирись, гордый человек», – призывал Ф. М. Достоевский. Прогрессистское сознание воспринимает это как умаление людей, их сил и возможностей. Кризис, перерастающий в антропологическую катастрофу, которую переживает «гордое» человечество, показывает, что продолжение его существования предполагает необходимость признания или постулирования сил, которые выше нас, и подчинения им независимо от того являются они фактическими или возможными. Сил требовательных, но благодетельных. Они создают противовес его замкнутости на себя. «Нас спасет только Бог», скажет позже М. Хайдеггер. Выходит, что в современной ситуации для сохранения человека надеяться надо на Воскресение умершего Бога. Однажды люди его убили, но Он воскрес. Случится ли Чудо еще раз, и воскресший Бог нас спасет?

---

[1] *G. Orwall.* Wells, Hitler and the World State. 1970. P. 170.

[2] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. М., 1989. С. 40–41.

* * *

Глубинная связь образно-нравственного отношения к миру с верой в трансцендентное, с религией кажется вполне убедительной, а вывод о необходимости воскресения Бога вполне логичным и эффектным. Но для восприятия практического атеиста, к каковым относит себя автор данной статьи, он слишком риторический. И из-за истощения у нас веры и любви – грустный. При каких условиях чудо сохранения человека возможно на самом деле? Сомнения остаются. Пока оно не произошло, в сложившихся обстоятельствах надо культивировать одно: «На Бога надейся, а сам не плошай». Нужно противиться проникновению не только экономизма, но и технологизации, особенно «гуманитарных технологий» в сферы бытия, которые по своей природе являются спонтанными, живыми и естественными. Экзистенциальными. Как в личных отношениях, так и в социуме. Лозунг «рыночной должна быть экономика, а не общество» важно дополнить: «технологическим должно быть производство, а не жизнь». Эти подходы несовместимы с продолжением оргии потребительства, которой предается богатая часть человечества и безумной, поистине сорвавшейся с цепи производственной эксплуатации среды собственного обитания, с трансгуманистическим, т. е. безответственным, в конечном счете самоубийственным манипулированием своим телом и психикой. Нужно соблюдение экологических табу, запретов в отношении природы и охрана констант наследственной идентичности человека. Они – новые Заповеди Устойчивости общества и нашего выживания в нем. Их описанию, объяснению, обоснованию посвящена большая литература, все их примерно знают, и здесь нет смысла повторять. Нам не хватает не знания, а воли к их выполнению. Воли к самоуправлению. Не хватает не информации, не богатства, а способности к недеянию, к мудрости, которую, по-видимому, придется выстрадать. Выстрадать трудно, тяжело, «на грани». Но только так продлимся.

Если, конечно, нам удасться сохраниться как живым, телесным существам, не допустить превращения человека из формы природного и естественного бытия в нечто техногенное и при том непрерывно изменчивое, что означает исчезновение в бесконечном потоке становления. Если, для начала, человек сумеет поставить заслон хотя бы демонтажу самого способа воспроизводства своей жизни, подвергающегося все большей опасности, ведущей к «сумеркам любви». Если он сохранит пол и останется Homo eroticus.

ГЛАВА II
СУМЕРКИ ЛЮБВИ

1. Источник жизни и высшая ценность духа

Жизнь как пламя. Ей все время нужен новый материал. Способность размножаться, воспроизводить себе подобные существа взамен сгоревших при обмене веществ, является признаком отличия живого от неживого. Примитивные организмы могут производить идентичное потомство простым делением, бинарным, множественным, фрагментацией, спорами, клонированием, почкованием, у высших обязательно взаимодействие разных по наследственным и морфофизиологическим характеристикам особей. У них образуется пол, благодаря чему генетические изменения из обусловленных случайными мутациями превращаются в постоянный механизм отбора полезных свойств, «встроенный» в эволюцию биоты. Возникновение полового деления и есть граница между низшей и высшей формами жизни на Земле. Это была подлинно сексуальная революция. В рамках развития и совершенствования живого она по своему значению сравнима с появлением органических существ вообще

Половая стратегия жизни предполагает, что субстратное разделение особей сопровождается обратной тягой к единству, влечением к образованию нового целого и тем самым восстановлению онтологической тождественности вида. Поляризованность субстрата компенсируется энергией соединения. Кроме наследственных биологических выгод возникновение полов увеличивает эффективность взаимодействия с внешней средой. Оно целесообразно поведенчески, когда к особи предъявляются противонаправленные требования: быть спокойной, например при рождении и воспитании потомства или быть агрессивной, продолжая защищать свою территорию; охотиться ради собственного выживания или кормить детенышей; быть ориентированной вовне или вовнутрь. Одновременное действие по разным векторам дисфункционально, сужает возможности видового прогресса. Деление по полам решает эту задачу, закладывая более адекватную структуру ответа на вызов сталкивающихся друг с другом обстоятельств. Разделение функций «по полам» первый шаг к сложности и получению эмерджентного выигрыша. На этот путь тем или иным

образом встали все высшие существа. Диалектика пола является выражением общего нарастания сложности развития живого. В мифах и философии древних она обычно распространялась на мироздание в целом. Соединение и разделение, любовь и вражда рассматриваются как силы, пронизывающие любое сущее. Космос живой, имеет края и полюсы, он намагничен, напряжен, он магичен в силу чего представляется как Мировая Душа, Абсолютный Дух, Бог.

Возникновение человеческого духа настолько связано с полом, что, наряду с объяснением этого события божественным Актом или совместным трудом, в некоторых теориях его предлагают считать результатом противоречия между влечением и социальностью. Табуирование инстинктов, особенно такого фундаментального, как половой, рождает воображение, а потом мысли. Во всяком случае признано, что первобытная культура, протокультура пронизана сексуальностью, вращается вокруг гениталий. Половые отношения лежат в основе матриархата, когда вся жизнь, пока не знали отцов, организовывалась вокруг рождения и воспитания потомства. Хотя значение физической силы и агрессивности на охоте, в удовлетворении инстинктов и борьбе с враждебными племенами было выше, чем когда-либо, структура социальных отношений определялась родством и кровью, по материнской линии. Лишь с появлением возможности производить больше, чем сразу съедали, то есть накопления, а потом собственности и классов (да простят мне этот «марксизм» представители новой идеологической конъюнктуры) возникают семья и патриархат. Семья (семя) по своей сути всегда патриархальна, эти институты рождались и исчезают вместе. Возникновение семьи было первым поражением почти еще природной сексуальности от культуры. Отныне семья – «ячейка общества». Сексуальность перестает быть непосредственной и спонтанной, она не просто структурируется, а целенаправленно, потребностями новых социально-экономических форм жизни регулируется. Регламентирующее вторжение культуры в свободу секса порождает лицемерие (желания, которые трудно скрыть, приходится закрывать набедренными повязками) и... любовь, предпосылки к ней. Если в происхождении сознания в целом из напряжения между желаниями и запретами можно сомневаться, то в отношении морали и любви это кажется бесспорным.

Становление индивида как личности шло рука об руку с процессом его выделения из рода, а потом и общины. Между родом и личностью образуется разрыв, который в ходе истории расширяется. Его мож-

но считать выражением драмы взаимодействия природы и культуры. Их противоречие разрешалось прежде всего через изменение места половых отношений в обществе, способов реализации «основного инстинкта». На стороне рода – телесность, потребности продолжения природно-биологического существования человека, радость, которую он получает от их удовлетворения, на стороне личности – сознание, хотя вначале еще «родовое», связанное с овладением внешней природой, ее использованием ради облегчения жизни, удовлетворения от достигаемых целей. Воздвигаемые перед непосредственной чувственностью препятствия, ее «преследование» вплоть до подавления, вели к усложнению и сублимации переживаний, их возгонке в более тонкое состояние. Но как бы это соотношение родового и индивидуального ни менялось, закон сохранения человека в качестве особого биологического вида ставил ему границы: поддерживать взаимное влечение полов, служа тем самым источником продолжения жизни.

Считается, что связывать с полом все формы любви – чувство красоты, дружбу, симпатию, милосердие, любовь к Богу (как делал, в частности, З. Фрейд) значит вульгаризовать проблему. Вряд ли, однако, будет убедительнее эту связь совершенно разрывать. Да, стороны здесь полярны: от «никакой любви нет», в лучшем случае она «ловушка для воспроизводства вида», в которую, подразумевается, умный человек не попадет, до: «любовь – божественная (космическая) сила», к которой секс не имеет отношения. Эта полярность факт, но она континуальна. Исключая друг друга, ее стороны предполагают друг друга. Это не две разные субстанции, хотя бы и в единстве, а одна, хотя в разных состояниях. Идентичность человека как Homo vitae sapiens обусловлена сохранением континуальности как таковой. Потеряв способность к любви, он не возвратится в животное и даже в варвара, а утратив интерес к сексу, он не станет ангелом и даже святым. Это будет трансформация в какое-то иное качество, которая сейчас практически начинается. Пока же надо напомнить о высочайшей ценности любви, до сих пор признававшейся человечеством. Как, впрочем, и секса, ибо различая корни и вершину дерева, не стоит их расчленять (чтобы не наломать дров).

О ценности любви пора именно напоминать. Вряд ли в техническую, поставившую под вопрос все природное, эпоху, о ней можно сказать что-либо лучше, чем прежде. Мифы и великие философские учения Древнего Востока, Камасутра и притчи царя Соломона воспевают любовь как главное в жизни человека. Ею пропитана почва, на

которой выросла и европейская культура. «Omne procedit ex amore» (Все происходит от любви), – утверждали римляне. Или христианство: «Бог есть любовь», Евангелие (Благая Весть) – это весть о любви Бога к людям. Соответственно, основной заповедью их жизни должна быть любовь к ближнему. Люби и делай, что хочешь, формулирует суть христианской морали Блаженный Августин. Как смысл бытия, как синоним счастья любовь рассматривалась в эпоху Возрождения и в Новое время. Не только духовная, на что делало упор христианство, но и телесная. «Доставшиеся нам несколько глотков волшебного напитка любви, – говорил Гете, – искупают все тяготы жизни». Любовь – это солнце, вокруг которого вращается человеческая жизнь, она во взлетах творческого вдохновения и страданиях, святости и неврозах – в литературе, живописи, остальных формах искусства. «All you need is love» (Все, в чем Вы нуждаетесь – это любовь) дает совет нашим современникам, пожалуй, последний выдающийся представитель гуманизма Э. Фромм. Признание абсолютной ценности любви можно найти не только в высокой, но и массовой, молодежной культуре, хотя все больше в какой-то печальной, пугающей тональности.

Послушай, что я скажу,
Тебе не стоит жить.
Послушай, что я скажу,
Ты разучился любить.
Голубую сетку вен порви скорей.
Послушай, что я скажу,
Себя убей!

Эти и подобные настроения стали распространяться после, как считается, великого торжества пола, происшедшего во 2-ой половине XX века в передовых странах Запада, когда в результате распространения сексуальности «вширь и вглубь», перед людьми открылись невиданные, небывалые возможности удовлетворения всех чувственных влечений и духовных желаний.

2. Парасексуальная революция: пейзаж после битвы

Существо событий, которые принято называть сексуальной революцией, состоит в том, что эротико-физиологическое удовольствие, всегда являвшееся средством, «приманкой» для продолжения рода,

отрывается от своей основы и приобретает самостоятельное значение. Становится самоцелью. Репродуктивная, производительная функция взаимодействия полов вытесняется рекреационно-гедонистической, то есть потребительской. Тем самым пол, сексуальность в их природно-биологическом смысле отменяются. Органы размножения наличествуют, но «недействительны». С точки зрения продолжения рода образуется как бы тело без пола. А вообще, без «как бы». По определению Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) «сексуальность – это способность рождения, продолжения рода». Оно совпадает с тысячелетними представлениями человечества о половой любви как причине жизни. На поддержание её такого предназначения были направлены и социальные регуляторы. Иные формы использования сексуальной энергии – внебрачные или внесемейные связи, проституция, порнография, нарциссизм, онанизм, гомосексуализм и т. п. рассматривались как отклонения от природы вещей и патология. Они осуждались обычаем, моралью и религией, преследовались юридически. Вплоть до предания смерти. Это была забота о судьбе родового человека, его продолжении на Земле.

Отныне подобному отношению к сексуальности положен конец. Открытые либеральные общества провозглашают терпимость к любым способам сексуального удовлетворения, если они осуществляются по соглашению сторон и не причиняют вреда другим индивидуумам. Это забота о доставлении «максимального удовольствия для максимального числа людей». А дальше хоть трава не расти. Сексуальность больше не связывается с продолжением рода. Обычное интимное взаимодействие мужчины и женщины, даже если они вне семьи и с предохранением от нежелательных последствий, называется теперь «традиционным сексом». То есть тем, что, когда-то возникнув, не подкрепляется потребностями настоящего времени и существует по инерции. Что касается главной функции половых отношений – рождения детей, да еще в семье – эти, на фоне общего уровня сексуальной жизни чрезвычайно редкие акты, приобретают статус пережитков прошлого, на смену которым уже разрабатываются более прогрессивные способы воспроизводства человека.

В связи с утратой полом своей сущностной природной роли, происшедшую сексуальную революцию правильнее называть контрсексуальной. Или сексуальной контрреволюцией. Оценивая же ее не с биологических или морально-религиозных позиций, а по социальному содержанию и в то же время отдавая отчет в эволюционном зна-

чении возведения в норму побочных рекреационно-гедонистических форм эксплуатации сексуальной энергии, данный феномен целесообразнее всего характеризовать как парасексуализм. *Сексуальная (контр)революция – это парасексуальная революция.*

В более конкретном рассмотрении содержания новой сексуальности мы позволим себе опереться на итоговую статью одного из видных ее российских идеологов и апологетов.[1] Она замечательна как образец обстоятельного и в то же время чисто эмпирического подхода к социально-антропологическим процессам. В ней представлен своего рода идеальный тип сознания, озабоченного свободой индивидуума и совершенно не принимающего и не понимающего связи его судьбы с судьбой рода, перспективами человечества как целого. А те, кто эту связь видят, о ней задумываются и, не дай бог, не согласны с необходимостью «полной сексуальной реализации личности» предстают как традиционалисты, фундаменталисты и консерваторы. Противники всего нового и прогрессивного. Помеха цивилизации.

Итак, что мы имеем в активе: «Нормализация гомосексуальности – первый случай индивидуально-групповых ценностей, не укладывающихся в прокрустово ложе полового диморфизма, гендерной биполярности и репродуктивной модели сексуальности. Постепенно такого же признания добиваются и другие сексуальные меньшинства (транссексуалы, трансвеститы, садомазохисты и др.).[2] Существеннный сдвиг в сексуальных установках конца XX в. – нормализация аутоэротизма и мастурбации. Мастурбационная тревожность и чувство вины по этому поводу, отравлявшая жизнь бесчисленным поколениям мужчин и женщин, постепенно отходят в прошлое...Исключительно важной формой сексуального удовлетворения становится виртуальный секс, особенно для людей, которым по тем или иным причинам трудно реализовать свои эротические желания лицом к лицу... Меняются функции коммерческого секса (проституции). Чтобы понять это, нужно изучать и типологизировать не только и не столько сексработниц и учреждения сексуального обслуживания, сколько их клиентов». Остаются, правда, некоторые недоразумения с педофилами, так как они «вызывают сильную эмоциональную реакцию со стороны общества, которую консервативные силы часто используют для разжигания истерии в средствах информации. В спо-

---

[1] См.: *Кон И. С.* Человеческие сексуальности на рубеже XXI века// Вопросы философии. 2000. № 8.

[2] Там же. С. 35

рах на эти темы зачастую непонятно идет ли речь о защите детей от сексуальных посягательств со стороны взрослых или их собственной пробуждающейся сексуальности».[1]

Несмотря на подчеркнуто объективистский стиль, текст явно напрашивается на восклицательные знаки – ликования или негодования, которые читатель, в зависимости от убеждений и ориентации, может поставить сам.

Ох уж эти «консервативные силы»! Никак не могут расширить свой кругозор, чтобы отбросив культурные предрассудки, понять потребности «сексработниц» и педофилов и принять настоящую, последовательную либерально-прагматическую идеологию. Отвергая плюралистический секс, они обычно апеллируют к нравственности и Богу. Но для техногенного человека с его преимущественно сциентистско-атеистическим сознанием, это слова, к которым он относится безразлично или с пустым почтением. Ему нужны теоретические аргументы. Консерватизм не должен быть «тупым», опирающимся единственно на догмы практического разума. Теперь табу нуждаются в обосновании, по крайней мере, в знании последствий их разрушения. То есть в «метафизике», в философско-культурологической интерпретации. Они должны развертываться в идеологию.

Почему надо осуждать проституцию, искренне недоумевают духовные рыночники: обыкновенная коммерческая сделка взрослых самостоятельных людей, для которой по гигиеническим соображениям надо бы предоставлять особые помещения, да и налоги собирать. Но в том-то и дело, что необыкновенная. Уже В. В. Розанов пытался объяснить таким людям «на их языке» (без морали), что на продажную любовь «нужно смотреть как на выделку «фальшивой монеты», подрывающей «кредит государства». Ибо она, все эти «лупанары» и переполняющие улицы ночью шляющиеся проститутки – «подрывают кредит семьи», «опровергают семью», делают «ненужным (осязательно и прямо) брак». Ну, а уж «брак» и «семья» не менее важны для нации, чем фиск и казна»[2]. Бессмысленно одновременно ратовать за укрепление семьи, повышение рождаемости, воспевать высокие чувства и поощрять, пропагандировать «коммерческий секс». Плюрализмом здесь может обманываться тот, кто мыслит не дальше хода Е2–Е4. Аналогично с остальными пунктами сексуального

[1] Там же. С. 36.

[2] *Розанов В. В.* Опавшие листья//Уединенное. 1990. С 342.

прейскуранта. Второй ход мысли заставляет признать, что любовь в пределах одного пола есть несомненное проявление кризиса человеческого рода, его распада, ибо если потреблять означает разделять и истреблять, то продолжение бытия любого феномена предполагает необходимость сохранения его единства и целостности. Третий ход мысли показывает, что мастурбация и виртуальный секс это самое глубокое проявление личностного аутизма и атомизации общества. Замыкая индивида в его собственной скорлупе, они служат разложению остальных живых связей между людьми, в том числе внутри одного пола и что считать это способом преодоления одиночества то же самое, как верить, что принесенная алкоголику утренняя бутылка водки решает проблему его выздоровления. И т. д. и т. п.

Не надо быть большим философом для понимания, что это – процессы потери людьми собственной идентичности, в конечном счете, – этапы их самоотрицания. Достаточно быть просто самостоятельным, а не зашоренно мыслящим человеком. Хотя это, впрочем, самое сложное.

Все неприятности традиционалистов и консерваторов проистекают из-за того, что они видят дальше своего носа и мыслят масштабами человечества, «в принципе», в то время как либералы и прогрессисты счастливо избавились от того и другого. Категорический императив Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать правилом всеобщего законодательства» часто отождествляют с так называемым золотым правилом морали: «Поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе». Между тем они различны до противоположности. Категорический императив предполагает оценку собственного поведения не в свете выгоды и эквивалентного обмена, а в свете судьбы целого, к которому ты принадлежишь. Это тотализм. Его логика: я отвечаю за всех. Такова логика традиционализма. В сексуальном плане она запрещает все, что не ведет и не служит, тем более вредит сохранению идентичности человека, его бытия. Когда же говорят: да, я живу так, что если все остальные последуют за мной, то людской род прекратится, но я знаю, что они этого не сделают», то аборты, онанизм, гомосексуализм и т. п. могут практиковаться без всякого чувства вины. Это утилитаризм, ориентация на индивидуальную самореализацию. Его логика: «каждый отвечает за себя». Такова логика либерализма. Парасексуализм паразитирует на сексуальности традиционалистов или не всегда последователен (позволяет себе консервативные отступления). Традиционалисты и

консерваторы также могут быть непоследовательными, особенно в мыслях, но они понимают значение своего поведения и чувствуют ответственность за него. Вопреки пропагандистской схеме они, а не защитники «прав человека»», то есть приоритета прав индивида перед правом человеческого рода на продолжение, воплощают общечеловеческие ценности. Очевидно, что с точки зрения перспектив человечества, парасексуализм не может претендовать на норму. Он всегда должен оставаться нарушением. Да и с точки зрения собственной судьбы: паразит, погубивший хозяина, погибает вслед за ним.

Критикуя эмпирическую сексологию за эгоизм и беззаботность в отношении антропосоциальных последствий сексуальной революции, мы должны признать, что И. С. Кон, наряду с безусловным одобрением ее достижений проявляет и некоторую обеспокоенность. На ясном небе парасексуализма есть два облака: 1) Огорчает как всегда Россия, где «идея систематического сексуального просвещения молодежи заблокирована совместными усилиями коммунистов, церковников и коррумпированных СМИ при активной финансовой поддержке американских фундаменталистов из так называемого движения Pro Life».[1] И почему-то: 2) «Снятие и ослабление многих культурных запретов делает сексуальную жизнь более будничной и прозаической, подверженной манипулированию со стороны масс-медиа. Массовой сексуальной проблемой в конце XX в. стали скука и отсутствие сексуального желания – люди имеют все социальные и физиологические предпосылки для занятия сексом, но их просто не тянет к нему»[2].

В самом деле, почему? Тем более, что в подтверждение последнего, рокового для всех предыдущих рассуждений вывода, дается ссылка на результаты конкретных социологических исследований: по национальному опросу 1992 г. в Финляндии не испытывают сексуального желания до 20% мужчин и до 55% женщин. В Петербурге в 1996 г. отсутствие или редкость сексуального удовольствия признали 5% мужчин и 36% женщин (опять эта российская отсталость!). Больше того. Хотя наш автор работает на передовых рубежах сексологии, он упускает, что среди нового поколения его коллег и интеллектуально-культурной элиты мира распространяется идея отказа от секса вообще. «Если Ницше говорил, что Бог умер, то, наконец, можно сказать, что умер дедушка Фрейд. Сексуальные муки, так

[1] *Кон И. С.* Человеческие сексуальности на рубеже XXI века//Вопросы философии. 2000. № 8. С. 41.

[2] Там же. С. 37.

свойственные XX веку заканчиваются. Мы вступаем в постсексуальное время. Если раньше было: ресторан, дискотека, секс, то теперь: секс, дискотека, ресторан. Из фирменного блюда секс превращается в прелюдию. Когда говорят слово «наслаждение», это уже не так непосредственно связано с сексом. Нас ждут новые танцы и моды, соответствующие этой ментальности. А секс из доминирующего фактора, который определял наши сны и желания, станет просто одной из многих потребностей организма» [1].

Это не собственное открытие модного писателя. В западной постмодернистской литературе после объявления о конце всего, в том числе себя, более десяти лет говорят о «нулевом уровне сексуальности», «сексе без секреции и тела» и все громче звучит «реквием по сексуальности», что частично объяснимо пресыщенностью определенного слоя лиц, их суетным желанием эпатировать публику, но с другой стороны, именно к такому результату ведет практика парасексуализма. Вслед за смертью традиционного секса умирает и лишенный природного смысла интерес к другому человеку. В любых ситуациях. Двигаются рядом как размагнитившиеся куски железа. Это называется «бесконтактная цивилизация». Самым главным препятствием для любви является отсутствие препятствий, говорили когда-то французы. Свобода реализации всех половых желаний ведет к измельчению и опошлению чувств, к их инфляции. Дело дошло до «fast love» (быстрой любви) как «fast food» (быстрого питания), установки бракоразводных автоматов (в течение 10 мин) и «медицинского секса». Пропагандируются особые «любовные»(!) позы для лечения простатита, почек, желудка и других внутренних органов. С целью укрепления иммунитета рекомендуется выделять «дни мастурбации». Больше его нечем укрепить. Куда смотрит Тот, Кто «есть Любовь»? (хоть бы их громом убило!). Подавляемые культом эгоизма, оттесняемые на задний план денежно-карьерными целями, окруженные все более искусственным бытом, половые отношения теряют привлекательность, перестают быть ценностью. Психика притупляется и «организм не требует». Наступает своего рода сексуальная энтропия, запрос на компенсацию которой принимают незаконнные и узаконенные биопсихостимуляторы.

---

[1] *Ерофеев В.* Фрейд и валюта//Ex libris НГ. 2000. № 37.

Любовь как духовное состояние в подобной среде становится анахронизмом. Вспоминать о ней почти неприлично. Ее обесценивание было критериальным признаком победы постмодернизма, точнее, посткультуры. «Постмодернизм, – писал один из его первых переносчиков на российскую почву, – это ирония искушенного человека, который понимает, что секс важнее сублимации»[1]. Как видим, автор удачно избежал парадокса лжеца, не произнеся отрицаемого слова. Лишив всякого содержания, его беспощадно треплет масскультура, а в элитарных слоях оно жестко табуировано. Как сами любовные переживания. Никаких сублимаций! «Заниматься любовью» иногда все-таки нужно, полезно, но влюбиться – значит попасть в «эмоциональное рабство», что уже глупо. Вот отношение к высшей ценности духа. В традиционной культуре – немыслимое. Если в начале XX века кризис любви усматривали в ее сведении к сексуальности и эротизму, то особенность начала XXI века в том, что сводить становится больше не к чему. «Обойдемся без секса, ведь мы пост-люди, не правда ли?» – иронизирует Славой Жижек. Однако не все могут обойтись. В этом одна из причин распространения в «цивилизованных странах» наркомании. Не все могут жить без чувств, мертвыми.

Нечего сублимировать – таков итог парасексуальной революции, среди тех, кто ею захвачен, на территориях, по которым она прокатилась. Если в начале XX века говорили о декадансе, захватившем определенные слои общества, то в начале века XXI декаданс превратился в распад, захватывающий человеческий социум как целое, проявляющийся в нем структурно и закрепляемый технологически.

3. Гендер как социальный конструкт одномерного человека

Эрозия фундамента жизни, ведущая к возникновению мира без любви и страстей, без святых и героев, мира зомби как озабоченных автоматов или самодовольных потребителей, не результат чьей-то злой воли, а следствие нарастания абиотических тенденций в развитии цивилизации, подавления природы культурой и техникой. Природы внешней, что выражается в экологическом кризисе, и внутренней, человеческой телесности, что ведет к кризису антропологическому. Сначала культурой как совокупностью норм и целей, которая формировала естество, организуя и сублимируя его, а потом куль-

[1] *Парамонов Б.* Конец стиля. М.–СПб. 1997. С. 19.

турой как технологией, которая его деформирует, загоняет «в подполье», превращая в материал для искусственного. Отказавшись от слова *любовь*, постмодернистский дискурс избегает и слова *природа*, используя вместо него эвфемизмы и отрицательные определения, например, «unmade» (готовое, не сделанное). Наконец, очередь «лишения имен» дошла до пола. В литературе по социальной проблематике его вытесняет «гендер». В последней по времени переписи населения наглядно обнаружилось отставание практики от теории: спрашивали пол, вместо того, чтобы интересоваться сексуальными ориентациями и гендером; извольте ждать теперь следующей переписи.

Это не просто замена термина. Возникло новое понятие, хотя не очень понятное, потому что, претендуя на теоретический статус, оно скорее выражает «настроение», духовную потребность части человеческого сообщества, прежде всего женской, избавиться от социальных последствий принадлежности к своему полу. Отсюда противоречивость, двусмысленность данного понятия. Сопротивляются факты, история, методология. Как радикальный выход в феминизме было провозглашено право на «женскую науку», на феминисткий подход ко всему. Тогда открывается возможность писать что нравится, что помогает изживать комплексы. Это разрешается идеологией постмодернизма, переквалифицирующей теоретическую деятельность в литературу, то есть придающей ей статус самовыражения. Думается, что рассмотрение гендера в контексте кризиса сексуальности, не отрицая психологической обусловленности подобного мировоззрения, позволяет более глубоко понять его объективный смысл.

В гендере связанные с полом особенности поведения и сознания людей перестают объясняться их анатомо-физиологическими характеристиками. Они считаются социально-культурными. Получается, что можно быть женщиной по полу, но мужчиной по гендеру и наоборот. Гендер как бы сканирует ценностные аспекты полов: «мужское» и «женское», структурируя социум через отнесенность его членов к идеальному типу того или иного пола, а не по эмпирической телесности. Движущей силой гендерного структурирования стало движение женщин за равные права с мужчинами, а когда они были достигнуты, за равенство фактического положения, «одинаковость» с ними во всех сферах жизни. Его (ее) до сих пор нет, что объясняется сохранением господствующих в обществе «стереотипов». Стереотип — универсальное слово, causa sui (причина самого себя),

своеобразная порождающая субстанция, определяющая социальные роли и смысл гендера. «Мужская цивилизация», тысячи лет патриархата, семья – самые упорные стереотипы человеческой истории, не позволившие женщинам проявить себя в том же качестве, что и мужчинам. До сих пор главные сферы деятельности: управление, финансы, высокие технологии, фундаментальная наука заняты преимущественно мужчинами. Они политики, банкиры, изобретатели, летчики, хирурги, хакеры и т. д. Откуда возобладали и почему продолжают господствовать эти стереотипы, остается загадкой.

Традиционный, «догендерный» ответ на нее состоит в том, что характер любой деятельности связан со средствами и материалом, применительно к людям с заложенными в них наклонностями и способностями, с «генами» – возможностями, которые культура эксплуатирует, развивает и оформляет. Отсюда следует, что, будучи разными по анатомической конституции, мужчина и женщина занимают разное положение в силу особенностей своей природы, физической силы, типа реакции, темперамента и интеллекта. Оно будет сохраняться, пока эти особенности существуют, пока есть половой диморфизм. Культурные стереотипы не случайны, они коренятся в биосоциальной сущности человека. Но в таком случае бороться за всеобщее равенство, «когда мужчины и женщины примерно в одном количестве будут выполнять одинаковую работу и занимать равные должности», – значит вступить в противоречие с естественными различиями людей, с их неравенством. Это трудно, как корчевать дерево. Его легче пилить, особенно если ближе к вершине.

Гендерная идеология опирается на утверждение, что никакой природы у человека нет. Тело и его органы не имеют функционального значения. Его сущность чисто социальна, исторична и, в конечном счете, может конструироваться. При этом нередко апеллируют к марксистскому тезису о человеке как «ансамбле отношений». В советской философии подобная трактовка человеческой сущности длилась целую эпоху, обслуживая задачу «создания нового человека», путем целенаправленного воспитания. «У нас в Советском Союзе люди не рождаются. Они делаются», – говорил Т. Д. Лысенко. Опираясь на представление о возможности преобразования природы не только мертвой, но и живой, так как никакой неизменной наследственности у растительных и животных видов нет, лысенкоизм считал, что в соответствии с потребностями общества можно перевоспитывать и

людей. Преодоление этого социологического редукционизма потребовало огромных усилий, обращения за помощью к естествознанию, биологии и генетике. Положение, что человек – существо биосоциальное, стало общепризнанным недавно, после чего все начали удивляться, как можно было поддаться идеологическому наваждению отрицания очевидного. Уроки и память о перипетиях становления советской философской антропологии являются, по-видимому, одной из причин «отставания» гендерных исследований в нашей стране. Принять лозунг «Женщиной не рождаются. Женщиной становятся» (Симона де Бовуар) значило вновь возвратиться к тому, от чего только что освободились. Распространению гендерного подхода препятствует все еще не разрушенная у нас высокая методологическая культура классического философствования, не позволяющая принимать за действительное объяснение социальных процессов ссылку на неизвестно почему образовавшиеся именно такие роли и стереотипы.

Но «желание – отец мысли». В настоящее время обе трактовки половой структуры общества: «естественная» и «гендерная», – существуют параллельно. Первая представляет отношения, связанные с продолжением жизни людей, в ней выражается озабоченность вымиранием «передовых стран», происходящее не из-за нехватки у них средств к жизни, а из-за исповедуемых ценностей. Она опирается на здравый смысл и пока еще превалирующую практику. Вторая является выражением тенденции постмодернизма и парасексуализма, которые стимулируются нарастанием искусственности человеческого бытия, его «гибридизации», замены органического техническим, в сущности, – вступлением на путь mortido (влечения к смерти). Ее нельзя объяснить внешним навязыванием, считая неким «теоретическим гербалайфом». Различие социальных ролей мужчин и женщин длится многие эпохи, равно всей археологической и писаной истории, но именно в XX веке оно стало казаться, прежде всего женщинам, ненормальным – изначальной абсолютной ошибкой. Потому что в техногенном мире создание существ резко обесценилось в сравнении с созданием вещей и веществ. Значение рождения, воспитания, обеспечения быта этих многочисленных в каждой семье работников, воинов, детей и стариков, да и все, что связано с природой, телесностью, душой человека, умаляется, предстает чем-то второстепенным. Жизнь трансформируется в жизнедеятельность, потом просто в деятельность, а потом в коммуникацию. Овнешняется. Функционализи-

руется. Личность трансформируется в актора, а потом просто в агента. Технологизируется. Объективируется. Раньше в центре сознания был Дом, общее бытие семьи, откуда уходили на время, чтобы его защищать или в него что-то принести, добыть. Теперь дом нужен для подготовки к работе и отдыха. Это «тыл» человека, его быт, остановка для ремонта. А многие обходятся без тыла, не укореняясь нигде. Городские кочевники, номады, карьерно-психологические бомжи. Их родина и семья – чековая книжка.

Оглянувшись с новых, так резко изменившихся позиций, женщины оскорблены «малозначительностью» ролей, которые сыграли в истории. Отсюда попытки ее феминистского пересмотра, переписывания «так, чтобы в классах поровну, как мужчин, так и женщин, висели портреты знаменитых ученых» (хотя бы туда повесить тетю Машу), – вплоть до «политкорректной» фальсификации Библии, когда Иисусу Христу пририсовывают груди. С другой стороны, продолжая исполнять прежние роли, женщины не могут самореализоваться в современных условиях. Семей больших нет, необходимость в труде по воспитанию детей и дому резко сократилась. Складывается амбивалентная ситуация: пол хочется сохранить женский, даже, компенсируя прежнее, видящееся в новом свете как вопиющая несправедливость, положение, возвысить его, а роли исполнять ценностно-мужские. По полу считаться женщиной, по гендеру стать мужчиной, «не хуже его» – руководителем, футболистом, математиком, капиталистом. Язык теряет слова женского рода, образующие его суффиксы и частицы выходят из употребления: работница становится работником, продавцом, учителем, ткачиха ткачом, студентка студентом, феминистки хотят, чтобы их называли феминистами. Даже неустранимые природные различия полов воспринимаются болезненно, как результат социально-культурной дискриминации, «сексизма», чуть ли не заговора. «Окружающая социальная реальность конструирует гендерное неравенство во всех, казалось бы, мелочах жизни. Э. Гофман провел исследование фотографий, он рассматривал физические размеры запечатленных на них мужчин и женщин, отражения их позиций в ситуации, окружающую обстановку. И на всех фотографиях почти каждая пара демонстрирует разницу в росте именно в пользу мужчин. Женщин всегда изображают в более низких позициях, либо стоящих сзади мужчин. В социальных отношениях между полами биологический диморфизм уже предусматри-

вает возможность изображения привычного превосходства мужчин над женщинами в статусе с помощью многозначительной разницы в комплекции и росте...»[1].

Рост и некоторые многозначительные «детали» комплекции, помимо языка могут компенсироваться однополой одеждой – «unisex», лозунгами и рекламой, которые формировали бы «sexсознание наоборот», но это не решает задачу гендерной унификации на всю глубину. Свою часть пути должны пройти мужчины. С неохотой, со скрипом, но они тоже расстаются с половой акцентуацией. Конечно, не столько «из вежливости» или под влиянием патологических массмедиа, сколько потому, что как когда-то женские, так теперь мужские качества для успешного функционирования общественного производства перестают иметь принципиальное значение. Все большее количество рабочих мест – это перенос информации в компьютер, то, что раньше было профессией машинистки. Встав перед дилеммой: работать «машинисткой» или заниматься детьми, многие мужчины выбирают второе, как нечто, хотя по природе и традициии «женское», но более предметное и реальное. Ибо в общественном производстве и отношениях субъектность индивида умаляется вплоть до его «смерти» – вопрос, обсуждаемый в постмодернизме как основной.

Если актор не способен к любви, но сохраняет пол и сексуален, то у агента и человеческого фактора минимизируются и эти свойства. Техника – вот великий уравнитель всех природных неравенств. Если традиционная культура подчеркивала, закрепляла и использовала половой диморфизм, то становясь технологией, она его размывает, обесценивает. Движение человечества по пути стандартизации требует выравнивания, «обрезания лишнего» прежде всего у его мужской части. Происходит, а в «продвинутых» странах произошла, культурная, социально-психологическая кастрация человека (прежде чем начнуть практиковать физиологическую, «химическую»). У женщин еще есть надэмпирическая цель для усилий – догнать, наконец-то, мужчину. И хотя это движение вверх по лестнице, ведущей вниз, на эмпирическом уровне (а средний человек в норме глубже не мыслит) оно доставляет им некое удовлетворение. Перед мужчиной такой цели нет: зачем бежать, если ни за чем не угнаться. Эта тупиковая

---

[1] *Чернова И. И.* Гендерные отношения в социальной стратификации современного общества: состояние, перспективы развития. Н. Новгород, 2001. С. 113. По авторской установке книга «не феминистская», этот абсурдистский пассаж связан с ее эклектичностью.

для человека как родового существа ситуация проникает в его подсознание. Нет целей, нет и мотивации, которая составляет половину способностей. Антропологический кризис, «разброд и шатания» по закону бытийного отбора переживают прежде всего те, кто не изменяет своему полу, не превратился в «гендер» или не переселился в иной, виртуальный мир. На смену интересу к высоким целям и метафизическим утопиям пришла идеология приспособления к высоким саморазвивающимся технологиям. Человеческому фактору в них половое измерение мешает, как мешают национальные, возрастные, семейные, да и другие профессионально не нормализованные личностные особенности. Поскольку характер происходящих социальных процессов от человека зависит все меньше, то, в пределе, его личность – ничто, а имидж – все. Который конструируется тем успешнее, чем материал мягче и податливее. Наиболее наглядно это подтверждает состояние современной политической демократии. Поверхность важнее глубины, симулякры значимее вещей, о чем неустанно и не случайно говорят постмодернисты.

Ослабление телесно-духовных различий между полами, дошедшее до конструирования социальной парасексуальности является фундаментальным признаком становления «одномерного человека». Об этой угрозе впервые заговорил идеолог сексуальной революции и кумир молодежи второй половины XX века Г. Маркузе. Он и его последователи полагали, что одномерное общество сексуальной революцией может быть «взорвано», разомкнуто. Она должна избавить любовь от ограничений прежней ханжеской морали и способствовать новой, всесторонней и более глубокой чувственности. Дионис (Орфей) оттеснит с авансцены современной жизни слишком рационального техно-экономического Прометея (Гермеса). Ирония истории, как видим, привела к обратному результату. Без изменения структуры социальных отношений и при усилении их технологизации одномерность проникла в последние интимные пласты человеческого бытия. Если перестают иметь значение различия по полу, то какие свойства личности еще значимы? Все становятся одинаковыми и взаимозаменимыми как гвозди в ящике. Отрыв сознания от телесности, а затем и утрата сексуальной идентичности – это настоящее торжество One-Dimensional Man. Его завершением будет появление «человека без свойств», функциональная модель которого проигрывается в Сети, где от личности остается «разговор», чье авторство с трудом обнаруживается в стилистике получаемых и отправляемых текстов. Для

многих (не)жителей сети единственным способом проявления своей самости становится искажение орфографии и грамматики посылаемых текстов, отсюда всякие «преведы» и «медведы». Захотев узнать о субъекте разговора что-то больше, надо предпринимать специальные усилия, выходящие за рамки виртуальной реальности.

В высокотехнологичном обществе отпадает не только пол, но и ценностно сконструированный гендер. «Борьба за штаны» заканчивается тем, что неизвестно на кого их одевать. От так удручающего феминисток господства мужчин (по числу гениев и идиотов, святых и преступников, самозабвенных любовников и бесчувственных чурбанов — у них больше амплитуда колебаний) остается лишь характерный для программистов и хакеров более высокий IQ. И то лишь до поры, до времени. По другим телесно-духовным параметрам они заметно уступают обычным людям. В предметном мире до такого лишения человека его свойств дело пока не дошло, хотя набирает силу тенденция к стиранию различий между вещами (артефактами) и людьми. Какой тут диморфизм полов, если исчезает диморфизм живого и неживого! Услужливые теоретики уже обосновывают необходимость уравнивания, «симметризации» человека с машиной, прежде всего с интеллектуальными компьютерными системами и создания киборгов. Это своеобразное распространение гендерности на бытие в целом есть следствие, начальный этап человеко-машинной гибридизации и энтропийной симметризации бытия вообще. Все эти отрицающие идентичность человека тенденции из-за нашего нежелания смотреть правде в глаза могут реализоваться быстрее, чем заложено в самих объективных процессах. Или медленнее, если мы будем давать им адекватную оценку.

4. Биотехническое конструирование постчеловека

В традиционных обществах история сексуальности состояла в изменении отношений между полами, форм их разделенности и соединения. Разные культуры по-разному определяли, когда, как и с кем нужно вступать в сексуальные связи, но само зачатие и рождение потомства оставалось естественным. Искусственное вмешательство в основном выражалось в том, чтобы «принять роды». В техническом мире появилась возможность влиять на субстрат сексуальности, ее анатомию. «Тело не судьба» — вот девиз, свидетельствующий

о принципиально новом уровне достигнутой людьми свободы. Если не судьба тело, то не судьба и пол. Адам может стать Евой, Ева превратиться в Адама. С божественным творением творят что угодно. Смена пола есть как бы предметная реализация гендерных теорий, их технологическое обеспечение. Об этом можно сказать и наоборот: биотехнические возможности смены пола стимулируют гендерную идеологию. Вкупе с более ранней практикой предотвращения зачатия, а если оно не удалось, уничтожения ребенка, «внешним» осеменением, доращиванием недоношенного плода, выращиванием его in vitro (в пробирке), пренатальным определением пола и т. п. – все это означает, что человек взял, наконец, половые органы в свои руки. Он больше не намерен мириться с их естественным функционированием. Размножение должно быть подвластно сознанию и регулироваться: от технологии первой любви (сексуальное воспитание) до технологий получения конечного результата.

И все-таки это не полная технологизация жизненного цикла рождения человека. Действительная перспектива преодоления его анатомо-физиологической природы открывается при отказе от сексуальности как таковой. При переходе на другой способ продолжения себя. Достижения биотехнологии привели к тому, что размножение может осуществляться бесполо, путем клонирования. Этот способ типичен для низших форм жизни, прежде всего растений – вегетативно, побегами, черенками, когда наследственные свойства не распределяются по потомкам, а в неизменном виде передаются их следующему поколению. Биотехнологи овладевают таким механизмом применительно к животным, в том числе млекопитающим, к которым принадлежит человек. Эксперименты по выращиванию отдельных органов, «стволовых клеток» ведутся открыто, в отношении целостного человека полуоткрыто, учитывая, что в большинстве стран приняты приостанавливающие их законы. Общественное мнение расколото на сторонников и противников бесполового размножения, но уровень понимания и обсуждения этих проблем ниже всякой критики. (Еще недавно были противники клонирования любых живых существ, потом они сдались и противились клонированию млекопитающих, сейчас они сдались и защищают последний бастион – человека).

Доводов в пользу замены сексуальности клонированием, если не хотеть замены самого Homo sapiens чем-то другим, фактически нет. Разумеется, кроме «необходимости дальнейшего развития биотехнологии». На вопрос, обязательно ли человеку развивать то, что его

«снимает», ответа не дается. Уверяют[1] что это принесет некие блага, позволит, например, «сохранить наследственность выдающихся людей» (идеал евгеники) или «поможет бесплодным парам». Потом, правда, признается, что из-за изменения среды бытования клон все равно не будет воспроизведением «родителя». Взятый от гения, он вполне может вырасти заурядным наркоманом или бандитом. То есть возникнет новое существо, только полученное на биотехническом предприятии. Так что страхи по поводу тиражирования стандартных индивидов (единственная проблема, которую обычно видят в клонировании журналисты и другие обыватели) преувеличены, хотя генетическое разнообразие человечества действительно сужается. Его, однако, можно искусственно культивировать с помощью той же биотехнологии. И... теряются всякие представления об идентичности человека. Это манипулирование без границ. Что касается «помощи семьям», то клон нельзя считать чьим-то ребенком, который по определению есть следствие половых отношений. Это скорее однояйцевый близнец одного из супругов, совершенно чужой другому. С таким же успехом можно взять приемного ребенка. Да и зачем клонированным существам — в следующем поколении — создавать семьи и быть супругами? Клонирование — это абсолютный конец семьи. А в конце концов — социума.

Умеренные техницисты готовы признать, что наука не должна быть неприкасаемым идолом, которому надо приносить любые жертвы. С людьми следует поступать осторожнее, так как «методически или технически клонирование взрослых млекопитающих разработано еще недостаточно, чтобы можно было уже сейчас ставить вопрос о клонировании человека. Для этого необходимо расширить круг исследований ...»[2] Как видим, в необходимости (закономерности!) работ по бесполому размножению людей сомнений нет, предполагается основательность подготовки. Признается наличие вненаучных препятствий, с которым следует считаться: «этические проблемы», «нет со-

---

[1] См.: Декларация в защиту клонирования и неприкосновенности научных исследований//Человек. 1998. № 3. Требования вседозволенности опасны в любой сфере деятельности. Они нарушают законы целого, в которое эта деятельность включена. И обычно встречают осуждение. В наше время особенно опасна «неприкосновенность» научно-техническая, усугубляющаяся тем, что она не встречает отпора.

[2] *Конюхов Б. В.* Долли — случайность или закономерность//Человек. 1998. № 3. С. 18

ответствующей правовой базы», «возражают религии». В заключение осторожные сторонники клонирования обычно высказывают умиротворяющие всех, даже противников, утешения и обещания: давайте успокоимся, мораторий соблюдается, эксперименты не затрагивают целостного человека, а «если начнем», то нескоро, с учетом нравственных соображений, не массово и т. п.

Поражает, с какой легкостью люди, считающие себя способными к ответственному мышлению, политики, интеллектуалы, так называемая элита соглашаются с аргументами в духе «еще не», «только попробуем» или перекладывают проблему клонирования на плечи приверженцев религии и специалистов по этике. Как будто она не касается каждого. Как будто надо иметь семь пядей или чипов во лбу для понимания, что в любом деле важен принцип, роковая черта, начало. Когда их преступают, и «процесс пошел», все остальное есть дело времени, о чем мы уже вели речь при оценке последствий введения в норму парасексуализма. Относительно клонирования это нагляднее, и к категорическому императиву Канта можно не прибегать. Достаточно вспомнить, что вора судят не за кражу, а за воровство. Не за ее факт – укравший может тут же возместить ущерб, а за подрыв основ социальности. Его наказывают за то, что он нарушил принцип: не укради. С точки зрения сохранения антропологической идентичности людей в случае с клонированием спорить собственно не о чем: бесполое размножение означает отмену самого принципа жизни, разрушение ее фундамента, «лишение кредита» специфического для человека способа его существования, после чего с неизбежностью обрушиваются любые отношения близости и наступает буквальная атомизация общества. Утрата источника взаимного влечения означает подрыв эмоциональной сферы личности, на чем держится ее нравственная и эстетическая жизнь, не говоря о любви, что в свою очередь приведет к выхолащиванию творческих начал мышления. Это вызов сущности человека. Не выйдет. Работы по клонированию должны быть запрещены как ядерное, химическое и биологическое оружие. Как смертельная угроза людям, притом не отдельным индивидам, хотя бы и в массе, а всему их роду на Земле.

И все-таки клонирование не последнее достижение человека на пути отрицания своей телесной природы. Это только бироботизация, субстратно закрепляющая распространение функционально одномерных людей, опредмечивание положения, когда парасексуальная практика теряет связь с собственной исходной базой. Паразит теперь

может жить без хозяина. Но, естественно, недолго. На смену социогендерным конструктам отказа от сексуальности и биотехническому конструированию способов бесполового размножения, разрабатываются способы отказа от размножения человека вообще. Другими словами, от биологического человека как такового. От жизни как носителя разума и переходу к постчеловеческим формам его функционирования. К разуму без жизни и смерти, на полностью искусственной, «изобретенной» основе в виде систем с искусственным интеллектом.

Гениальным провозвестником нового направления развития человечества был Н. Федоров. Он сознательно и без маскировки объявил природу «нашим общим врагом». Пропагандисты его идей обычно делают акцент на том, что у него отвергается смерть. Он всех воскрешает. Однако жизнь и смерть две стороны одной медали и обе укоренены в сексуальности. Половое размножение, признавал Н. Федоров, это гигантская сила, на которой стоит вся природа: возможно это и есть «сердцевина ее». Половой раскол, половое соперничество, смена поколений служили самым действенным средством развития человеческого рода. Но «должно наступить время, когда сознание и действие заменят рождение»[1]. На место стыда и похоти к другому полу придет деятельность по «воскрешению отцов» — воссозданию умерших. Поскольку все живущие в конце концов умрут, а новые не рождаются, то возникает странный мир: ожившие мертвые, которые будут существовать вечно. Рай?

По-видимому, во избежание того, чтобы воссозданные существа не мучились половыми проблемами, Н.Федоров нигде не пишет о воскрешении женщин. Субъективно, это конечно «сексизм» в его предельном выражении. Но если посмотреть на подобные гипотезы с высоты нынешнего состояния техники, то видно, что дело не в «отцах», религиозном воскресении или плохом отношении к женщинам. Новые существа вообще не будут живыми, хотя будут разумными. Предполагается, что они перейдут на автотрофное питание, то есть на потребление неорганической энергии — солнца, химических реакций, электричества. Следовательно, у них нет системы пищеварения, не нужен рот, живот. А поскольку они не рожают, у них нет и органов размножения. Напрягать воображение, каким тогда будет облик человека, не стоит. Его не будет вовсе. Это ликвидация

[1] *Федоров Н. Ф.* Соч., М., 1982. С. 396.

тела и функциональная трактовка жизни, а фактически разума на новой, не биологической субстратной основе: «кремний против водно-углеродного шовинизма». В эпоху когда компьютерные роботы с искусственным интеллектом (AI) стали реальностью и стремительно совершенствуются, можно смело утверждать, что Великий Технократ предвосхитил их возникновение. Он первый, по крайней мере в русской культуре, «проектировщик» и идеолог Постчеловека как искусственного субъекта. И отныне, со вступлением человечества в техно-информационную стадию развития, судьба пола и любви зависит от возможностей взаимодействия живых естественных людей и биосферы как среды их обитания, с искусственным разумом и ноосферой как средой его функционирования.

5. SOS ... SOS... SOS...[1]

Когда подают сигнал бедствия, значит, надеются на помощь извне. На кого надеяться человечеству? Только на себя. Или, кто верит, на Бога. В любом случае спасение приходит к тем, кто борется до конца. Даже в случае обращения к высшей силе: на Бога надейся, а сам не плошай.

Главным духовным препятствием в борьбе за жизнь и любовь является фатализм. Им особенно пропитана, как ни парадоксально, либерально-прогрессистская идеология: «Прогресс не остановишь», «Иного не дано», «Техника наша судьба» и опирается на линейные представления об истории Вселенной. У плюралистов! В то время как эволюция биоты показывает, что появление на Земле более поздних, по одним параметрам высших, по другим низших форм жизни не обязательно отменяет ранние. Возникшие миллионы лет назад виды живут рядом с нами, намного более молодыми. Нашли нишу своего обитания и процветают. Другие не нашли. И погибли. Современное синергетическое мировоззрение, носителями которого обычно объявляют себя прогрессисты, нелинейно и предполагает наличие точек бифуркации, когда развитие меняет вектор, может пойти в новом направлении. Значит будущее, в определенных границах – открыто. Субъективно это осознается как свобода.

---

[1] Save our soul, save our sex, save our self (спасите наши души, спасите нашу сексуальность, спасите самих себя).

В техногенном обществе принцип свободы приходится брать на вооружение экологам, гуманистам и антиглобалистам. Они верят,что в коэволюциии с искусственным человек способен, удерживая свою биологическую нишу, сохранить идентичность. Для этого надо выбирать и реализовывать такие стратегии поведения, которые бы ее поддерживали, а не разрушали. Значит, отношение к стихийному развитию искусственного должно быть аналогичным отношению к процессам природы. Нужно пытаться познавать его и овладевать им. Технонаука стала производительной силой, социальным институтом, а постепенно становится самостоятельной реальностью, в которую помещены люди. Значит, она должна регулироваться подобно остальным сферам бытия и социальных отношений. Моралью, идеологией, законами. Это задача, которую осознают консерваторы, стремясь привлечь к ней внимание остальной части человеческого общества.

Главной опасностью, исходящей от прогрессизма, стала установка «все, что технически возможно, надо осуществлять». И как можно скорее. Это как бы само собой разумеется. Хотя даже ученые понимают, что все возможное не осуществляется. Гипотез, проектов, изобретений огромное количество. Но их отбор происходит тоже стихийно, по финансовым и другим случайным соображениям. В то время как нужно отбирать, соотнося с целями и благом человечестства. Прежде всего, с фундаментальным для него благом — быть. Сохраниться как высшая одухотворенная форма жизни. Если, конечно, хотеть сохраняться, а не превращаться в Иное.

Перед наукой и техникой надо ставить социально-гуманитарные фильтры, которые бы соотносили все их достижения с мерой человека. Не его приспосабливать к технике, а технику к человеку, беря во внимание не сиюминутные потребности в комфорте или исполнение капризов, а долговременные интересы. Когда-то иначе не могли и думать. Сейчас такой подход надо отстаивать, идя против течения. В ситуации выживания это естественно: по течению плывет уже дохлая рыба. Мораторий в технонауке, подобно мораторию на клонирование, должен быть не исключительным, а рутинным явлением для тех или иных направлений деятельности. Как и категорические запреты в зависимости от стадии исследований. Они могут предлагаться и обсуждаться общественностью, приниматься властными структурами регулярно, по крайней мере не реже, чем, например, присуждаются государственные или Нобелевские премии. Предусматриваемая международным законодательством ответственность за угрожающее

человечеству наукотворчество должна подкрепляться социально-психологически, созданием атмосферы требовательного здравомыслия и критического восприятия стихийной экспансии технологизма. Особенно в отношении таким сущностных сфер жизни, как пол и любовь, ибо за сумерками любви следует закат человека. Ничего не любить и быть ничем, – говорил Л. Фейербах, – это одно и то же.

Тому, кто уже захвачен верой в свободу техники, а не человека, в неизбежность его подчинения отчужденным от него силам, полезно отрефлексировать свое личное поведение. В отношении собственной индивидуальной судьбы люди абсолютные фундаменталисты. Консерваторы. (Кто не самоубийцы). Совсем отъявленные реакционеры – посетители физкультурных залов, фитнес-клубов, косметических салонов. Каждый знает, к чему все идет, но сознательно двигаться в этом направлении не спешит. Живет вопреки тому, о чем говорят опыт и рассудок, поступая как крайне иррациональное существо. Заботится о здоровье, стариках и детях, до последнего момента сажает деревья, строит планы, возводит дома. Кто делает это хорошо, получает отсрочку. Потому что жизнь выше логического. Она первична и не обязана оправдываться перед своим следствием. Жизнь хочет продолжения по самой своей сути. Любовь к жизни выше поисков ее смысла и является условием его наличия. Таким же образом стоит относиться к судьбе родового человека, исходя прежде всего из жизни и только потом – мысли. Здесь отсрочка, наше «раньше» или «позже», может равняться сотням лет. Но для поддержания этой способности все равно надо сохранять любовь. Нужна экология пола. Так продлимся.

Конечно, если сумеем «отказаться от отказа» от нашей собственной природы, сохранив естественно-антропологическое измерение бытия и соответствующее ему философское мировоззрение, мы сумеем поставить заслон общей деконструкции (демонтажу) тела и духа человека, тенденции, которую особенно сильно питает неограниченное расширение границ информационного мира. Информационизм – главный, судьбоносный вызов современному человечеству. На него опираются все био, нано, когно и другие высокие, т. е. постчеловеческие технологии.

ГЛАВА III
РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

1. Curriculum vitae: человек как венец Природы, подобие Бога и Личность

Адам Антропос Гомо = ЧЕЛОВЕК появился на Земле, по данным археологической науки, подтвержденным радиоуглеродным анализом, приблизительно около 3,5–2,5 млн лет тому назад. Согласно авторитетным письменным источникам ему 7815 лет. Такое временное разночтение обусловлено различием трактовок его сущности: в первом варианте это предельно, вплоть до отказа от себя, эволюционно развившееся природное животное, по второму он – тварь, результат волевого акта Супранатуральной Силы, запечатлевшей в нем собственный образ. В истории представлений о человеке данные версии переплетались, иногда сливаясь, чаще опровергая друг друга. Однако в обеих, а также прочих, паллиативных, при самых острых спорах, человек считался неким особым, уникальным феноменом, по крайней мере на Земле. Существом, которое задает смысл существованию остального сущего. Это «малый мир», «микрокосм», «мера всех вещей», «эманация Абсолюта», «разум Вселенной». Универсальный по способу деятельности, он Единственный Субъект бытия ничем и никем незаменимый носитель свободы. Он второй после Бога и его небесных помощников – ангелов, попечителей человека.

Соответственно, присущий философии как метафизике «основной вопрос» состоит из отношения «человек-мир». В перетягивании каната между его сторонами дело доходило до солипсизма, когда получалось, что мир, реальность возможны постольку, поскольку воспринимаются человеком. В истории науки возник и сохраняет влияние так называемый антропный принцип, согласно которому не будь людей, Вселенная в своих фундаментальных параметрах была бы совершенно иной (если бы она без него вообще решилась быть). Апофеозом значимости проблематики человека следует признать формирование в XX веке философской антропологии, претендующей на статус единственно адекватной современным требованиям философии. Ее исходная установка в том, что представление о человеке

всегда лежит в центре любой системы мысли. Философствование «по определению» есть следствие жизненного опыта человека, его прояснение и оправдание для себя и для мира. «Человек – это в известном смысле все» – провозгласил М. Шелер. Это положение можно считать credo философской антропологии.

Если природная реальность зависит от человека, то социальная состоит из него. Человек – микросоциум. Социум – мегачеловек. Человек предпосылка и продукт истории и любая попытка его противопоставления обществу несет привкус абсурда. Хотя, конечно, их отношение менялось. Состоянию дикости и варварства соответствовали стадные и кровнородственные формы совместной жизни, возникновение экономического разделения труда породило собственно социальные связи и Личность. С этого времени можно считать, что всякий человек, живущий в обществе, является личностью. Мы говорим об индивиде как о человеке, когда сравниваем его с другими видами сущего, неорганическими или живыми и о нем же как о личности, когда отличаем от других людей. Личность – это человек с «определенным артиклем». Вряд ли можно считать обоснованным разведение данных понятий по признаку наличия или отсутствия в них природного, т.е. жизненного начала. Что за личность без страстей и телесных переживаний, в сущности говоря, без чувств? А значит без души, а потом и без ума. «Презумпция личности» – условие гуманистического мировоззрения. «Животворящая Троица»: природа–общество–личность (ПОЛ) воплощается в человеке «неслиянно и нераздельно». Все они живут и будут жить или умрут – вместе.

И в религиозном, и в светском метафизическом сознании дальнейшее существование личности как вершины земного бытия мыслится прежде всего в плане духовного совершенствования, которое, в виду сложности и открытости человека миру, бесконечно. Конечные цели, правда, разнятся: в одном случае подготовка к индивидуальной вечности, переделка себя по канону богоподобия, в другом, социальное бессмертие рода и гуманизация жизни. В обоих случаях, однако, это антропоцентризм, хотя не онтологический, а ценностный. В XX веке задача социально-практической гуманизации жизни наиболее определенно и целенаправленно ставилась марксистской идеологией. При коммунизме личность впервые в истории должна перестать быть средством решения каких-либо других, пусть благих и великих вопросов и превращается в самоцель развития. Труд, любовь, познание, творчество наполнят ее бытие высшим смыслом. Это

общество в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Несмотря на неудачу в реализации коммунистических идеалов, классическое сознание не могло и не хочет отказываться от гуманизма. На него ориентировано и содержание «академической» философской антропологии, а также образовательных стандартов при ее преподавании. Вот как виделись перспективы человека нашему, современнику, «главному антропологу» России, организатору и первому директору Института человека, основателю журнала «Человек» академику И. Т. Фролову: «Приоритет человека и новый (реальный) гуманизм – так, я думаю, можно обозначить духовную парадигму, идеологию и политику XXI века».[1]

...Так теперь все это не так – рухнуло. Если, конечно, следить за фактически идущими в мире процессами. Возникло информационное общество, точнее, информационная реальность. О ней вовсю говорят, но часто «фразерски», не отдавая отчета в вытекающих отсюда следствиях. Фундаментальное из них то, – что это среда не тел и вещей, а отношений, не субстратов, а связей, коммуникации. Изменяется сама субстанция бытия и вся его целостность, что, в свою очередь, не может не влиять на состояние входящих в него частей и элементов. На основе информации образуются виртуальные формы реальности, создающие совершенно небывалые условия для тела и духа человека. Они радикально отличаются от тех, в которых он пребывал в течение тысяч лет природной эволюции. Это не может не отражаться в философско-социологической мысли, не иметь своей идеологии. На смену субстанциализму как принципу объяснения бытия идут релятивизм и коннекционизм. Классическое сознание, включая и «неклассическое» в его узком смысле, вытесняется постнеклассическим. Иными словами, реализм или «модернизм» в его широком смысле, уступают место пост(транс)модернизму. «Истина» постмодернизма – другая, противоположная прежней духовной традиции, более того – всей культуре. Главное в нем – отказ от метафизики, а значит и сложившихся в течение веков представлений о человеке, его месте в мире. Этого места «метафизическому человеку» больше нет. Отсутствие – автора, субъекта, является специфицирующим признаком, сутью актуального «постсовременного» философствования. В этом отношении оно прямо противостоит философской антропологии, отменяет ее. Кто

[1] К 50-летию журнала «Вопросы философии». Интервью с И. Т. Фроловым//Академик И. Т. Фролов. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2001. С. 62.

еще говорит о человеке, его высшей ценности, тот едет в карете прошлого. Он консерватор и фундаменталист. В той же повозке – гуманист. Если не хуже.

Живому, чтобы отсутствовать, сначала надо умереть. И человек умирает, активно, интенсивно и прогрессивно. Это настолько очевидно, что закрепилось в словарях и энциклопедиях. Правда, с самоназванием «новые». Например, в «Новейшем философском словаре» (2-е изд., перераб. и доп., Минск. 2001) слову «Человек» уделена одна страница, слово «Личность» отсутствует совсем, в то время как «Смерти» с приложением к тому, что привычно считалось живым, отдано 12 страниц. Это что-нибудь да значит! Деконструкции всей метафизики и прежде всего антропологии, окончательного отказа от различия между объектом и субъектом, означаемым и означающим, бессмысленным и смыслом – вот чего настоятельно требует становление информационной реальности и что фактически происходит в области мысли. Так следуйте за новым, потенциальным, передовым. Остальное приложится. Человек как венец природы, подобие Бога и Личность не отвечает этим прогрессивным тенденциям. Он стал традицией. Но замена ему, мы уверены, найдется. Она – здесь, «при дверях». Ее можно сконструировать. А пока скажем: *покойся с миром, человек*.

Особое мнение

Адам Антропос Гомо – Человек, признавая изменение своей роли в мире, в то же время считает данную в этой биографической справке оценку его современного положения и прогнозируемой участи контрпродуктивной. Не вытекая из первоначального, весьма хвалебного исторического описания и ставя тем самым под сомнение искренность его, как оказалось, миз-антропных коллег, она поспешна и поверхностна. Адам не может отрицать проблем, с которыми сталкивается в так называемом пост(индустриальном, модернистском) информационном обществе и возникновения в нем подрывающих гуманизм тенденций. Однако ссылки на прогресс не должны нас гипнотизировать до отказа от самих себя. Антропос вправе ожидать более глубокого анализа угрожающих ему опасностей, чтобы знать, во имя чего его ставят перед выбором: сохранение идентичности или дальнейшее существование. Мы отказываемся от подписи под выводами

о конце этой уникальной формы бытия, превращающими Curriculum vitae в Necrologus, поскольку в них не учитывается противоречивый, многовекторный, нелинейный характер происходящих процессов. Гомо имеет основание полагать, что провозглашение смерти всего сущего – природы, Бога, человека – некой объективной необходимостью свидетельствует о фатальной перверсии мировоззрения ее протагонистов. Захваченные пафосом отрицания, они оставляют без ответа самые принципиальные вопросы в своих собственных построениях. Если «смерть» метафора, то насколько, и метафорой чего она является? Если нет, то какая жизнь или форма бытия предлагается взамен нынешней, «устаревшей», и будет ли она «жизнью»? В конце концов что за субъективные цели, кроме первичного рефлекса на информацию, стоят за деконструкцией и каково ценностное оправдание ее применения к философской антропологии? Не доверяя пост-следователям постмодернизма, хотелось бы самостоятельно разобраться в этих явлениях и концепциях. *Всегда с позиции Человека*, даже если все будет против него..

2. Человек как тело: информационная реконструкция

При феноменологическом восприятии человек предстает как тело. Что у него есть душа, психика, сознание, мы до-мысливаем, воображаем, а непосредственно ориентируемся на выражение лица, глаз, походку и поведение. На то, что он говорит. Языком, голосом. Это «наивный бихевиоризм» господствовал тысячи лет, пока культура не расчленила мир на внешний и внутренний, а у человека не увидела «безвидную» идеальную сущность. Самые могущественные и таинственные мифические силы проявляли себя в зооантропоморфном облике. Даже в развитых монистических религиях трансцендентный Бог, дьявол и ангелы имеют тело. Умервщляет человека старуха с косой, а его душу птицеобразные ангелы достают из груди, зацепляя крючьями, ибо она миниатюрная копия своего большого носителя. Зооантропоморфная картина мира казалась настолько естественной, что в форме тел воспринимались, ими называли все остальные, в том числе неорганические элементы сущего. Планеты и звезды – небесные тела, их сочетания это «стрелец», «дева», «козерог», время делят между собой драконы, собаки и обезьяны, тела бывают твер-

дые, жидкие, газообразные, просто геометрические, есть тела-туловища — «корпуса» станков, кораблей, орудий и т. п.

С развитием хозяйства и познания живая картина мира изживалась, превращалась в метафору. От материального отделяется идеальное, от тела сознание, от души логос вплоть до их дуализации как противоположностей. Поскольку природа лишается зооантропоморфных характеристик, то какие в ней тела? Это «объекты», «вещи», «предметы», а идеальное либо трансцендентально, либо особая субстанция и весь вопрос в том, как оно связано с материальным, как решается психофизическая проблема. Ею и была озабочена философия в качестве метафизики, да и вся традиционная культура до XX века. Точнее до лингво-семиотико-структурного поворота, на который, после возникновения информационной реальности, мы вправе смотреть как на ее предтечу. Отказ от вещей и субстратов, от онтологии и замена их языком, текстом и структурой есть, в сущности, начало трансформации предметной модели мира в информационную. Знаковые подходы, семиотизация артикулировали тень, которую информационная реальность отбрасывала из будущего. Становление постиндустриальной цивилизации означает, что она стала настоящим, существуя рядом, вместе, а потом проникая внутрь вещно-событийного мира.

По мере проступания из тени контуров новой модели реальности когнитивизм, семиотизм, структурализм и т. д. сменялись текстуализмом, постструктурализмом, деконструкцией — тем, что обобщенно принято называть философским постмодернизмом. По аналогии с лингвистическим, можно по-видимому, говорить о более крутом повороте в том же направлении — информационном и его гуманитарном выражении в постмодернистской культуре. Или о перерастании лингвистической революции в информационную. Без усмотрения этой связи информационная реальность проявляет себя в ложном свете: как «изм», как идеология и таком качестве начинает говорить от имени всей эпохи постмодерна, искажая, сужая ее до постмодернизма, из-за чего постмодернистское философствование для тех, кто хочет искренне в нем разобраться предстает, по выражению одного из отчаявшихся в подобном занятии, «сплошной непонятностью». Ничего удивительного. Постмодернизм допускает, даже предполагает превращение других авторов и тем более читателей в некий материал, сырье, объект манипулирования при производстве собственных текстов. Это конструктивно-деятельностная установка,

принципом функционирования которой является не истина, а достижение поставленной цели. Эффект, эффективность. Ее особенности весьма картинно обрисовал Ж. Делез: «В то время меня не покидало ощущение, что история философии – это некий вид извращенного совокупления или, что тоже самое, непорочного зачатия. И тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который при том оказался бы еще и чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить»[1]. Чтобы не стать, «ничего не поняв», жертвой столь оригинального методологического (под)хода, заслуженно принесшего Ж. Делезу славу виртуоза в трак(х)товке других авторов, кроме личной бдительности, надо помнить, что в наше время все товары продаются в обертках и яркой упаковке. Чем опаснее продукт, тем затейливее тара. Чтобы избежать несварения головы со всеми вытекающими отсюда последствиями, постмодернистские тексты не следует употреблять без расшифровки и демистификации. Их нельзя принимать за чистую монету. Гениальность не гарантирует благомыслия. Их изготовляют те, кто в лучшем случае не ведают, что творят, игроки, а в худшем – люди, чье сознание похищено постчеловеческой реальностью, через которых говорит и наступает Иное. Если еще лет 10 назад постмодернизм дружно и резко отвергался, критиковался, то теперь, во избежание прослыть отставшим от прогресса, этого делать нельзя. Так, чуть-чуть. Мы будем – «посреди».

Резонно ожидать, что информационная модель мира должна вести к умалению предметности, особенно ее живых форм. Идеологическая загадка постмодернизма в том, что в нем, напротив, провозглашается телоцентризм. Его внимание сосредотачивается на телесности. Телоцентризм противополагается логоцентризму и должен, по декларациям, заменить его. Девиз «от слова к телу», призывы к телесной парадигме культуры, к переходу от вербальности к зрительным образам, от мысли к плоти стали общим местом постмодернистского философствования. Непрерывная профилактика здоровья, порнографическая эксплуатация и косметизация тела, распространение фитнес-практик («мышечная косметика») как будто дает для этого основания. Однако не менее известен и лозунг «смерти человека», стоящий в одном ряду, вернее победно завершающий борьбу с лого-

[1] *Делез Ж.* Ницше. СПб., 2001. С. 171–172.

центризмом. А предшествовали ему отряды идей и аргументов против этно-фалло-фоноцентризма, свойств и органов сопряженных с человеческой телесностью. Все мы пока «этно», т. е. представляем ту или иную культуру, «фоним», т. е. говорим на том или ином естественном языке и имеем субстратное или(и) функциональное отношение к фаллосу. Как совмещается телоцентризм с анти-этно-фоно-фалло-логоцентризмом? Если же в центре культуры и мира действительно оставляют тело, то оно какое-то странное: «без органов» и «без пространства». Воистину клубок парадоксов и противоречий. Как змей, обвивающих тело Лаокоона, чтобы задушить Героя.

Когда роль явления падает, его значение может возрастать. Чаще всего так и бывает. Все объявляется телом. Душа – тело, письмо – тело, наряду с телами природы (тело 1) появились тела культуры (тело 2), «тела мысли», дигитальные тела и т. д. «Тело может быть каким угодно; это может быть какое-то животное, тело звуков, души или идеи; оно может быть лингвистическим телом, социальным телом, некой коллективностью»[1]. Если все – тела, то особенного тела, живого тела в его специфической идентичности – нет. В отличие от феноменологической архаики, когда антропная парадигма рассматривала неживое по подобию живого, и метафизического метафоризма, когда тело, не теряя самости, служит про-образом описания окружающего мира, в постмодернизме оно отождествляется с любой, в том числе неживой реальностью. Это «нечто», единица, элемент множественного сущего, взятого, однако, не в разнообразии, а в одинаковости. Универсальное бескачественное тело является «образным аналогом» информации и количества, так называемый «симулякр». Он(о) их воплощает. Для собственно информационной реальности достаточно чисел и «пустых знаков», но если через эту призму смотреть на материальный мир, ее приходится наделять субстратностью – в виде тел. Почему не вещей? Потому что за пределами вещи остаются живые формы бытия. Телом же можно обозначить все. К человеку можно отнестись как к вещи, но вещь – не человек.

Отождествление человеческого тела с любыми другими телами следует считать экстенсивным этапом его информационной реконструкции. Этапом его превращения в «сому», в «плоть» как некий материал для дальнейшего использования при функционировании

---

[1] *Делез Ж.* Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза М., 2000. С. 346.

других систем. Прежде всего в современной медицине: одного тела для другого; мертвого для живого; живого для умирающего; молодого (младенцев) для старого; старого для экспериментов (муляжи) или «в искусстве» (выставки художественно обработанных трупов). Сначала для «лечения», а потом «улучшения», «совершенствования». Возникло тело без боли – но и без удовольствия, без запаха – но и без чувств, без пота – но и без «мышечной радости». Охлажденная, нормализованная, пастеризованная плоть. Такое молоко хранится дольше. Если сравнивать продолжительность жизни современного цивилизованного человека с тем, сколько жили в традиционном обществе, то в 2–3 раза. Медицинские манипуляции телом являются своего рода подготовительным этапом, апробацией возможностей будущего более эффективного взаимодействия человека с машиной, их взаимопроникновения и сращивания, что позволит увеличить производительность труда, хотя чью и чьего – неясно. Распространение моды на пирсинг – своего рода пробный шар внедрения чипов в человеческую плоть для «интуитивного», минующего органы чувств контакта с компьютером «от мозга к мозгу» и создания «церебрального открытого общества». Глядя на эти процессы, дополняемые искусственной имитацией все большего числа органов, можно сказать, что в эпоху постмодернизма тело в самом деле находится в центре внимания. Однако не ради его сохранения, укрепления и культивирования, а для демонтажа, разложения и трансформации. Ради реконструкции для чего-то иного (сбитый с ног и избиваемый толпой хулиганов человек находится в центре их внимания, но этот центр «не его»). Центризма собственно человеческого тела здесь нет. *Постмодернизм – это антителоцентризм.*

Концептуальным продолжением отмеченных тенденций является знаменитая постмодернистская идея «тела без органов» (ТБО). К легитимации данного феномена привлекаются самые косвенные или противоположные по смыслу высказывания, когда-либо делавшиеся в истории культуры. Обосновать столь невероятный для до и метафизического времени образ человека, не рисовавшийся даже в мифах (прежним чудовищам органов обычно добавляли) весьма трудно. Апеллируют прежде всего к Антонену Арто, который действительно выступал «против органов». Но здесь повторяется история с критикой метафизики Ф. Ницше и М. Хайдеггером. Они порицали ее «справа», за эрозию присутствия, а постмодернизм, прикрываясь их именами, «слева», за то, что оно в ней все еще наличествует. Так и с А. Арто.

Как актер, художник, эстет он выступал за спонтанное, естественное, одушевленное тело. За «тело чистой страсти», экстатическое и сомнамбулическое. Если танец, то в движении должны быть не ноги, а все тело, если секс, то любит цельный человек, а не орган (после виагры). «У настоящего человека нет полового органа», — утверждал А. Арто. Потому что он сам является полом. Органы сливаются с телом — вот эстетический идеал тела, действующего и созерцательного одновременно. В нем воплощается тотальность, характерная для истоков человеческой культуры, дошедшая до нас преимущественно в образцах восточных боевых исскусств и духовных практик, в медитации. Современный человек причастен ей разве что в сновидениях. Мастер дзен Ошо рассказывал в своих беседах: «Великий танцор Нижинский говорил: «Когда танец переходит в крещендо, меня больше нет. Есть только танец». Но это длится недолго. Затем ты возвращаешься. Я считаю, что поэзия, музыка, танец, любовь — не более, чем суррогат медитации... в медитации ты должен исчезнуть навсегда. Возврата нет, и это порождает страх».[1]

Постмодернистское «тело без органов» прямо противоположно этой интенции. Его органы отрываются от целого. Они умаляются, отрицаются, ликвидируются. О них больше не вспоминают. Тем самым тело становится «пустым», «без свойств». Это биосубстратное воплощение социального феномена «человека без свойств», в художественной форме предвосхищенного Р. Музилем. Сейчас «человек без свойств» интенсивно культивируется. Когда мы общаемся по интернету, не зная ни возраста, ни национальности, ни «про органы» (вместо пола — гендер), то мы выступаем как люди без свойств. Как «некто». В Сети циркулируют чистые мысли с минимальным личностным окрасом в виде стиля и формы выражения. Чистому мышлению соответствует, противополагаясь, чистое тело. Компьютерные программы состоят из сочетаний пустых знаков. Коррелятивно им возникают, противополагаясь, пустые тела. Целостный телесный человек, человек как живой организм, превращается в часть человека — посторганизм. В Corpus, corpus по-латыни не значит <вместилище>, (туловo). В плоть. Обезличивание переходит в «обезорганивание».

Тело без органов — соматическое тело. Это бесформенное, бесструктурное образование, некое «расчищенное место» для нанесения знаков или вживления чипов. «Протоплазматическая субстанция»,

---

[1] Ошо ZEN. Риндзай: мастер иррационального. М., «София», 2004. С. 42.

«среда интенсивностей», «кинестическая амеба» – вот его типичные определения в постмодернизме. И если не поддаваться на отвлекающие уловки и случайные аналогии, то мы действительно обнаружим перед собой или самого себя в виде тела, оставшегося «после духа», ушедшего побродить по Сети и виртуальным реальностям. В этом путешествии оно ему не нужно. Виртуально, в сознании, человек может мчаться с заснеженных гор, а телесно догнивать на диване, когда никакие органы не функционируют. Он может толстеть или истощаться, как компьютерные наркоманы, но в обоих случаях тело атрофируется до биосубстрата. Тело как организм нужно для жизни в естественном, природном или в искусственном, но по крайней мере, предметном мире. Чтобы поглощать и преобразовывать его, сталкиваться и бороться с ним. Все живые тела, кроме простейших, имеют органы. Внутренние и внешние. Напротив, для восприятия и передачи информации, для «жизни» в гиперискусственном, искусственном-2 достаточно мозга, дополненного, пока нет прямого церебрального контакта с машинным интеллектом, глазами и руками. Чтобы нажимать клавиши и шевелить мышкой. Не функционируя, органы рано или поздно отмирают. У современных интеллектуалов руки на глазах превращаются в ласты. Во что превращаются другие органы, говорить не стоит. «Частичный человек», которого боялись классическая метафизика, марксисты и гуманисты, – вот он какой! Постмодернизм его не боится. Он его описывает, проектирует и приветствует. Для физиологического закрепления этого процесса нужно 2–3 поколения. ТБО (тело без органов) или НОТ (новое тело) появится как завершающий этап в реализации информационной реконструкции человека, предварительно осуществившейся на «главных» органах. Прежде всего – на внешних. А потом, когда, по-видимому, тело без органов будет совершенствоваться – на внутренних. Такова очевидная перспектива значительной части людей, с детства и много сидящих, а постепенно все больше лежащих перед экранами или в специальных шлемах.

Это перед экранами. В натуре. Но тела есть и на экранах, которых становится больше, чем живых, с органами или без органов. Для их обозначения тоже нужны соответствующие понятия. Ключевое среди них – «тело без пространства» (ТБП). Близкие к нему – «картография тел», «нулевое тело», «детерриториализованная телесность». Введение данных понятий было бы невозможно без огромной предварительной работы по разрушению метафизической картины мира,

в которой тела существуют как вещи, только живые. Они имеют массу, объем, высоту, глубину. Тело без пространства не вещно. Оно «не весит» (не вещит) и существует как конфигурация поверхностей. Теоретическая победа над высотой и глубиной тоже стала возможной после победы знаков и структур над вещами и субстратами. Но обоснование приоритета поверхностей и придания им мировоззренческой всеобщности происходит в рамках постмодернизма. Решающий вклад здесь внес опять-таки Ж.Делез. Как всякий идеолог, он апеллирует к процессам, протекающим не в производстве, универсуме техники или социуме, а к внутренней филиации идей. В борьбе с «вещностью» метафизической философии он ищет аргументы в самой философии, максимум, в личной жизни. Ссылается на стоиков, на Пифагора, вспоминает о ленте Мебиуса и т. д., лишь бы не выделять, не акцентировать подлинную движущую причину: возникла техническая реальность экранов и поверхностей, на которые сканируются, куда «уходят» вещи и живые тела; возник double world (второй мир), что, конечно, важнее искусства поверхностей, необходимого для гомосексуальных отношений, опытом которых он, бравируя, делится. Тело без пространства вместе с текстом становятся заместителями реальности вещей и заслоняют тысячелетия другого способа бытия людей. «Все, что происходит, и все, что высказывается, происходит на поверхности. Поверхность столь же мало исследована и познана, как глубина и высота, выступающие в качестве нонсенса... Двойной смысл поверхности, неразрывность изнанки и лицевой стороны, сменяют высоту и глубину. За занавесом ничего нет, кроме безымянных смесей... Поверхность подобна запотевшему стеклу, на котором можно писать пальцем... Философ теперь не пещерное существо и не платоновская душа-птица, а плоское животное поверхностей – клещ или блоха. Как назвать это новое философское свершение?.. Может быть, извращением, которое, по крайней мере, согласуется с системой провокаций этого нового типа философа, если верно, что извращение предполагает особое искусство поверхностей»[1]

Как видим, Ж. Делез идет ощупью: вместо мониторов – «запотевшие стекла», вместо компьютерных плат с напылением сверхчистых веществ, «безымянные смеси», по экранам под воздействием мыши прыгает не курсор – это главное орудие мышления «сетевого философа» – а «клещи и блохи». Таким же образом, описывая как

[1] *Делез Ж.* Логика смысла. М., Екатеринбург. 1998. С. 181–182.

будто с натуры тело без высоты и глубины – на телеэкране, он упорно избегает его соответствующей квалификации. «Всегда говорит именно рот; но теперь звуки уже не шумы тела, которое ест – это чистая формальность; они становятся манифестацией выражающего себя субъекта»[1]. Итак, еда для тела без пространства чистая формальность. Шумит, фонит тоже не тело, а что-то другое, благодаря которому «звук становится независимым». Действительно, звук производят аппараты, которые потребляют электрохимическую энергию, а не хлеб с мясом, про которые как бы уже и стыдно вспоминать в серьезном научном разговоре о человеке. Все это правда, кроме... правды. Фактически речь идет не о теле, не о живом теле и не о человеческом теле, а о теле без тела. Нет главного признака тела, который в философии подчеркивается со времени Декарта – массы, объема и протяженности, т. е. пространства. Нет обмена веществ, без которого живое не существует. Информационизм – это антивитализм. Тело без пространства – тело на экране, экранное тело. *Это – антитело.* Антитела вокруг нас.

Трудно сказать, является ли подобная двусмысленность постмодернистского описания тела без пространства сознательным обманом с целью представления любого бытия информацией или это самообман, связанный с неразвитостью экранной среды времени становления данной философии. Ведь в 60-е годы эпоха постмодерна только начиналась. Удивительно другое. Сейчас, когда информационная цивилизация входит в пике, а о деконструкции всего и вся написаны монбланы книг, эта неясность не просто сохраняется, она продолжает культивироваться. «Тело без пространства» всерьез обсуждается как тело человека. В то время как эти антитела начинают заслонять протяженные и живые, все больше составляя наше окружение. Среди них полно давно умерших (так осуществляется утопия Н. Федорова) или никогда не существовавших. Они энергичнее, красивее, совершеннее живых, кажущихся на их фоне неуклюжими и устаревшими. Копия стала лучше оригинала! (Вот причина, почему «повторение предшествует факту»). И без его примитивных проявлений. Поэтому восхваляется «желание без соблазна», т. е. без соблазнения, т. е. без телесного Другого. Сексуальность адресуется «напрямую, к образам без тел». Достаточно контакта с «телами без пространства». По старому это называлось онанизмом, тем, что возможно, но находится

[1] Там же, С. 245.

за пределами нормы. В нем как в «любви без другого» находит свое техническое воплощение идеал свободы (никто ни в ком не нуждается) и атомизация либерального общества, перерастающие в аутизм его членов. Для человека с «телом и органами» это плохо, печально, но ...прогрессивно. Значит – хорошо. Сказать «плохо», решиться на критику экспансии тел без органов и пространства страшнее, чем отрицать собственное существование. Ведь это значит вступить в противоречие с Техникой, прогневать наше новое божество. Быть «атехнистом» при идейном господстве техницизма и информационизма – то же самое, что быть атеистом в Средние века. Это значит претендовать на то, что наше мышление должно быть не рефлексом событий, не «отражением бытия», а рефлексией над ним(и) и на то, чтобы остаться субъектом происходящих процессов – состояние, сохранить или достичь которого, возможно, не удасться вообще. Не успеем, ибо параллельно информационной реконструкции человека как тела развертывается деконструкция и «пересоздание» его духовно-личностной сущности.

3. Человек как субъект: информационная реконструкция

В XX веке всегда присущая человеческой истории трагическая сторона перестала быть локальной. Она глобализовалась в буквальном и переносном смысле слова. Достаточно вспомнить две унесшие миллионы жизней мировые войны. Меньше обращают внимания на то, что идейно, в символическом универсуме, разыгралась своя кровавая драма: исчез, погиб, пропал без вести, умер – человек. Вообще! И не просто сам по себе. Его преследовали и убивали везде и как скоро обнаружат: как автора, читателя, субъекта, личность, сверхчеловека, творца. В философии удар направлялся прежде всего против субъекта. Субъект – это «теоретический человек». Он носитель сознания, языка, активности и свободы. Без него нет объекта (как верно и наоборот). В совокупности субъект и объект исчерпывают наше бытие. Борьба таким образом велась с моделью мира, существовавшей в течение 2,5 тыс. лет, с «осевого времени», эпохи возникновения культуры и философии. Этот мир подрывается, деконструируируется, продолжая разрушаться посредством и в результате все той же лингво-семиотической, а если говорить принципиальнее, информационной революции. Становление информационного общества

— время, когда «сломалась ось времен» и «кончилась история». История как предметно-культурная, субъектная деятельность людей. Эту революцию можно сравнить и со становлением неолита. По своим же апокалипсическим тенденциям она, по-видимому, значимее всех предшествующих исторических поворотов.

Разумеется, борьба вокруг субъекта была неоднозначной. Его критиковали с разных сторон, с противоположными намерениями. М. Шелер за то, что ориентация на него завела европейскую философию в трансцендентально-рационалистические дебри, где человек потерялся. Надо, возвратив субъекту тело, чувственность и тем самым целостность, поставить его в этом качестве в центр мира. Наше мышление, наша логика так или иначе человекосообразны. Любое философствование мотивировано человеческим и приходит к нему. Так возникла философская антропология, претендующая быть смысловым ядром философии вообще. Единственно на человеке, его личности и индивидуальной свободе, отгораживаясь от проблем остального сущего, сосредотачиваются персонализм и экзистенциалисты. М. Хайдеггер, наоборот, отталкиваясь от экзистенциализма, вернулся к Dasein, «вот-бытию» как нераздельному бытию-сознанию. К субъектно-бытийному единству тяготеют теории «жизненного мира» поздних Э. Гуссерля и Л. Виттгенштейна. Все это происходило под влиянием революции в естествознании, когда субъект, вопреки классике, включается в познавательный процесс, сначала как наблюдатель, а потом превращается в деятеля, проектировщика и конструктора фактов. Так возникли неклассическая наука, модернистское искусство и искусственная предметно-техническая реальность как повседневная жизненная среда человека. Они до сих пор превалируют в нашем окружении, хотя все это явления индустриального, доинформационного общества. Они современны, актуальны, но — не больше. На фоне «постсовременного», постмодернистского или, если бежать впереди прогресса, трансмодернистского развития цивилизации, они консервативны. Оставаясь модернистскими, они хотят, несмотря на перемены, сохранить человека в его традиционной форме. Они цепляются за его антропологическую идентичность. Между тем, с точки зрения деконструктивизма время человека и как телесного существа, и как субъекта истекает. Истекло. Чтобы вписаться в новую, «новационную», информационную реальность и полностью соответствовать ей, он, как минимум, должен быть реконструирован.

В отличие от косметического ремонта реконструкция предполагает предварительную деконструкцию: прекращение функционирования, разборку на элементы и части, если не деструкцию – разрушение до субстрата. На прекращении функционирования, объявив об изгнании субъекта из теории, остановился структурализм. Остановился на вытеснении, «не-сотрудничестве» с ним, на методологическом приеме. В отличие от него постмодернизм (постструктурализм) не игнорирует субъект, а проводит действительную, субъекта, дискредитирует его по всем философски важным параметрам. Более того. В отличие от деконструкции человека как телесного существа, которая сразу реконструирует его в «тело перед экраном и на экране», приспосабливая тем самым к жизни в новой информационной среде, деконструкция человека как субъекта ведется с «нуля», вернее до нуля. Сначала его «растворяют», доводя до смерти, по крайней мере клинической, и только после, увидев, что делать с ним больше ничего, да и сами остались без работы, а главное – испытав огорчение, что люди, субъекты, не подозревая о своем небытии, продолжают суетиться, эти «проблемные поля» пришлось восстанавливать. Заговорили о «воскрешении субъекта», но... «после человека», в русле afterpostmodernism'а и трансгрессии. Дело долгое, непоследовательное, с превратным результатом. Мы же пока должны рассмотреть основные аргументы против присутствия субъекта в мире, его центрального положения в нем, его статуса носителя мышления и свободы. Какими силами и во имя чего отрицается человек-субъект?

Вопросы кажутся сложными, однако если помнить об определяющей смысл всего деконструктивистского философствования борьбе с философией как метафизикой, то ответ не требует отдельных изысканий. Он вытекает из общего отрицания признаваемой в ней реальности (присутствия), не важно? материальной или идеальной, из его борьбы с онтологией и теологией, отказа от различения означаемого и означающего. Это, говоря устаревшими словами, означает, что в нем нет ни объекта, ни субъекта. Постмодернизм, не признавая деления бытия на внутреннее и внешнее, стремится преодолеть бинаризм в подходе к нему, не важно, дуалистический или диалектико-монистический. Можно бы утверждать, что для него оно едино и единственно по самой своей природе, если бы слово *природа* в нем не было табуировано. «Бытие» едино и единственно в языке, тексте, письме как некоем самодействующем (автоматическом) и саморазвивающемся множестве знаков. В том, что стало на место природы – в

информации. Этапность постметафизического преодоления метафизической двойственности мира в том, что если в структурализме субъект снимается, «растворяется», как бы походя, наряду с предметной сущностью, то для постмодернизма смерть субъекта – credo или, говоря его языком – брэнд.

Общая незавидная судьба объекта и субъекта проистекает также из ориентации постметафизического философствования на переход от парадигмы бытия к парадигме становления. Переход «From being to becoming» означает потерю субстанциональности мира и его трансформацию в модальное состояние. «Становленческая методология» – синергетика. Если и когда ее превращают в мировоззрение, она ведет к потенциализму и нигитологии. Когда все – процесс и поток, если вещи и тела нам только кажутся в силу медленности восприятия, то такая же иллюзия – наше «Я», сознающий себя человек. Скорость естественной эволюции не поспевает за скоростью искусственных технических перемен и естественно сущее представляется все более искусственным, феноменологическим. Научная картина мира становится энергийной, «энергетической», в ней начинает превалировать идеология процессуальности. Хотя становленческая линия борьбы с человекоразмерным бытием не собственно семиотическая, по ней постмодернизм отрывается от статики структурализма, предполагающего сохранение вещей в качестве самих себя. Отрывается все активнее, резче и по мере приближения синергетики к противостоянию с системностью вступает в стадию трансмодернизма как «философии иного». Претендуя на мировоззрение, синергетика подрывает базу идентичности человека-субъекта, делая его из действительного возможным, из телесного виртуальным, из индивида «дивидом» и «мультивидом». Синергетическое мировоззрение коррелятивно или, можно сказать, создает условия для того, чтобы субъект трактовался как рефлекс тотально технологизированного общества и информационизма. Так, каким он в этих условиях становится – функцией, модусом, сингулярностью, складкой.

«Итак, на вопрос «Кто говорит?» мы отвечаем, – пишет Ж. Делез, анализируя традиционные метафизические ответы, – в одних случаях, это индивидуальное, в других, что личное, в третьих – что само основание, сводящее на нет первые два»[1]. Очевидно речь идет о «нововременном» активистско-персоналистском воззрении на субъект, но также в нововременных рамках и противоположном ему, рассматривающем субъект как голос Бога или «просвет» Бытия. Они

[1] Там же, С. 190.

оба не удовлетворяют Ж. Делеза. «Остается еще один, последний ответ, бросающий вызов как недифференцированному первозданному основанию, так и формам индивидуальности личности, – ответ, отвергающий и их противостояние, и их дополнительность. Нет, сингулярности отнюдь не заточены безысходно в индивидуальностях и личностях; не проваливаются они и в недифференцированное основание, в бездонную глубину, когда распадаются индивидуальность и личность. Безличное и доиндивидуальное – это свободные номадические сингулярности. Глубже всякого дна – поверхность и кожа. Здесь формируется новый тип эзотерического языка, который сам по себе модель и реальность»[1].

Итак, человек-субъект превращается в сингулярность, некую доиндивидуальную, хотя и выделяемую из тотальности бытия единицу. Она безлична, но не пропадает в его «бездне». Это артикулированное, свободно перемещающееся в(по) «языковой реальности» образование – номада. Не обремененное субстратностью, оно(она) кочует, где хочет, не подчиняясь «власти». Власти не узко политической, как думают, представляя постмодернистов какими-то борцами за права человека, а необходимости и обстоятельствам жизни, ее содержанию, «глубине» – не подчиняясь власти присутствия. Данная сингулярность и является тем, что когда-то было человеком, субъектом, индивидом, личностью, экзистенцией, вот-бытием. В сравнении с этими метафизически-антропологическими категориями у нее, кроме отмеченных, масса других преимуществ. Подобно тому как через «поверхность» преодолеваются мучившие философию на протяжении веков оппозиции материального и идеального, объективного и субъективного, природы и ее «зеркала», так через сингулярность решается проблема психофизического дуализма человека – тела и духа, бессознательного и сознания, «нонсенса» и смысла. Экран, табло – это «представительство другого», чье-то материализованное сознание и идеализованная, превращенная в функцию материя. «Нонсенс и смысл покончили со своим динамическим противостоянием и вышли в соприсутствие статичного генезиса – нонсенс поверхности и скользящий по поверхности смысл. Трагическое и комическое освобождают место новой ценности – юмору»[2].

Ж. Делез исполняет настоящий гимн юмору. Прослушивая его, не следует ограничиваться эстетическими и литературными оценка-

---

[1] Там же. С. 190.

[2] Там же. С. 190.

ми. Это философская категория, своего рода «картина мира», новая модель бытия, в котором нет ничего смешного. Это действительно эзотерический, тайный язык разрушения предметной среды, необходимой для существования человека и «диссоциации» его самого как субъекта ради их замены информационно-экранными аналогами. Если смех, даже ирония выражают чувства целостного, телесно-духовного человека, возникающие при его определенного типа столкновениях с миром, то юмор – результат сдвига смыслов в тексте. Это игра понятий, сугубо умственный, «логический смех» вместо живого, телесно-духовного, не говоря о физиологическом, выражения радости бытия в виде беспричинного, «дурацкого» смеха (обычно молодежи). Но открытые призывы к элиминации целостного человека встретили бы среди людей, не ставших пленниками трансгуманной информационной реальности, много противников, их смех, гнев или плач. Поэтому яд лучше вливать незаметно, «логически». «Если ирония это соразмерность бытия и индивидуальности или Я и представления, то юмор – это соразмерность смысла и нонсенса. Юмор – это искусство поверхностей и двойников, номадических сингулярностей и всегда ускользающей случайной точки, искусства статичного генезиса, сноровка чистого (т. е. не обремененного субстратом – *В. К.*) события и «четвертое лицо единственного числа», где не имеют силы ни сигнификация, ни денотация, ни манифестация, а всякая глубина и высота упразднены»[1]. Упразднен, позволим себе сделать обобщение, реальный предметно-телесный мир. Включая трансцендентный, куда человек возносится как духовное существо. В этом – «всё» деконструктивизма, итог и смысл его методологических по(д)ходов, борьбы с метафизикой, переписывания истории и т. д. Это *природно-культурно-антропологический элиминативизм – освобождение места для универсального распространения информационной реальности.*

Однажды Ж. Деррида на докучливые вопросы своих поклонников о том, «Что же было в Начале?», до «повторения и различия», явно не без юмора, но совершено честно сказал: «В Начале была телефонная линия». Поклонники юмора не поняли и до сих пор спорят, что за загадку загадал им великий человек. О ней пишут в энциклопедиях как о чудачестве, которое позволяют себе, подобно эстрадным звездам, некоторые философские мэтры. И здесь подтверждает-

[1] Там же. С. 190.

ся правота тезиса постмодернизма, что текст создается не столько автором, сколько читателями. Ж. Деррида открыто объявляет, что его философия есть модель информационной реальности и рефлекс computer science, тем более, что в годы, когда его спрашивали, в интернет можно было войти лишь по телефону, но ему не верят. Слишком просто. Оскорбительная ясность, как сказал бы Ницше. Правда, к извинению «читателя», Деррида одновременно маскирует суть дела томами текстов, препарирующих развитие человечества под развитие искусственного интеллекта, «при этом так, чтобы он казался естественным». Его грамматология заменяет все когда-либо бывшие виды субстанции и онтологию. «Телефон» был раньше «Большого взрыва» и господа Бога. «Мы все живем внутри Универсального Компьютера», – эти последние открытия физики Деррида со своим телефоном сделал намного раньше, изначально и парадигмально. Прежние факты, взгляды и теории уродуются методами деконструктивистской оперативной хирургии, превращаясь в «безбородого Маркса, бородатого Гегеля и усатую Джоконду», т. е. в какие угодно «автору!» Но при наличии подобных откровенных признаний, а «телефонное» – не единственное, и открытого про(ре)кламирования теоретического произвола, разобраться в этом воинствующем презентизме все-таки можно. И нужно. Новые идеологии, как правило, агрессивны, стремятся к «абсолютизации». В данном случае поражает размах, цинизм агрессии, хотя они адекватны масштабу наступления искусственного виртуального мира на естественный. Назначение философии, если она хочет служить благу человека, в том, чтобы видеть и «разруливать» такого рода аберрации. К сожалению, ослепленная прогрессом технонауки, она (их) видит все хуже. Видно, мальчиков в ней, которые могли бы по достоинству оценить новое грамматологическое платье постмодернистских королей, все меньше. Открытое тоталитарно-технологическое общество враждебно рефлексии и игнорирует мыслящее мировоззрение. Оно подавляет в себе последние живые элементы.

Однако вернемся, вернее, подключимся к Началу, т. е. в Сеть. Из ее «нутри», вернее поверхности, легче понять всю неуместность присутствия в ней субъекта. Уже не в плане его телесности как совместной с любым объектом неуместности присутствия в семиосфере, а с точки зрения его собственной теоретической специфики. Субъект несет в себе Центр – по определению. Он, в отличие от объектного, страдательного залога – залог действительный. У Канта он стал

солнцем, вокруг которого вращается Земля, у Фихте дело дошло до креативного солипсизма: Я порождает не-Я, не говоря о библейском Всевышнем Субъекте как создателе Вселенной. Центризм – атрибут субъекта. Он несет в себе признание вертикального измерения сущего, наличия у него ассиметрических субординирующих параметров, его иерархическое устройство. Признание глубины и высоты, объемов и протяженности прямо противоречит апологии поверхностей и экранов. Центризм означает, что мир является или должен быть Территорией, Системой, у которой есть организующий фактор, Бог или человек, как цель в себе. Если он не присущ самому миру, то мы его примысливаем в силу логики метафизического мышления. Деревья растут не только в лесах, но и в голове. И вот вместо них в наших головах прорастает «ризома» как «первый набросок», «проба пера» новой несистемной логики. Логики сетей, по которой функционирует информационная реальность. Сетевая логика – антипод иерархии земного притяжения с ее центризмом и вертикальностью, ядром и периферией. Это чистый, «бездомный» релятивизм и коннекционизм космической невесомости и виртуалистики, когда все может быть всем.

А(нти)центризм – теоретический фундамент борьбы с этно-фалло-фоноцентризмом как неотъемлемыми свойствами человека и субъекта. Удаление общего центра обрушивает все конкретные периферийные центризмы. Деконструкция центра – центральный момент в «растворении» субъекта. Но поскольку субъект все же не тождествен центру, то после уничтожения последнего от него остается «субъективное» или «субъектность». Фактически это означает низведение субъекта до статуса объекта, только особого рода и состояния. В контексте «территориальной» системно-структурной методологии субъект как субъектность предстает функцией системы, модусом или складкой структуры. О «складке», складывании и складчатости, о «сгибах и карманах» как о том, что остается после субъекта, больше всего писал М. Фуко. У Ж.Делеза вместо субъекта сингулярность, у Ж. Деррида подпись, у М. Фуко складка. Они, однако, не противостоят друг другу. Несмотря на небольшие различия эти понятия открывают дорогу топологическому описанию явлений информационной реальности, их графическому выражению. Субъектное, наконец, становится гомогенным природе Сети, ее топологической конфигурации. Теперь «Бытие» действительно Едино. Оно стало количеством и информацией.

Информационная реконструкция субъекта, дополненная и продолженная ниспровержением Логоса, логоцентризма и замена его Письмом (про-граммологией) трансформирует философию, как и гуманитарное познание вообще, в топологию и исчисление. Другими словами, – ликвидирует. Грамматология – «золы угасшей прах» онтологии. Конфликт двух культур завершается полной победой науки. Науки на новом, дигитальном основании. Топология и исчисление в совокупности являются количественно-математическим аналогом качественного естественно-феноменологического мышления. Аналогом и антиподом. После перехода от мифа к софии и логосу, от преимущественно чувственного восприятия мира к рациональному, человечество совершает второй великий исторический переход от логоса к матезису, когда «живая» ценностно-целевая рациональность заменяется отчужденной от субъекта технологией информационных преобразований. Поворот, который в его судьбе может стать последним.

Что касается свободы и самости, других неотъемлемых от субъекта атрибутов, то после его информационной реконструкции говорить о них не имеет смысла. Вопрос решается автоматически. Свободу всегда ограничивала власть «материи» или «Бога», «закон» как некая устойчивая организованная детерминация. Сеть – это не система, не организация в точном смысле этих слов, а ситуативная конфигурация, детерриториализованный, хотя артикулированный хаос, потенция, ничто, т. е. абсолютная свобода. Абсолютная, но «беспредметная». Абсолютная, но «в сетях»: внесубъектная, складчатая, сингулярная, номадическая. Без имени собственного. Humans как non-humans, т. е. аналогичная свободе любых других элементов сети. Постчеловеческая. В отношении традиционных представлений о субъекте как воплощении свободы в мире мы ограничимся мифолого-поэзоцентристским воспоминанием:

«Основано от века
По воле Бога самого
Самостояние человека
Залог величия его».

Вряд ли такие строки А. С. Пушкин мог посвятить человеческому фактору и субъектности, воспевать любовь к телу без органов и телу без пространства, заботиться о судьбе сингулярности и складки. Самостоятельный человек, человек как цель, а не средство – насле-

дие допотопной, доинформационно-новационной, дотрансгуманистической эры. Пока она не завершилась, есть возможность заняться рассмотрением того, «что день грядущий нам готовит». Как, предположительно, де(ре)конструированный человек будет жить дальше? Или «кто» в-место него?

4. Конструкция постчеловека: концептуальный персонаж в персональном компьютере

Низвержение человека с пьедестала подобия Бога, венца природы и личности, его низведение до телесности, а потом тела без органов и пространства с одной стороны, и до субъектности, а потом сингулярности и складки с другой, является содержательным исполнением приговора к смерти, который ему частично составил, а в основном зачитывает постмодернизм. Эти процессы инспирируются самой реальностью, ситуацией человека в ней. Но поскольку он, как мы уже удивлялись, продолжает жить, то возникают разнонаправленные желания: или довести дело «до конца», найдя ему замену и называя ее кто «воскрешением», кто «позитивной смертью», или попытаться реформировать философскую антропологию с учетом вновь открывшихся обстоятельств. Появились авторы, которые хотят спасти человека. Для этого надо поставить историческую метафизику на более адекватные современности основания. Если деконструктивизм, в сущности, конструирует антиантропологию, то в противовес ему надо развивать другую антропологию. Самую значимую ее версию, по нашему представлению, предложил С. С. Хоружий[1].

Современная цивилизация, считает он, испытывает неотвратимое влечение к Антропологической Границе и заворожена ею как кролик удавом. Отсюда проистекают опасные проблемы и угрозы человеку, которые невозможно предотвратить, центрируясь на субъекте, как это происходит в рамках субстанциально-эссенциалистской метафизической антропологии. Потому что субъект действительно умира-

[1] *Хоружий С. С.* Заметки к энергийной антропологии. «Духовная практика» и «отверзание чувств»: два концепта в сравнительной перспективе// Вопросы философии. 1999, № 3; *Хоружий С. С.* К антропологической модели третьего тысячелетия//Философские науки. М., 2003. Вып. 8.

ет: «этот род антропологизма потерпел крах»[1]. Вместо него остается «субъектная перспектива», которую надо, тематизируя, попытаться реализовать. Положение «Я – субъектность, а не субъект» позволяет говорить об определенном консенсусе в отношении нынешнего антропологического кризиса. Важно найти корни, начала субъектности. Они не тождественны «Я», но тем или иным образом заключают его в себе – как направление деятельности и энергию, как сферу, в которой развертывается или умаляется наша идентичность. Такую возможность, будучи особой формой бытия, открывает Духовная практика. Она обладает синергийной природой приобщения к внеположенному повседневности источнику – Телосу. Опора на Духовную практику позволяет говорить о новой, сохраняющей субъектность «энергийной антропологической парадигме» как перспективе человечества на III тысячелетие.

Кроме принятия или непринятия энергийно-субъектной парадигмы, принципиальное значение имеет ее интерпретация. Например, в ареале энергийной по своей природе виртуальной реальности человеческая субъектность остается недооформленной, «недородом», не говоря уже о самоидентификации. В стратегиях Бессознательного человек может обладать идентичностью, но она лишена топологического единства и цельности. Следовательно, ядром энергийной антропологии должна быть непосредственно персональная, личная Духовная практика, хотя и здесь есть одно «но». Как известно, ее наиболее распространенными формами являются: православный исихазм, когда в качестве телоса выступает «обожение» как соединение человеческой энергии с благодатью, и древнейшие восточные практики погружения человека в нирвану, превращающие его сознание в поток дхарм. «Возникает альтернатива. Самореализация в парадигме Духовной практики несет претворение неопределенного энергийного «Я», «субъектности без субъекта», – либо возводящее «субъектность» в личность со всею полнотою идентичности, либо растворяющее «субъектность» вместе с ее начатками идентичности – в Ничто. Если же субъектность не связывают с энергийной парадигмой (как в случае постмодернистского сознания), она – на распутье, в перманентной онтологической бифуркации... Выбор между самоосуществлением в лицетворении нашего недопеченого «Я» или же в его рас-

---

[1] *Хоружий С. С.* К антропологической модели. С. 134.

творении – предмет не теоретического доказательства, а творимой истории, личной и общей. Ответ будет известен в конце»[1].

Высоко оценивая этот замысел реформирования философской антропологии, решимся на его критическое обсуждение. Чтобы тематизировать влечение современного человека «к Границе» (а нам кажется возможным сказать решительнее: «к Иному», к самоотрицанию) предлагается поменять исходные категории традиционного метафизического мышления: перейти «от бытия к становлению» (от материи к энергии, от вещей к свойствам, от субъекта к субъектности). И так, чтобы это было «становление вверх», «возведение себя к Личности» – синергия с Богом. Неудача «самостояния» толкает к тому, чтобы искать внешние благодатные опоры. Ради спасения человеку надо стать Богочеловеком. Препятствием подобному направлению энергии видятся «разравнивание себя», восточные духовные практики и задержка с выбором у постмодернистского сознания, находящегося в «перманентной онтологической бифуркации». Думается, что это сильное облегчение и упрощение проблемы. Восточные духовные практики в моде, но они маргинальны, а постмодернизм вовсе не стоит на распутье. Переориентировавшись с бытия на становление, на энергию и субъектность, то есть на самом деле, как мы видели при анализе реконструкции субъекта, не отвергая, а используя энергийную парадигму, он, отталкиваясь от нее, пошел дальше: от становления к потенциализму и к ничто (от свойств к отношениям, от субъектности к сингулярности). Становленческий принцип не уводит нас от Иного, а приближает к нему. Иерархия китов, на которых мир держался в индустриальную эпоху – материя, энергия, информация, разворачивается в направлении нового субстанциализма и монизма – информационного. На третье тысячелетие явственно намечается не энергийная, а «информационная парадигма», которая, по оценке самого С. С. Хоружего, является антиантропологией. Но «анти» – это отрицательная характеристика. Постмодернизм на ней не останавливается и ведя, речь о постчеловеке, предлагает развивать «постантропологию»[2]. Ее исходная категория – хаос (ничто, вакуум, виртуальность), вместо принципа тождества принцип различия

---

[1] Там же. С. 136.

[2] Объективности ради надо сознаться, что понятие постчеловека мы вводили довольно давно, хотя, конечно, как предупреждение и предмет критики. См.: Человек в постчеловеческом мире: проблема выживания//Природа, 1989. № 5; Алгебра, убивающая гармонию//Человек. 1991. № 3.

и повторения, вместо вещей и свойств «граммы» или, на техническом языке, «биты». Вместо онтологии – грамматология, т. е. вместо бытия, которое всегда определяло сознание, «битие», которое заменяет его программой, вплоть до «снятия», до не-сознания, вследствие чего мы все меньше отдаем себе в этом отчет.

Однако вернемся от общей картины мира к человеку, вернее, к постчеловеку. Насколько человек не равен субъекту, «теоретическому человеку», настолько и постчеловек не равен сингулярности или складке. Он в них «не вмещается». Как живое сознание не сводимо к конфигурации мозговых нейронов и не объясняется физикалистски, так информационизм не объясняет функционирования складки и сингулярностей при их восприятии человеком. Складка должна интерпретироваться и иметь значение, поскольку информационная реальность соотносится с реальностью тел и вещей. Сингулярность есть некое единичное образование, но она не остается точкой без содержания и смысла. Выводимые на экран живого сознания информационные процессы поневоле приобретают понятийные формы. Даже у математиков и программистов. Доведя дело «до точки», до бессмыслового и бессмысленного абстрактного количества, приходится возвращаться к его качественному, семантическому или даже образно-чувственному наполнению. Это называется симуляцией бытия и воскрешением субъекта – на стадии afterpostmodtrnism'a. Когда речь идет о восприятии информации применительно к предметной реальности – это симулякры. Когда вещи и явления симулируются (воскрешаются) в контексте самой информационной реальности – это «тела мысли», концепты. Вся так называемая квантово-механическая онтология является, по-видимому, реальностью симулякров. Если симуля(криза)цией человека в предметном мире можно считать его превращение в «человеческий фактор», и в «гомутера» (гомо + компьютер), то концепт(уализация) человека в информационном мире конкретизируется через понятие: «персонаж». В целом это пост-, точнее, after-транс-модернистские вариации на тему постчеловека, его замены на «Иное» и превращения философской антропологии в «постчеловеческую персонологию».

Разумеется, такой последовательности, какую мы приписываем постмодернизму, в его развитии не было. Это не шествие гегелевского Духа. Но она не навязывается, она просматривается «по законам чтения», сквозь временные несоответствия и противоречия подходов. Право читателя на другую, «более правильную» интерпретацию авто-

ра обосновано самим постмодернизмом в тех идеях, которые направлены на постижение, а не мистификацию происходящих процессов, когда ответственный историзм, освобождающий Джоконду от усов и возвращающий бороду Марксу, служит не только истине, но и благу. Дальнейшая логика нашего собственного текста заставляет сосредоточиться на судьбе человека, загоняемого или безвыходно попавшего в капкан информационной реальности и трансформирующегося в ней в «концепт» и «персонаж».

Постмодернистский концепт – это понятие, потерявшее изначальный гносеологический статус и ставшее неким видом бытия, «онтосом». Это – понятие и в таком качестве относится к «вещам», хотя не является вещью в (мета)физическом смысле слова. Ближе всего оно, по-видимому, к формам Аристотеля, когда подсвечник состоит из бронзы как материи и «подсвечниковости» как формы. За исключением того, что концепт-вещь не предполагает бронзы. Мир концептов – мир чистых бытийствующих форм, «подсвечниковостей», существующих самостоятельно, без «бронзы». Тогда может лучше подойдет аналогия с платоновскими эйдосами, идеями? Да, за исключением того, что в отличие от эйдосов, пребывающих в трансцендентном мире, концепты по своей природе имманентны. Они не являются образцами для «земных» вещей, хотя могут с ними соотноситься. (тогда, правда, это будут симулякры). Концепты свободно конструируются как некие множественности, хотя не всякая множественность концептуальна. Задача философии, таким образом, в том, чтобы «творить концепты», создавая из их совокупности самоценную имманентную реальность. Философы должны культивировать, всячески усиливая, свою миропроизводительную потенцию.

А вот здесь, пожалуй, пора одуматься и притормозить. Концепты – вещь настолько тонкая, что мы рискуем быть обвиненными в том, в чем часто упрекают постмодернизм – в произвольной трансформации чужих смыслов. Описание концептов «со стороны» вызывает нарастающее недоверие даже у описателя. Целесообразно поэтому дать слово оригинальным авторам концепции концептов, оставив себе право на читательско-описательский комментарий, а выводы пусть делает «читатель-2». Будем играть открытыми картами.

«Концепт, – полагают Ж. Делез и Ф. Гваттари, – лишен пространственно-временных координат и имеет лишь интенсивные ординаты. В нем нет энергии, а есть только интенсивности, он аэнергичен. Концепт – это событие, а не сущность и не вещь... Концепт определяется как *нераздельность конечного числа разнородных составля-*

ющих, пробегаемой некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью»...[1] «Он реален без актуальности, идеален без абстрактности... У него нет референции; он автореферентен, будучи творим, но одновременно сам полагает и себя и свой объект. В его конструировании объединяются относительное и абсолютное».[2] «Концепт – это контур, конфигурация, констелляция некоторого будущего события... Всякий раз выделять событие из живых существ – такова задача философии, когда она создает концепты и целостности»[3]. В контексте метафизической картины мира приводимые характеристики концептов ни на что не похожи или похожи на заумь (нет пространственно-временных координат, реален, но не действителен, не сущность и не вещь и т. п.). Если «модернистская» философия это не критикует, то либо из страха быть обвиненной в антиплюрализме и консерватизме (смертный грех в инновационную эпоху), либо загипнотизированная настроением толерантного ко всему равнодушия. Что касается безоговорочно «принявших постмодернизм», то в большинстве случае они пересказывают его идеи не понимая, о чем речь («без референции»). Представители индустриалистского научно-технического, в том числе «неклассического» и так называемого постнеклассического знания отмалчиваются, уходя от оценки концепт-философствования как от чего-то постороннего, их не касающегося, считая, что это проблемы, придуманные гуманитариями. Иногда, правда, берут на себя труд продемонстрировать их некомпетентность в науке. Известная книга Алена Сокала и Жана Брикмона «Интеллектуальные уловки». М., 2002 вся построена на примерах несостоятельности апелляций постмодернистских авторов к физике микромира и научной эпистемологии, в показе, что их ссылки на «бесконечные скорости», «парения» и «ординаты» в лучшем случае метафоры, в худшем субъективные фантазии. Действительно, все приверженные истине метафизические философы и ученые-естественники, положив при чтении постмодернистских текстов руку на сердце (нередко в силу суровой необходимости), должны честно сказать, что это некая разновидность абсурдистской литературы. Со всеми ее типичными признаками. Однако если им предложить, перенеся руку с сердца на «мышь» компьютера, посмотреть на экран и хотя бы минимально рефлексируя, пересказывать, что и как там

---

[1] *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? СПб., 1998. С. 32.
[2] Там же. С 33–34.
[3] Там же. С. 46.

делается, они должны будут, возвратив руку на сердце, признаться в своей ошибке. Концепт-философия характеризует происходящие на (в) экране процессы вполне адекватно. Она не только не заумна и не абсурдна, она эмпирична, описательна и даже банальна. Делез не зря определял ее как «трансцендентальный эмпиризм». Трансцендентальный, но не трансцендентный. Трансцендентальный как иной по отношению к нашему миру. *У нее есть референт.* Им является информационная реальность, открывающаяся человеку при его присоединении к персональному компьютеру. Для такого мира концептуальный эмпиризм имманентен. Это имманентный «трансцендентальный эмпиризм». Когда жалуются на непоследовательность в характеристиках эмпиризма у Делеза – то как трансцендентального, то как имманентного, то на самом деле ее нет. По отношению к физической реальности он трансцендентальный, по отношению к компьютерной – имманентный.

После квалификации постмодернизма в качестве философии computer science он становится «открытой книгой», которая свободно читается на любой странице. Концепт *«бесконечен в своем парящем полете, то есть в своей скорости, но конечен в том движении, которым описывает очертания своих составляющих»*[1]. Да, «электроны» в процессоре и чипах носятся, в сравнении с нашим миром, с «бесконечной скоростью». Но образуемые ими на экране конфигурации конечны и иногда с раздражением приходится ждать их «слишком медленного» появления. «Концепты – это центры вибрации каждый в себе самом и по отношении друг к другу. Поэтому все в них перекликается, вместо того, чтобы следовать или соответствовать друг другу»[2]. Да, это коннекционизм, сетевая логика «детерриториализованных» информационных событий, отличающаяся от логики систем и структур материально-энергийного мира. «Концепты – это конкретные конструкции, подобные узлам машины, а план – это абстрактная машина, деталями которой являются эти конструкции»[3]. Если вместо «плана» сказать «программа», soft ware, то больше вряд ли что надо объяснять. «Если такой план-решето решиться назвать Логосом, то это далеко не то же, что просто «разум» (в том смысле, в каком говорят, что мир устроен разумно). Разум – всего лишь концепт, и при том слишком скудный, чтобы им определялись план и

[1] Там же. С. 33.
[2] Там же. С. 35.
[3] Там же. С. 49.

пробегающие его бесконечные движения. В общем, первыми философами были те, кто учредил план имманенции в виде сети, протянутой через хаос»[1]. Ясно, что в сравнении с Матрицей и Искусственным интеллектом наш разум и Логос весьма «скудны» для существования в информационном мире. Как скудна вся когда-либо бывшая человеческая мысль до появления «Сети, протянутой через хаос». Что касается философии, то до сих пор ее не было. Она начинается после деконструкции метафизического и трансцендентного, тем более метафорического, т. е. собственно (и исключительно) человеческого мышления, т. е. с тех, кто это совершил. Здесь и сейчас.

Дальнейшую дешифровку философии концептуального (трансцендентального) эмпиризма может, при желании, продолжить любой читатель. Открывается много интересного, она доставляет истинное удовольствие, не меньшее, нежели от долго не поддававшегося, но внезапно начавшегося разгадываться кроссворда. Применительно к человеку, к философской антропологии, концепт «разгадывается», конкретизируется как персона или «персонаж». Персона(ж) – эмпирический концепт личности, обозначающий то, что от нее осталось после вычета телесности и выпадения из реальных социальных связей. Личность имеет тело, а персонаж – «тело мысли». Личность живет в обществе, а персонаж на сцене, в кино или в персональном компьютере, в интернете. При электронной переписке, в виртуальных конференциях участвуют персонажи, часто анонимные, сталкиваются «интенсивности» отчужденных от человека мыслей. Персонажи – это некая активность, наделенная сознанием, или «артикулированное сознание». Они относятся к людям условно, «соотносятся» с ними, при том, если люди захотят их «приписать» себе как существам предметного мира. К поиску прототипов тех или иных персонажей, в случае их преступного поведения, приходится прилагать специальные усилия специальных служб. Их пытаются «натурализовать», очеловечить, но не всегда успешно. В отличие от архаического кино персонажи виртуальной реальности не зафиксированы неизменным образом. Вбирая в себя мысли человека, взаимодействуя с другими чистыми мыслями, они изменяются, развиваются. Делаются попытки полного сканирования содержания сознания с последующим его «культивированием» ради генерирования новых смыслов. Возникает «информационная синергия». Постчеловеческие (постприродные) и постличностные (постсоциальные) концепты начинают жить соб-

[1] Там же. С. 58–59.

ственной жизнью, составляя, если опять вспомнить Ж. Делеза, не «народ-тело», а «народ-мозг», хотя и мозг здесь нельзя понимать буквально. Тем более жизнь. Это точки сборки информации, ее сингулярности, оформленные как «тела без пространства». Все остальное выносится за скобки.

...Если бы так! За скобки – еще полбеды. Драма человека в том, что постмодернизм не хочет ограничивать генезис концептов и персонажей информационной реальностью и стремится придать им статус всеобщности. Концепты вместо вещей и персонажи вместо людей везде – вот претензия! Историю пишут, т. е. переписывают, победители увы, не только в политике. Постчеловек не намерен сидеть в компьютерной клетке и висеть в сетях интернета. Он пересматривает природу и историю как таковые. Он хочет расчеловечить всех, кто продолжает быть человеком: с «органами», чувствами, в культуре, способным к труду, любви, субъектному сознанию, продолжает быть личностью и верить в идеалы, если не «обожения», то хотя бы гуманизма. И развертывает соответствующую идеологию, предлагая ее на «третье тысячелетие». Не ту, не энергийную, о которой пишет С. С. Хоружий. Желая «концептуализировать» человека в целом и понимая, на что замахиваются, Ж. Делез и Ф. Гваттари делают это, как мы убедились, завуалированно, на «эзоповском» языке. Это лидеры, первопроходцы. Эпигонам проще. Они выражают то, что еще недавно казалось немыслимым и непроизносимым. Такой откровенностью и претензией на фундаментальность среди такого рода подходов выделяется концепция «постчеловеческой персонологии» Г. Л. Тульчинского, «вмещающая в себя, – уведомляет аннотация к книге, ни много ни мало, – как философскую антропологию и культурологию, так и традиционную метафизику»[1]. Учение о постчеловеке – наше все. Знай наших!

Воспроизводя основные идеи постмодернизма типа: «границы идентичности личности не совпадают с кожно-волосяным покровом» и в то же время считая главным делом – тело, он уверяет, что «так называемое «расчеловечивание» современной культуры и цивилизации, так пугающее иных записных гуманистов, в высшей степени

[1] См.· *Тульчинский Г. Л.* Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб,. 2002.

плодотворно»[1]. Открывающиеся перед человеком новые перспективы «открывают несущественность антропоморфности, человеческого. Можно сказать, что современная культура расчеловечивает – и слава Богу! Причем в буквальном смысле. Это расчеловечивание открывает важность постчеловечности, позволяет за тремя соснами увидеть лес и путь в нем.

Похоже, настала пора четкого различения понятий гуманизма и гуманитарности, включая в последнюю и постчеловеческую персонологию. Гуманизму, похоже, место рядом с экономизмом и национализмом – формами ограниченной гуманитарности. Гуманитарность же предстает персонологией свободного духа. Перспектива – постчеловеческая персонология»[2]

Думается, что в свете столь захватывающих дух перспектив, от возгласов и восклицаний не может удержаться ни один живой человек. У традиционалистов, и религиозных, и светских, с их представлением о человеке как подобии Бога и венце природы, они будут негодующими, испуганными и даже паническими. Особенно от этого: «И слава Богу!». Слабые души! Им всегда подавай какие-то подпорки и утешения. Вместо перспектив – надежды. Они, видите ли, хотят жить. Да поймите, вы, что «поэтика расчеловечивания (! – не удержался. – *В. К.*) помимо прочего открывает перспективу новой реаггрегации, возможность заново собрать человека и мир»[3]. «Вечно вчерашние», недоверчивые к прогрессу консерваторы все равно захотят разъяснений разного рода пустяков вроде того, какова будет судьба человека и его «обычного» феноменологического мира до аггрегации и по какому плану, какие «лего»-конструкторы его будут собирать заново. Зачем повторно собирать то, что было? Значит, собирать будут нечто другое. Какое? Переведя дух, мы бы тоже решились вступить с этим ужасно прогрессивным автором в полемику.

...Если бы дело было в одном данном постчеловеческом персонаже.

---

[1] Там же. С. 638. Книга сборная, богатая мыслями, подводящая итоги теоретического пути автора. Кроме (пост)человека обсуждается множество других проблем – от мира как семантического вакуума и глубокой семиотики до постимперской идентичности России, в том числе проблем, оставшихся от эпохи, когда он сам был «записным гуманистом». Противоречивую разно(временно)родность идей, втиснутых в одну «персонологическую концепцию» можно оправдать лишь проводя по графе «постмодернизм» в его наиболее расхожем понимании.

[2] Там же. С. 638.

[3] Там же. С. 292.

5. Философская антропология: против информационизма и де(ре)конструктивистской парадигмы

В тропической зоне Юго-Восточной Азии обитает крупное земноводное, которое настолько нечувствительно, что когда у него, вылезшего на берег, хищники отгрызают отдельные части туловища, оно неподвижно сидит и никак не реагирует. «Греется на солнышке». Его едят с хвоста, потом с боков, а оно, выпучив глаза, продолжает сохранять олимпийское спокойствие (показывали по телевидению на канале Rambler). Не этой ли амфибии уподобляется философская антропология, да и все человечество?

С той разницей, что в тропиках жертву едят представители другого вида, а человек носителей смерти выделяет из себя сам. Эта великая нигилистическая (нигитологическая) революция, «революция всех революций», начавшаяся по историческим меркам недавно, происходит на глазах живущего поколения. Мишель Фуко пророчески сказал, что XX век будет известен как век Ж. Делеза. Возможно к нему надо добавить самого М. Фуко и Ж. Деррида как провозвестников и ведущих идеологов постчеловеческой информационной реальности. Эта гениальная «смертетворящая троица» открыла дорогу в своеобразный компьютерный рай, конечно не технически, а идейно, давая ему философское обоснование. Они стоят у истоков конструирования некой глобальной, не только антитеистической, но и антиантропологической, антигуманистической дистопии, стремясь как можно быстрее превратить ее в реальность. Человечество борется против расизма и национализма, дискриминации отдельных народов, за всевозможные права, в то время как параллельно отрицается право на само его существование. Выступать против человека как такового, его природной и духовной идентичности сейчас нисколько не опасно. Опаснее, – утверждая, что это гибельно, трагично, защищать его. Если кто-то из читателей сочтет подобные аналогии недопустимыми и сомнительными, он должен знать, что отстал от жизни. От богоборческих, противобытийных, антивиталистских и антиантропологических идей основоположники информационизма ни на де(ре)конструктивистском, ни на грамматологическом, ни на трансмодернистском этапе никогда не отрекались, напротив, где косвенно, а где прямо их пропагандировали, к ним призывали.

Людей злит, что правда проста, говорил Гете. К этому мож-

но добавить, что теперь, ради постчеловеческой толерантности, ее просто не хотят знать. Ибо удивительно, как без оценок и споров, словно на обычную тему для «индифферентного философствования университетских профессоров» (К. Ясперс) мировая духовная элита реагирует на самые вызывающие вызовы человеку. Будто не верят в значимость собственного существования, не отдают отчета в практических последствиях того, что предлагается идейно. Как можно равнодушно, с теплохладным безразличием воспринимать, например, подлинный «манифест предательства», с которым выступил Ж. Делез. «Быть предателем собственного биологического вида, быть предателем собственного пола, класса, собственного большинства – не таково ли условие письма? И быть также предателем письма. Есть много людей, мечтающих быть предателями. Они изо всех сил верят, что смогли бы. И однако – все они лишь мелкие обманщики. Потому что быть предателем – трудно: надо творить. Терять при этом свою идентичность, свое лицо, исчезать, превращаться в инкогнито»[1]. Совершенно верно, что «письмо», т. е. программология, отменяет необходимость существования человека (автора, творца, тела, субъекта, личности), но почему надо обязательно стремится и как можно быстрее отдавать себя и мир «под письмо»? Жертвуя при этом всем, начиная с «фантазмов», т. е. мышления и воображения: «экспериментируйте – и никогда не интепретируйте. Программируйте – и никаких фантазмов, – кончая их причиной: «Мир фантазмов – мир прошлого, театр злопамятства и вины. Сегодня многих можно увидеть идущими и кричащими: да здравствует кастрация, ибо в ней Исток и Конец желаний»[2] Совершенно верно, что духовность и человеческое сознание обусловлены телесностью, ее органами, особенно если не главным-головным, то «первым», но пусть они кастрируют сами себя, не распространяя эту идеологию на все человечество, да еще ab ovo. А если распространяют, то желающие быть живыми должны им давать соответствующий отпор. Пусть разрушают свою «машину желаний» и заменяют ее «желанием письма», не превращая в виртуальных наркоманов других людей. Или: «Достоинства

---

[1] *Делез Ж.* О превосходстве англо-американской литературы//Логос. 1999. № 2. С.100.

[2] Там же. С. 100. В этом отношении еще более превосходно американское кино, в котором критериями качества фильмов является количество затраченных на них денег и произведенных спецэффектов.

устной речи оказались недостаточны для того, чтобы отказаться от искушения – использовать изобретение письма для осуществления лелеемой многими мечты – освободиться от природы, от материальности, от существования, переживаемого как принуждение»[1]. Итак, сначала боролись с «тяжестью бытия», потом жаловались на его «невыносимую легкость», теперь часть человечества «лелеет» мечту об абсолютной свободе (идеал либерализма) – освободиться от бытия. Хотят ничего не хотеть – перестать существовать. При помощи письма – заменить мир программой. Пусть так! Это их право. В том числе морочить себе голову некой «позитивной смертью»: «Смерть позитивная – уже не смерть, это просто практика исчезновения в том, что есть твое существование в широком смысле и в силу этого – бессмертие, которое обретает характер повседневного чувства» – к такому выводу приходит видный российский «аналитический антрополог» В. Подорога, подводя итоги беседы с Ж. Л. Нанси [2]. Учитель соглашается, что его вполне правильно поняли, с единственным заботливым пожеланием: «следует продолжить мышление тела, переведя его в мышление техники»[3].

Пожалуй, хватит. Если смерть признается позитивной, неким «добром», то злом становится жизнь. С ней и воюют, скрывая это в том числе от самих себя, высокоинтеллектуальными разговорами о каком-то «более широком существовании». Так происходит перверсия базовых ценностей нашего мира, теоретическое обоснование самоотрицания человечества и его замены искусственным техногенным разумом. А потом и не разумом как рефлексией «над бытием», а превращением нашего сущего в иную субстанцию, новый Абсолют как другую реальность. Постантропология, называющая себя гумано-

---

[1] *Ажеж Клод.* Человек говорящий. М., 2003. С. 183.

[2] *Подорога В.* Эпоха Corpus-a? Вопросы и наброски к беседе с Ж. Л. Нанси//Нанси Ж. Л. Corpus. М.. 199. С. 216.

[3] *Нанси Ж. Л.* Заметки по поводу заметок и вопросов В. Подороги. // Там же. С. 226. В последних работах Ж. Л. Нанси почти буквально перешел на язык математики. Трансгрессия гуманистики «от логоса к матезису» – это механизм ее окончательной трансформации в «технистику».

логией, трансформируется в онтологию.[1] Для начала в «симметричную онтологию», в которой отношение человек-мир заменяется отношением humans – nonhumans, где вещи приравниваются к человеку, а человек к вещам, а потом отношением «агент-сеть» (actor-network). В итоге остается единственная подлинная реальность: «Не существует ничего, кроме сетей и ничего между ними, ... никакого «эфира», в который они были бы погружены»[2]. В конце XX–начале XXI века критическая масса изменений в духовной сфере человечества завершилась ядерным взрывом. Под воздействием его жесткого радиационного излучения культура теряет все качества, кроме улавливаемых дискурсом, в конце концов, математикой. Это прелюдия того самого холокоста, который то ли описывает, то ли пропагандирует (конечно же, «в языке») Ж. Деррида. Предстоит Всесожжение вот-бытия, Dasein, человечески феноменологического мира, его превращение в золу количества. Пост-трансмодернизм – идеология инфо-компьютеррократии.

Роковой, приводящий в отчаяние всех, кто смотрит дальше своего носа и хочет быть человеком, вопрос в том, что они встают «поперек прогресса». Прогресс переступает через человека и он не должен ему сопротивляться; бесполезно; плыть всегда надо по течению; если не стать частью катящегося технического вала, он превратит вас в часть дороги, по которой катится. Этот тяжелый механи(сти)ческий детерминизм, как ни странно, исповедуют те, кто пишет о плюрализме, потенциализме, бифуркации, мультикультурализме, о возможности перескакивания микрочастиц с одной орбиты на другую и т. д. Передовой край науки сугубо антидетерминистский, вероятностный, «сетевой», но когда его поворачивают к человеку, мир вдруг предста-

---

[1] Абстрактно-научная линия информационизма выходит за пределы нашей темы. Но видно как она захватывает космофизику, меняющую модель «Большого взрыва» на модель «Большого компьютера» и Матрицы. «Все из бита» – вот последнее откровение информационной науки о Вселенной. Хорошим примером ее механического переноса в философию можно считать статью: *Панов А. Д.* Тупик разума. Разум как промежуточное звено эволюции материи и программа SETI//Философские науки. 2003. № 9. Универсум здесь представляется в виде бесконечного множества галактических информационных полей. Фактически это означает «информационную смерть» материально-энергийного мира. Надо надеяться, что ее постигнет участь аналогичного призрака XIX века – «тепловой смерти» Вселенной.

[2] *Latour B.* The trouble with actor-network theory//Soziale Welt. – Göttingen, 1996. – Jg. 47. H. 4. – S. 374

ет линейным, «одновозможностным», сугубо центричным, а мировоззрение становится фаталистическим. Здесь какая-то неувязка. Как и если смотреть назад, в историю, которая развивалась нелинейно, «пучками», ветвилась, одни ветви засыхали, ломались, рядом открывались новые почки и пускались побеги. На земле до сих пор продолжают «присутствовать» многочисленные виды организмов, казалось бы, превзойденные эволюцией. Поэтому говорить о неизбежном научно-техническом поглощении существующей жизни, в том числе в ее высшей разумной форме, нет достаточных оснований. Маловероятно. Эта тенденция будет взорвана, и что-нибудь да останется. По крайней мере, вопрос о судьбе человека стоит считать открытым, а значит, предметом борьбы и в какой-то мере его собственного субъективного выбора.

В то же время, как видно по настроению некоторых теоретиков, часть человечества практически готова и соглашается стать материалом для пост(не)человеческого разума или вообще раствориться в иной субстанции. Соглашается утратить идентичность Homo sapiens, перестав считать свое существование самоценным и уникальным. Хочет из цели превратиться в средство. На древе человеческого рода, от его корневища пустился побег, «пасынок», формируется отряд, готовый к тому, чтобы не реальность преобразовывать, приспосабливая ее к себе, как это делалось, пока она была естественной, а преобразовываться самим, приспосабливаясь к реальности, когда она стала искусственной. Основание: новая реальность больше не хочет принимать нас такими, какие есть. Отторгает. Человека «не хватает»: емкости мозга, пластичности тела, или он лишний: органы, чувства, живые мысли. Что-то надо убрать, что-то добавить. Короче говоря, его надо улучшать – генетически, технически, информационно. «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть он прогнется под нас», – призывали лирически настроенные физики из «Машины времени» (лириков как таковых в машинное время практически нет). Увы, торжествует «эргономика наоборот»: конструируют не кресло под человека, а человека под кресло. А поскольку искусственная среда (кресло) изменяется быстрее биоты, то все «улучшения» тут же будут стареть. Потребуются новые и новые модификации. Все растворяется в потоке становления. В этом смысл лозунга «от бытия к становлению», когда его применяют к человеку. Садисты по отношению к природе превращаются в мазохистов по отношению к технике. Как заметил Вальтер Беньямин еще в XX веке, «его (человечества – *В.*

К.) самоотчуждение достигло той степени, которая позволяет переживать свое собственное уничтожение как эстетическое наслаждение высшего ранга»[1]. В преобладании такого рода эстетизма в «постсовременном искусстве» вряд ли надо кого убеждать. Удовольствие от самоотрицания испытывают все «захваченные» постмодернизмом. Это те «поэты расчеловечивания», в ком воля к смерти начала преобладать над инстинктом жизни. Оторванные от почвы функционеры, агенты, факторы, виртуалисты, онанисты, киберпанки, а в принципе вся уставшая западная цивилизация, которую смывает более молодая культурная волна третьего мира. Не случайно, как мы уже говорили, проблема обуздания страстей и сублимации libido, так занимавшая ее в начале XX века, к его концу отошла на второй план, заменившись сетованиями на «нулевую сексуальность», потерю чувства жизни, депрессии, другими словами, движением по пути mortido. Впрочем, постепенно к этому начнут относиться как к должному. Впрочем, все это понятно из обсуждения информационной реконструкции тела и духа, освещая которую, мы, чтобы не казаться голословными, старались больше цитировать.

Желание части человечества решать все проблемы, опираясь на принцип Deus ex computatore, а постепенно и самим уйти в машину («Да ты файл?!»), считая это бессмертием, запретить нельзя. Достаточно много виртуальных аутистов и приближающихся к ним «персонажей» чувствуют себя лишними на Земле. Не любят и боятся ее. Тяготятся своим телом и духом. Их «нечистотой», нестерильностью. Люди без воли и деятельного желания, желающие быть без органов и без пространства. Их жалко, но они сами жалеют тех, кто остается в природе и вовлечен в предметный мир. Жалеют как отсталых традиционалистов и ограниченных консерваторов. Поэтому, если хотят, пусть уходят... уходят... уходят...

К сожалению, взаимной жалостью сложность происходящего процесса выделения из человеческого сообщества отряда технообразных, не исчерпывается. Его представители, особенно идеологи, не хотят просто, «отцепившись» от поезда, двигаться своим маршрутом. Они стремятся перевести на него стрелки для всего состава: сделать техноинформационизм парадигмой мышления и деятельности человечества в целом, считать виртуальный мир первичным, значимее пред-

---

[1] *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996. С. 65.

метного, манипулировать людьми, де(ре)конструируя их из индивидов в «дивиды» и «мультивиды», с предварительной «дессеминацией», чтобы превратить в средство реализации умножающихся возможностей техники. Кто будет противиться такому развитию событий ?подлежат заключению в резервации. В русскоязычной литературе наиболее осознанно и целенаправленно проект информационного захвата символического универсума, не дожидаясь победы техноидов в предметном мире, разрабатывает, пожалуй, М. Эпштейн[1]. Опираясь на быстро набирающее силу научно-философское течение трансгуманизма, в котором постмодернизм находит свое целевое завершение (приставка trans означает переступание через существующее к иному) и на ведущиеся в его русле так называемые posthuman study, он предлагает расширить учение о человеке до учения о живых и искусственных формах разума. Перейти от антропологии к «гуманологии». В гуманологии обобщаются, оформляясь в качестве дисциплины, разного рода и уровня постчеловеческие концепции (не)бытия – «позитивной смерти». Нет человека – нет и антропологии. Гуманология – это учение о том, во что должен превратиться человек в ходе дальнейшего развития техники и каково место, если такое останется, будет занимать в нем нынешний Адам, Антропос, Гомо = Человек. Крайности сходятся, и к гуманологии все больше дрейфует все еще слывущий вождем российского традиционализма А. Дугин. Вместо скучных и прозаических, требующих выхода в практику забот о преодолении кризиса современного человека, он объявляет его существом конченым и прячется от всех проблем за фейерверком псевдорелигиозных сайентологических фраз о Homo novus, «сотканном из паутины сверхчеловеческих интуиций», «собирателе затонувшего света», «лазерном сгущении сакральной воли» и т. д. и т. п.[2] Мы могли бы предположить, что учитывая, нарастающее влияние информационной реальности на человека, постмодернизм в целом и данные конкретные авторы разрабатывают некую новую дисциплину – информационную антропологию. Она пополнит имеющийся ряд антропологий – социальную, культурную, религиозную, педагогическую и т. д. и, будучи критической по своему смыслу, может противостоять идеям «несущественности антропоморфности» изнутри,

[1] См.: *Эпштейн М.* Debut de siecle. От пост к прото. Манифест Нового мира//Знамя. 2001. № 5; Гуманология. Очерки новой дисциплины//Науки о человеке. Философский век. Альманах. Вып. 21. СПб., 2002.

[2] См.: *Дугин А.* Homo novissimus//Человек. 2004. № 1.

на почве самого информационизма. Для этого, по крайней мере для обсуждения такого поворота проблемы, есть все основания. Но, как видим, вопрос о человеке ставится круче – ему вообще отказывают в праве на существование.

Для иллюстрации последствий этих, с точки зрения гуманизма чудовищных или пустых идей, лучше сослаться не на тексты М. Эпштейна или А. Дугина (их смысл однозначен, это призыв к осуществлению «Нового прекрасного мира»), а на то, как они воспринимаются, пересказываются, пересаживаются на почву антропологии, квалифицируясь в качестве ее «достижений». Человека унижают, фактически уничтожают, антропологию ликвидируют, но ничто не может омрачить сознание ее доверчивых представителей – им все по барабану, особенно когда они берутся за «аналитический обзор» ее развития и констатируют: «Мы должны говорить уже не о человеке, а о неких гуманоидах, разных формах и видах гуманоидной жизни, среди которых собственно привычный человек – лишь один из видов, причем уже уходящий. Человек – вид исчезающий. По его поводу, считает М. Эпштейн, впору думать о создании заповедников для человека «традиционного», его следует заносить в «Красную книгу»... Он действительно становится предметом археологии и этнографии, символом уходящих форм жизни... Если антропология изучала человека как часть биосферы, как высшую и последнюю форму ее эволюции, то гуманология изучает человека как часть техносферы, в которой привычные человеческие формы исчезают»[1]. Да, подобную ученость ничто не испугает. Ее скромное обаяние в том, что она готова петь и плясать на собственных похоронах. Ни малейшей обеспокоенности, – правда, некоторые думают, что пляшут на чужих. Если же, хотя бы для вида, эти процессы прикрываются заботой о «благе людей» или на самом деле способствуют удовлетворению их сиюминутных, чаще всего навязанных индивидуальных потребностей, и не важно, что за счет разрушения перспектив рода, – здесь уже эта ученость не испытывает абсолютно никаких сомнений. Культивируется сиюминутное «абстрактно-эмпирическое» мышление, а когда и оно кажется слишком дальновидным, то софистика в духе «человек будет присутствовать своим отсутствием» или прямой циничный обман. Ложь и обман – часть жизни, но они обычно предназначаются

[1] *Смирнов С. А.* Современная антропология. Аналитический обзор// Человек. 2003. № 5. С. 92–93.

для чужих, если же для себя и своих, то во благо. Ложь во вред себе – верный признак, что ее носители вступили на путь саморазрушения, что антропология превращается в антиантропологию. Коварная диалектика! *Идеи информационной де-ре-конструкции человека – это антропофагия.* Антропология или гуманология, онтология или грамматология, бытие или ничто – выбирать надо что-то одно. Или, по крайней мере, «каждому – свое». Информационная антропология возможна при условии борьбы с де-ре-конструктивно-информационной парадигмой, борьбы за то, чтобы информационнные технологии не выходили за рамки статуса средств деятельности. Да к тому же при избирательном применении.

Спиноза полагал, что любое сущее всегда хочет быть самим собой. Камень хочет оставаться камнем, тигр хочет оставаться тигром. Ну а человек – человеком. Происходит изменение, рост, развитие, но в пределах своей формы. Это проблема идентичности и сохранения устойчивости систем, которая как будто беспокоит человечество. Особенно «большой системы» – его самого. Важно только видеть, что ей противоречит и поступать хотя бы с минимальной последовательностью. Не допускать, не внедрять, не применять ничего, выводящего систему жизни из режима динамического равновесия. Это необходимый консерватизм существования всякого сущего. В эпоху прогрессизма и новационизма консерватизм «ославлен» как нечто мешающее человеку, его благу. Между тем в нем выражается не больше, нежели приверженность идее ценности собственного бытия. А блага без бытия не бывает. Ничто не является незаменимым и уникальным с точки зрения Абсолюта и бесконечного множества. И все когда-то кончится. Однако все уникально и всё незаменимо с точки зрения чего-либо как такового. И в этом качестве любое нечто имеет основания бороться за свое существование. Представляя конкретную форму бытия, человек должен направлять усилия на ее сохранение. Изменения идут стихийно, а для поддержания тождественности нужны сознательные действия. Это относится, что уже отмечалось в предыдущей главе, как к индивиду на протяжении личной жизни, так и к роду в его эволюции. Надо порицать не консерватизм – за его желание жить, а капитулянтскую апологию смерти, особенно когда она подается в красивых теоретических упаковках. Право знать, что происходит с человечеством в принципиальном плане и как преодолеть «кошмар прогресса», должна обеспечивать философия. В этом ее специфическая рефлексивная роль, или теоретическая вина, если

она ее не выполняет. Известные идеи устойчивого (ограниченного) развития, экологии культуры, гуманистического рационализма или, если она окажется оправданной, той же информационной антропологии, далеко не исчерпаны, они нуждаются в дальнейшей разработке, а главное — в осуществлении. Что касается определений, согласно которым философия предназначена «творить концепты», «умножать возможные миры», или же «никто ей не нужен», «она ничего не должна» — это типичные примеры корпоративного праздномыслия, компьютерные игры, выдувание и пускание мыльных пузырей (необходимые категории и концепции в ней всегда вырабатывались) — занятия, кроме авторов, никому не интересные. И не надо удивляться, если их «закроют» или о них забудут. В свете деконструктивистской агрессии против философии сейчас уместно провозгласить: «Назад, к феноменологическому реализму!» *Вперед, к контрпостмодернистской, консервативно-критической теории общества.* Философия несет ответственность перед людьми за целевые ориентиры, которые она предлагает, за оценки, которые она дает состоянию мира и, если оно трагично, философия должна помогать им *сохранить достоинство* при любом обороте дела. Когда же она служит мировоззренческим наркотиком, помогая им умереть в недостойном сознательного существа сне, то ее надо так и называть: наркотическая философия. Или — танатософия. В лучшем случае — идеология, технонаучный миф. Подобную роль, на наш взгляд, играет для человечества пост(транс)модернистская, антиантропологическая и антигуманная «постчеловеческая гуманология» и коммуникативная онтология «actor-network». Живой человек не может все время спать или быть равнодушным свидетелем своей жизни, он ее участник. Философия, насколько она живая — тоже. Она для тех, чья душа не спит. В конце концов человека можно уничтожить, но его нельзя победить — так всегда считали лучшие представители Homo vitae sapiens. Руководствуясь этой высокой духовной максимой, он может победить всех, кто хотел бы его уничтожить.

Если, конечно, не станет жертвой обмана и самообмана, будет правильно, всерьез, в адекватной, а не извращенной форме понимать, что его ждет в случае формирования среды обитания, не отвечающей его естественно-исторической природе. Если найдет modus vivendi с миром или мирами, устроенными на субстанциально иных основаниях.

ГЛАВА IV
ТРАНСГРЕССИЯ К ИНОМУ

1. Постмодернизм умер. Да здравствует..?

В наше пропитанное новационным духом время смысл существования вещей видится в том, чтобы они скорее исчезли – перестали существовать. И заменились чем-то другим, более совершенным. Каждый бежит к цели для того, чтобы как можно быстрее убежать от нее дальше. Культ Нового – главный движитель колесницы прогресса, которую человек вначале толкал, потом погонял, а теперь, привязанный к ней, не поспевает, спотыкается и падает. Из субъекта научно-технической деятельности он стал ее фактором. Выражая тенденцию превращения вещей в события, философия склоняется к тому, чтобы своей исходной всеохватывающей категорией считать не бытие, а становление, даже «ничто». Повинуясь аналогичным импульсам, наука отказывается от модели постоянно изменяющейся, но вечной Вселенной и творит ее из ничего (пустоты, вакуума). Мир существует потому, что ежемгновенно возникает заново, как иной. И гибнет, растворяется, притом весь и сразу, подобно непрерывно производимой и тут же выбрасываемой одноразовой посуде. Нельзя дважды пообедать в одной и той же... Вселенной, сказал бы Гераклит, живи он в эру техники и потребления. Кратил бы сказал, что в ней, практикуя fast food, вообще не обедают, так как временной интервал конкретного бытия – наличного «нечто» – предельно сузился. Пафос относительности и смерти, «кратилизация» – оборотная сторона пафоса захлестывающей нас скорости.

Лихорадке борьбы с памятью и настоящим ради будущего особенно подвержена мыслительная сфера. Если практическая жизнь ей сопротивляется хотя бы тем, что природа, предметы, люди занимают объемы, место и «без следа» от них не избавишься, то идеи и теории лопаются как мыльные пузыри. Поиск истины уступает место погоне за сенсацией, стремление к сиюминутной пользе подавляет заботу об общем благе. Под вопрос поставлена когда-то безусловная ценность творчества. Релятивизм, игра и сослагательное наклонение, применяемые ко всему, ведут к росту неопределенности сущего, его такой же непроницаемости и чуждости, как до освоения субъектом познания. Хаос не столько преодолевается, сколько усугубляется.

Неумолимая скорость не щадит никого. Ирония новационной энтропии обратилась и против своего культурно-идеологического воплощения – постмодернизма, где в самом неловком положении оказались эпигоны (его) прогресса – Россия и третий мир. Особенно в области мировоззренческой рефлексии. Если в архиве литературы немало мозаичных интеллектуалистских антироманов, в городах возникла эклектичная псевдоархитектура, выставочные залы регулярно заполняются саморазрушающимися в стиле no art композициями, вооруженные вместо кистей и красок компьютерной мышью художники рисуют графические видеокартины, то в философии такого рода дискурсов не создано. Не успели. Едва появились переводы основных произведений «классиков» постмодернизма, только начал институциализироваться его категориальный аппарат и глухо заворчала, заворочалась вузовско-академическая общественность, в целом осуждая, но частично заимствуя непривычные смыслы, как с Запада поползли слухи, что постмодернизм выходит или вышел из моды, зашел в тупик и вообще – умер; что его больше нет: ⊥; что Ж. Деррид/у/, несмотря на то, что он до конца жизни ездил по странам Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, «во Франции больше не читают». Провозгласив конец всего, приставив ко всему «пост» (к природе, истории, культуре, христианству, философии, человеку), он в конце концов покончил с собой. Объявлено о наступлении эпохи after-postmodern-а, возникновении пост-постмодернистской философии и новой метафизики – «для XXI века». Критики постмодернизма злорадствуют, последователи не верят или в смятении. Но как можно не поверить, если это слухи, при том «с Запада»?

А не поступить ли нам по примеру Себастьяна Шамфора (1741–1794), который об известном своим хитроумием и политическими интригами современнике писал: «Одни говорят, что Мазарини умер. Другие утверждают, что он живой. Что до меня, я не верю ни тому, ни другому». И вместо того, чтобы навострять уши для уловления последних модных веяний, попытаться понять, в чем тайна постмодернизма, что в нем на самом деле ушло в историю, а что в измененной форме продолжается, более того – процветает. Вместо споров о правильности перевода или интерпретации тех или иных терминов, – обсуждать его принципиальные мировоззренческие идеи, их бытийно-антропологический смысл. Отсюда построение и стиль нашей книги, которые, оказывается, почему-то совпадают с постмодернистским представлением о характере философствования.

«Философская книга должна быть, с одной стороны, особым видом детективного романа, а с другой — родом научной фантастики».[1] Сюда надо добавить непременную ироническую интонацию и языковую игру смыслами. Это несчастное совпадение можно отнести к неизбежному влиянию предмета исследования на улавливающий его прибор и «превратностям метода».

* * *

В Рыночном Обществе один и тот же товар может иметь несколько названий: у производителя — например, химическое, для продажи — торговое, на выставках — международное и т. д. Также происходит с теориями, в том числе понятием постмодернизма. Родившееся в сфере искусства и архитектуры, оно по генезису культурологическое; в специфически гуманитарном теоретизировании ему соответствует постструктурализм; в контексте философии о нем говорят как о деконструктивизме. Вместе это ипостаси единого процесса отрицания исторически сложившейся культуры человечества: в искусстве — модернизма (хотя нередко данный термин применяется ко всей допостмодернистской истории), в гуманитаристике — гуманизма, в философии — метафизики. Мы, естественно, будем обсуждать проблемы деконструкции и деконструктивизма, к тому же различая их аналогично постмодерну и постмодернизму. Не строго, не всегда, но смысл в этом есть. Постмодерн — эпоха, исторический этап в развитии человечества, включающий в себя все многообразие не только постмодернистских, явлений. Но имя эпохе дает господствующая тенденция. Постмодернизм — идеология данной тенденции, обосновывающая и выражающая ее стремление к абсолютному господству. Деконструкция — теория и механизм особого рода мыслительной деятельности. Деконструктивизм — идеология ее распространения на все человеческое мышление, стремление стать его парадигмой. Подобные корреляции прослеживаются во многих других сферах духовной жизни, но право помнить об этом мы оставляем за читателем.

При всей быстроте оборота теорий, под их поверхностью идут более устойчивые процессы часто в противоположном про(ре)кламируемым направлении. Если бы в XX веке не появилась феноменология, то де-

[1] *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб. Петрополис, 1988. С 124.

конструктивизм можно бы смело считать оппозицией не метафизике, а философии как таковой, которая до позитивизма и феноменологии, т. е. около двух тысяч лет с метафизикой отождествлялась. Мировоззренческое значение деконструктивизма в том, что он выступил с критикой всей классической философии, этой квинтэссенции человеческого духа, объявив пройденный ею/им путь ошибочным. Деконструктивизм, в сущности, позиционировал себя антифилософией, как структурализм и постструктурализм – антигуманизмом, а «художественный» постмодернизм – антиискусством. В широком историческом плане он есть посткультура со всеми вытекающими отсюда последствиями. Недооценивать эту тягу к посткультурному, а в конечном счете постчеловеческому состоянию реальности, масштаб предлагаемого и фактически осуществляемого им разрыва со всем, что было, было бы непростительно. В какое самоубийственное время мы живем: *Великая, всеобъемлющая нигилистическая революция!*

Решая задачу де(ре)конструкции деконструктивизма, нельзя пройти мимо его корней в истории философии, хотя бы он их отрицал. Прежде всего в связи с существованием в классической философии двух линий – реализма и идеализма. В прямой форме это деление потеряло актуальность, и настолько, что конъюнктурные философы считают, что его не было, но борьба между Землей и Небом велась, часто яростная, свидетельством чего являются тексты, судьбы, самопризнания ее участников. Ближе к нашему времени принято говорить о противостоянии «платонизма» и позитивизма, трансцендентализма и эмпиризма. Претензия и в определенном смысле правда деконструктивизма в том, что в нем она прекращается. Деконструктивизм преодолевает бинарность мышления, он обеспечил ту «третью линию», в возникновение которой не верили упорствующие противники. Победа далась нелегко и лишь благодаря тому, что на первом этапе, если не исторически, то логически, деконструктивизм выступил в тесном союзе с одной из сторон – идеализмом (рационализмом, гносеологизмом, трансцендентализмом, теоретизмом). В союзе с Cogito. Они оба отказываются признавать существование природы (материи и вещей), независящей от сознания, абсолютного или индивидуального: будь вещи представлены непосредственно, как в феноменологическом материализме, когда материя «улыбалась человеку», или абстрактно, в виде «объектов», в научном материализме, вообще не представимые, но первичные в качестве «вещей в себе» у Канта, даже подразумеваемые, но изначально в концепции интенцио-

нальности гуссерлевской феноменологии – вся они, как «онтология», ее идейные остатки, с большей или меньшей последовательностью отвергаются. Никакое бытие какого-либо нечто без его организации мыслью (или Мыслью) считается невозможным. Субстанциально, самого по себе существующего, более того, пусть чувственно воспринимаемого, но никем не мыслимого мира не было и нет.

Хотя самость предметной реальности отрицается и идеализмом, и деконструктивизмом, роли союзников неодинаковы. Деконструктивизм, опираясь на богатое наследие идеализма, прямой борьбы с ней не ведет. Природа – это враг, на которого жалко тратить слова. Старые материалисты и философы-реалисты в нем просто не упоминаются. В то же время, поскольку вещные феномены и телесные люди, несмотря на концептуальную дискредитацию, продолжают существовать, окончательное ниспровержение их бытия является сверхзадачей всех предпринимаемых им построений. Здесь за радикальность и глубину подхода надо воздать должное Ж. Делезу, первым предложившему положить в фундамент объяснения взаимодействия человека с окружающим миром не тождество, а различие. Это означает смену «основы основ», выкорчевывание стержневого корня метафизики, открывшее пространство для отрицания любой формы реальности, кроме, как увидим потом, виртуальной и «письма». «Итак, существует два разных прочтения мира: одно призывает нас мыслить различие с точки зрения изначального подобия и тождественности; другое же, напротив, призывает мыслить подобие и даже тождество в качестве продукта глубокой разнородности. Мир копий и представлений задается первым прочтением; именно оно полагает мир как икону. Второе, противоположное, прочтение задает мир симулякров, в нем сам мир полагается как фантазм... Проблема больше уже не в том, чтобы различать Сущность – Явление или Модель – Копию. Такое различение работает исключительно в мире представления. Проблема теперь в низвержении самого этого мира, в «сумерках идолов».[1] Действительно, на принципе тождества держится вся наша образно-феноменологическая картина мира («икона»), обусловленная его восприятием органами чувств как тел и вещей, т.е. предметный макромир. На принципе идентичности держится наше «Я». Когда-то само назначение философии определяли как «охоту за единым». Это было стремление в бесчисленном хаотическом многообразии свойств

---

[1] *Делез Ж.* Логика смысла. М., Екатеринбург, 1998. С. 341.

внешней среды увидеть нечто общее, сгруппировать и организовать их в конкретное целое, что реализуется в процессе живого логического мышления, опирающегося на телесно-эмпирическую активность индивида. Смена тождества на различие в фундаменте мира означает признание первичности в нем не вещей, а отношений, перехода в его построении от субстанциализма к реляционизму. Это выражение доминирования у человека потребностей, оторвавшихся от своей природной конституции, когда он от «сырой», «данной нам в ощущениях» реальности переходит к оперированию готовым знанием. От образного, укорененного в материальной среде переживания к чистому, абстрактному, самодовлеющему мышлению. Различие, отношение, функции есть пропуск, промежуток, пустота между вещами-аргументами, «дырка в бытии». При философском обобщении это выражается категориями ничто и бытия. От тождества как принципа бытия остается «повторение» – перемежающееся различие. Отказ от тождества и первичности субстратов означает отказ от приоритета бытия перед становлением, от задачи сохранения идентичности в потоке непрерывной изменчивости, в пределе в пользу, как формулирует Ж. Делез – фантазма. Это заряд такой мощности, который подрывает любую субстанциальность или, другими словами, любую сущность, объектность, самость. Не только материальную, но и идеальную, трансцендентальную, смысловую. Любой «фундамент». *Любое* (перейдем на язык философии XX века) *означаемое*. В том числе – Абсолют.

С этого пункта, после совместного отрицания бытия как природно-материального означаемого, пути союзников расходятся. Деконструктивизм выступает и против трансцендентально-трансцендентного бытия, которое всегда лежало в основе исторического идеализма. Специфически деконструктивистским объектом критики являются не Демокрит или Ф. Бэкон, а Платон, Декарт и Кант, другие вершины метафизики. Через критику трансцендентного проблема борьбы с бытием поворачивается новой гранью. Поскольку Абсолют воплощает в себе тождество сущего и мыслящего, означаемого и означающего – самым актуальным бытием обладает Творец – на этом этапе метафизика обвиняется не столько в субстанциализме и онтологизме, сколько в качестве носительницы означающего. Критикуется-разбивается «зеркало», гносеология, субъект, будь то в форме абстрактного Разума или антропоморфного Бога. Деконструктивизм враждебен идеализму и религии почти также глубоко, как материализму и фено-

менологизму. Он против самого различения внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, неорганического и живого. Он конструирует концепты, в которых эта оппозиция исчезает.

Преодоление метафизики предполагает демонтаж означа(емого/ющего) на всех уровнях. В плане Абсолюта, однако, критика субъектности сначала ведется скрыто, скорее подразумевается, сосредотачиваясь в основном на человеке. Субъект отрицается не как Творец или Автор, а прежде всего в виде творца, автора, деятеля. Благодаря этому вслед за объективным идеализмом преодолевается и субъективный, что деконструктивисты ставят себе в заслугу как победу над «солипсизмом». Но главное все-таки в другом: через деконструктивизм происходит притупление и слом «принципа деятельности», активизма, который в философском плане после Канта, через Фихте и Маркса перерос в XX веке в модернизм в узком смысле этого слова. С точки зрения деконструктивизма-постмодернизма время субъектности и модернизма прошло. Видимо, нет нужды в доказательстве, что он не предполагает существования экзистенциального субъекта с его внутренним миром и индивидуально-личностными качествами. Труднее принять, но придется постараться, на чем собственно настаивает деконструктивизм, что прошло время субъектного мышления, что человек не только не зеркало, отражающее природу (да её — означаемого — уже нет), но он и не прожектор, высвечивающий объект, не изобретатель, придумывающий машину или писатель, сочиняющий роман. Он — Приёмник, получающий, регистрирующий, манифестирующий где-то образующиеся результаты. Не субъект пишет, а им, через него пишется, творится, исполняется. Никакого означающего нет. Лозунги смерти автора (Р. Барт), субъекта (Ж. Делез), человека (М. Фуко) становятся почти рекламными. Постмодернизм намертво связан с, как изящно выражаются его поклонники, «ситуацией отсутствия антропоморфного носителя». Урезать так урезать, считают вдохновенные первопроходцы прогресса и делают себе харакири. Для начала — теоретическое.

Чтобы вполне оценить как «философия отрицания философии» сводит счеты с исторической метафизикой, необходимо остановиться на ее отношении к Ф. Ницше и М. Хайдеггеру. Она обычно определяет их как своих прародителей. Думается, из ложной скромности, из желания на что-то опереться. В действительности деконструкция берет круче, а главное, в другом направлении. Да, Ф. Ницше опровергал метафизику, однако во имя жизни и сохранения, даже

«бестиализации» естественного человека. Ненавидящий декаданс, он нигилист по отношению не к бытию, а к истощающей его рациональности и культурализму. Его сверхчеловек – это максимально природный человек. Проповедь им «нигилизма сильных» должна была способствовать пробуждению новой воли к жизни. М. Хайдеггер тоже порицал метафизику, однако за «забвение бытия», за то, что она разделила его единый континуум на дух и материю, что привело к подавлению Dasein наукой и техникой, «поставом». Он фундаменталист и призывал возвратиться к истокам, поэзии, культивируя эмоционально-духовные качества человека. Они оба против гносеологизма и это дает право соотносить их с деконструктивизмом. Но последний отказывается от реальности и учения о ней – онтологиии, чего не делали и не могли делать почвенник Хайдеггер и философ жизни Ницше. Находясь с ними на одной линии борьбы с означающим, деконструктивизм преследует противоположную цель. Они критиковали метафизику «справа», с позиций консерватизма (оба прикосновенны фашизму), а он «слева», с позиций прогрессизма и тотального технолиберализма. Они за то, что метафизика открыла дорогу эрозии человеческого бытия в мире, а он за то, что она еще предполагает некую субстратность. В ней всегда остается «бытие-присутствие». В этом ее неискупимый грех, неизвиняемая вина. Вообще, как можно верить заявлениям людей, оперирующих сугубо интеллектуалистскими понятиями дискурса, концепта, симулякра об их внутренней теоретической близости с теми, кто оплакивал архаику, мифы и поэзию. Всемирное наваждение какое-то. Пафос постмодернизма в отсутствии, демонтаже любой «земли». Постмодернизм – феномен нигитологии. Он не наследует, как прокламирует, Ницше и Хайдеггеру, он их коварный враг.

После отлучения консервативных критиков метафизики от чести быть легитимизаторами деконструктивизма и констатации основных вех на его пути к победе над реализмом и идеализмом, объективностью и субъективностью, онтологией и эпистемологией мы, надеюсь, заработали право и предлагаем читателю перевести дух, чтобы подготовиться к рассмотрению позитивной части отрицания метафизики. Что взамен? На какой почве растет собственно деконструктивизм и в чем состоит постметафизическая концепция существования человечества, его культуры, общества? Впереди подъем и крутой поворот...

* * *

Лингвистический, семиотический поворот – вот предтеча деконструкции. На этой основе и после него решается «основной вопрос философии», снимаются противоречия, веками мучившие человеческий дух и являвшиеся источником его восхождения к вершинам мысли. Место предметной реальности и субъекта занимает язык, вначале живой, в виде речи, а потом абстрактный, как текст и письмо. Язык – это субстанция, воплощающая в себе тождество бытия и мышления. Тем самым элиминируется проблема их раздвоения и взаимодействия. Элиминируются дуализм и диалектика, говорить о которой, как и о материи, больше нет смысла. Язык равен миру, он – «наше все». Поскольку мы живем в универсуме языка, задача познания в том, чтобы понять законы его функционирования. Выявить структуру. Структурализм вырос на завоеваниях языковой революции, на победе над фундаментализмом: «от Парменида к Витгенштену». Витгенштейнианство, неопозитивизм, семантический анализ, семиология вместе со структурализмом в его разнообразных вариациях вышли в первой половине XX века на main stream философствования. В фундаментальной онтологии Хайдеггера и феноменологии Гуссерля языку тоже придается огромное значение, но это не основное русло лингвистического поворота. Оно даже противоположное. Это русло – «старица». В их теориях язык является средством постижения мира. «Вещи сознания» Гуссерля не тождественны языковым формам, у Хайдеггера он «дом бытия». Дом не пустой, в нем кто-то живет. Как бы деконструктивизм не ссылался на них, не интерпретировал их, это столпы (последние) философии присутствия. Не через них он вышел на арену, не они виноваты и в будущей смерти постмодернизма.

По мере трансформации структурализма в постструктурализм, язык начинает рассматриваться как текст, в связи с чем иногда говорят о текстуалистском повороте. Думается, эта аналогия поверхностная. Подобно тому как постструктурализм не отрицает структурализма и по сути скоре неоструктурализм, а постмодернизм есть гипермодернизм (если модернизм опять-таки понимать в точном смысле слова), так в текстуализме линия разрыва с философией углубляется. Возникновение текстуализма, его отличие от предшествующего мировоззрения четко прописал Р. Рорти в удачно озаглавленном очерке «Идеализм девятнадцатого и текстуализм двадцатого

веков». «В прошлом столетии были философы, доказывающие, что существуют лишь идеи. В нашем столетии есть авторы, пишущие так, как если бы существовали лишь тексты. В число этих авторов, которых я буду называть текстуалистами, входят, например, представители так называемой «Иельской школы», группирующиеся вокруг Гарольда Блума, Джефри Гартмана, Джона Миллера и Поля де Мана, мыслители французского «постструктурализма» такие как Жак Деррида и Мишель Фуко, историки, подобные Полю Рабинову... Центром тяжести интеллектуального течения к которому относятся эти авторы является не философия, а литературный критицизм».[1] Текстуализм фактически есть деконструктивизм, его «опредмеченная» форма, его другое имя. Особенность текстуализма Ричарда Рорти в том, что наука и философия трактуются в нем как «рассказы». Они не имеют отношения к истине, соответствию, вообще – денотату. Текст функционирует подобно замкнутой самой на себя машине. У него нет читателя, который бы стремился понять, что, о чем в нем написано. Текстуализм ориентирован на анализ и работу со словарем. Критик не думает о намерениях автора, используя текст для собственных целей так, чтобы он был им релевантен. «Сильный текстуалист» относится к нему как физик к материальным объектам, когда хочет сделать из них то, что хочет. В тексте не различается бытие и небытие. Только смысл. Что живой конь, что фантазийный Пегас – неважно. В «Логике смысла» происходит снятие проблемы истины, она заменяется проблемой места в системе отношений. В такой трактовке текстуализм, по мнению Р. Рорти, представляет собой род романтизма, сближающегося по тенденции с американским прагматизмом. Романтизм в данном контексте символ отрыва сознания от реальности, его активности и свободы, при этом никак не связанный с возвышенностью и бескорыстием духа. Подобное иезуитское, поистине прагматичное использование понятия романтизма, из-за чего исторические романтики по-видимому переворачиваются в могилах, а оставшиеся среди живых единичные экземпляры впадают в ступор, должно служить решению центральной для деконструктивизма задачи – избавлению мышления от его «излишне» человеческой субстанции: «этно-фалло-фоно-логоцентризма».

---

[1] *Rorty Richard.* Nineteenth-Century Idealism and Twentieth-Century Textualism//Rorty R. Consequence of Pragmatism. (Essays: 1972–1980). Minneapolis. 1991. P. 139.

Центризм – признание наличия некоего принципа, цели, «точки сборки», вокруг которых организуется деятельность чем и детерминируется характер развития системы. Это фиксация иерархичности мирового устройства, метафорическим выражением которого является образ дерева, имеющего корни, ствол, ветви, листья. Все традиционное историческое мышление центрично. Этно-фалло-фоно-логоцентризм – выражение определенного качественного состояния, типа организации и уровней системно- иерархического представления реальности. Некий шифр ее качеств, который нельзя понимать буквально и надо, уже теперь нам, «деконструировать» (деконструировать деконструктивизм). Зашифрован и смысл борьбы с qualia – качествами. Естественно, что деконструкция каждого их типа предполагает свои особенности. Понятие этноцентризма относится не к какому-то отдельному этносу или культурам, а человечеству в целом, характеризуя его как форму бытия, отличающуюся от других возможных форм. Все мы пока «этно». Оно является своеобразным аналогом «идолов рода» Ф. Бэкона, как бы второе имя человечества, выражающее его многообразие и в то же время универсальность. *Борьба с этноцентризмом – это борьба с антропоцентризмом, отрицание человека в качестве культурно-исторического существа.* Фаллоцентризм при поверхностном толковании рассматривается как обозначение мужской субъектности и патриархального общества, а его критика -- подарок-дань феминизму-гендеризму, находящему некое удовлетворение в распаде природогенной ценностной иерархии: наконец-то все одинаково равны. Фактически это оригинальный символ любого человека как конкретного телеснодуховного феномена, обладающего полом, возрастом, расовой и национальной принадлежностью. Генитально центричное обозначение естественности людей, их включенности в биоту. *Борьба с фаллоцентризмом – это борьба с телоцентризмом, отрицание человека в качестве живо(тно)го существа.* Соотношение между понятиями этно- и фаллоцентризма сравнимо с соотношением понятий человека и индивида. Индивид – тоже человек, но с «определенным артиклем». В любом случае вопрос с этно-фаллоцентризмом можно считать решенным раньше возникновения постмодернизма. Он перестал стоять сразу после семиотического поворота, да и идеализм рассматривает cogito преимущественно как бестелесное. Фоноцентризм сопротивлялся дольше, ибо в речи он проявляется в образности и звукоподражательных словах в силу ее сцепления с характером своего носителя. Связь речи с жиз-

нью людей незримо (беззвучно) присутствует при ее самом широком толковании, прорываясь и в язык, когда его берут не в виде абстрактных отношений и искусственный, а как естественно-социальный. Это предметное взаимодействие человека с миром. Как живой феномен, человек «фонит», шумит, жестикулирует. Есть язык поз и движений, смеха и плача. *Борьба с фоноцентризмом – это борьба с эмпириоцентризмом, отрицание человека в качестве чувственного существа.* И только в тексте, в отличие от говорения, тем более поведения, эмпирия сублимируется, наличие субстрата в нем приближается к «нулевой степени». В этом смысл сдвига в понятиях – от языка к тексту, в остальном мало чем друг от друга отличающихся. Отчуждаясь от человека, от автора и читателя, текст становится самодостаточным множеством (в свете деконструкции центризма сказать по привычке «системой» было бы недальновидно). Однако не полностью. Эмпирии нет, но представительство «внешнего» сохраняется в виде организации, структуры, логики, обусловленной тем, что конкретный текст всегда о *чем-то*. Его содержание определяется отражением окружающего мира или, признавая тождество бытия и мышления, воспроизводит его структуру. Книга Бытия так или иначе посвящена бытию. В этом ее принципиальный, неизбывный логоцентризм. И только если текст универсализируется, если книга Бытия превращается в бытие Книги, мы получаем право заявить о его преодолении. О преодолении бинарных оппозиций, традиционного феноменологического мышления, центризма вообще – любого, а значит о конце «жесткого» системно организованного мира. И... его метафоры – Книги (!?), о судьбе которой – потом.

За ускользающую манеру высказываний, разрешение себе любых противоречий, софистическую подмену терминов недоброжелатели называют Ж. Деррида «лукавым», а особенно злые – фальсификатором. Это не всегда справедливо. У него есть поразительные по ясности положения, в которых значимо каждое слово, но они настолько необычны, революционны, что в них не хотят – боятся, вдумываться. «Логоцентризм идет рука об руку с определеностью бытия сущего как наличности. Поскольку этот логоцентризм присущ и мысли Хайдеггера, постольку она остается в пределах онто-теологической эпохи, внутри философии наличия, т. е. философии как таковой».[1] Таким образом, логоцентризм есть следствие допущения бытия, включающего

[1] *Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2000. С. 127.

природу и бога, составляющего смысл философии наличия, которая есть до сих пор существовавшая философия и которую он опровергает вместе с логоцентризмом. И, конечно, вместе с «этно-фалло-фоно» (заодно можно лишний раз убедиться в неправомерности опоры постмодернизма на Хайдеггера). Логоцентризм – это, в сущности, Слово, мысль, сознание как выражение любого внешнего – природы, Бога и их философской рефлексии в виде эйдосов, монад, вещей в себе, прафеноменов и т. д. и т. п. *Борьба с логоцентризмом – это борьба со словоцентризмом, отрицание человека в качестве мыслящего существа*. Все эти «центризмы» – антропо-тело-эмпирио-слово» исчезают в том случае, если мы скажем, что «There is nothing outside of the text» (Ж. Деррида). Вне текста ничего нет – вот альфа и омега текстуалистского этапа деконструкции. Другими словами, точнее, «другим текстом» и, кажется, лучше не говоря, а «пиша» – когда Мир превращается в Текст. «Где стол был яств, там гроб стоит». В нем лежит «он», «внешнее» – означаемое и «логос», «внутреннее» – означающее. В нем лежит Бытие. Язык (как универсальный текст) – гроб бытия.

Мир-текст не вещь, не система, не субъект и не их отражение. Это пересекающиеся связи и отношения. Отсылающие одно содержание текста к другому. Ничего, кроме себя, не означая, его части, сегменты, элементы являются знаками друг друга. Текст – это со-общение, со-отношение, коммуникация. Он не структурирован как нечто постоянное и не имеет системообразующего фактора. Метафорой его организации является не дерево, не корень, а трава, ризома – без ствола, веток и иерархии частей. Что без вер:икали и не возвышается, а горизонтально стелется. Ни один из элементов текста не обладает каким-либо преимуществом положения и его функционирование определяется их общей циркуляцией. Самые отдаленные, не имеющие ни генетического, ни материального «родства» элементы тем не менее связаны, однако не конкретным физическим пространством, а динамической согласованностью поведения. Текстуалистский мир а-топичен, без-местен. *Он детерриториализован.* С точки зрения этно-фалло-фоно-логоцентризма, это место, которого нет – у-топия, структура-не-наличияя, чаемая деконструктивистскими теоретиками бессубстратность, не исключая ее предельно абстрактной формы – пространства. Чистый мир чистых отношений. Его смыслы сугубо имманентны и образуются из отсылок знака к знаку. Важно, чтобы знаки были взаимно коррелятивны, всегда находились в

состоянии «hang together» (висели вместе) – откликались, отвечали друг другу, коммуницировали. Поскольку содержание элементов обуславливается направленностью и напряжением коммуникации, то познание мира-текста не предполагает выделения в нем объектов, с чем с трудом примиряются носители «допостмодернистской» науки. Во все поверив, приняв на словах текстуалистскую парадигму, они не понимают, как можно познавать неизвестно что. Но это пережиток фаллологоцентризма, особенно стойкий у тех, кто не прошел прагматистскую школу или по настоящему не проникся принципами синергетики. В контексте текстуализма познание превращается в деятельность по изобретению новых комбинаций элементов, выявление схем их взаимовлияния, достижение соглашения по поводу той или иной образовавшейся конфигурации. Познание принимает операционально-технологический характер. По сути, это не познание, а коннекционизм, «творчество концептов», в результате которого формируются «тела мысли». Его объекты возникают «после», как результат функционирования текста. Это онтология самого знания. «Нет ничего ни до знания, ни под ним» (М. Фуко).

Как видим, несмотря на отрицание Бытия, означающего и означаемого, этно-фалло-фоно-логоцентризма, текстуалистский этап деконструкции не является движением к абсолютному ничто. Но к какому-то новому нечто. К какому? Здесь следует опасаться, что найдется «проницательный читатель», по нынешним временам любитель детективов, который захочет ответить на данный вопрос раньше конца сюжета. Скажет: хватит морочить голову метафорами «ризомы», «книги», «текста». Если когда-то они и были нужны, то сейчас очевидно, что все это слепок с С... Стоп. А деконструкция есть идеология функционирования К... Рано. Не надо торопиться. Открытость и прямота суждений – нет ничего более бесполезного в аналитике постмодернизма. Он их отбрасывает как то, что само подлежит деконструкции. Вас обвинят в связях с реальностью и заподозрят в стремлении к истине. Его можно освоить только изнутри, входя и выходя из него. В мыслительной сфере силу и власть дает не разрушительная атака, а понимание. Begreifen ist beherrsh – говорят немцы. Путь к усыпальнице постмодернизма не пройден, хотя печальная процессия вышла на парадную аллею. Проницательному читателю пора отдохнуть. *Кофе-брейк.*

* * *

Вселенная текста просторна и однородна. Кругом знаки, знаки, знаки. Вещи? Это «неудачное наименование знака». Человек, личность? Это «самоинтепретирующийся текст». Хотя знаки кроме себя ничего не означают, они коммуницируют? и внутри текста кипит «жизнь», циркулируют имеющиеся и вырабатываются новые знания. Для рассмотрения этого мира нужна какая-то другая философия, с «неметафизическим» категориальным аппаратом или без такового в его привычном теоретическом смысле. Вообще, какое-то особое «алогоцентричное» мышление, или, может, тогда и не мышление вовсе. Но деконструктивизм еще не готов не мыслить, хотя к этой цели стремится. И не боясь парадокса лжеца, утверждая, что нельзя утверждать, ищет субстанцию антисубстанциализма, конструирует механизм возникновения и модель «неприсутствия» в присутствии. Желая выразить Вселенную текста в терминах сущего, интепретирует последнее так, чтобы оно представало подготовкой к ней. Или было ею изначально.

Субстанциально, а не реляционно, самостно, а не функционально, сущностно, а не коммуникационно понимаемый текст предстает как Письмо. Оно тоже абсолютное, универсальное, т. е. существовало всегда или, по крайней мере, возникло не позднее «слова». Ж. Деррида для демонстрации этого базисного положения предпринимает обширные экскурсы в событийную и текстологическую историю, объясняя причину всеобщей недооценки письма по сравнению с речью «логоцентристской репрессией». Ставя задачу его реабилитации, он усматривает первичность письма в иероглифических культурах Востока, а потом, жонглируя хронологией, пытается провести ту же идею применительно к любым, когда-либо существовавшим обществам. Столкнувшись с непреодолимыми трудностями, принципиальной недостаточностью трактовки письма как фиксации устной речи для доказательства того, что требуется доказать, он переопределяет его, делая универсальным и вечным «по определению». Оно не продукт истории, а сама ее возможность. Как возможность существования объективной, «неэтноцентрической» науки и конструируемого ею нового мира.

«Отказавшись от понимания письма в узком смысле слова – как линейной, фонетической записи, – можно сказать, что всякое общество, способное вырабатывать или, иначе говоря, стушевывать

собственные имена и играть классификационными различиями, уже владеет письмом как таковым. Таким образом, выражению «бесписьменное общество» не соответствует никакая реальность и никакое понятие. Это выражение – этноцентрическая галлюцинация... Презрение к письму (буквенному) как орудию порабощения речи, грезящей о своей полноте и самоналичии, и отказ признать письмом знаки, не являющиеся буквами, – это один и тот же жест. Мы видели его как у Руссо, так и у Соссюра»[1]. Мы видим, что у Деррида письмо не есть запись звуков, слов или что-то производное от мышления. Оно не материализация слова-логоса, не обусловлено им; оно не фонетическое, даже *не буквенное* (?!). И называется теперь археписьмом (первописьмом, пра-, прото-, изначальным, вечным письмом) – статус, аналогичный древнегреческому «архе» как причине всего – культуры, общества, мира. В дальнейшем, в рамках специфически постмодернистской теории письма – грамматологии, – археписьмо, вбирая в себя «естественную» словесно-буквенную форму, отождествляется с письмом вообще. Речь, язык, иероглифы, ручная запись звуковых слов – его разновидности. Разновидности новой субстанции мира, ее первого этапа. А точнее, субстанции Нового мира, дверь в который открывается (с) письмом.

Письмо – первопричина всего. Было: огонь, вода, атомы, кварки, знаки, а теперь – письмо. Письмоцентризм! То, что письмо преодолевает огонь и воду, атомы и кварки – понятно. Они – элементы метафизической картины мира, категории присутствия. Но со знаками придется повозиться, ибо это отказ от языка и текста, философских завоеваний XX века, отказ не только от бытия, но и от его Книги. Новый постлингвистический поворот? Да! Ибо поглощая присутствие, «лингвисты» не ликвидировали его последнее прибежище – логоцентризм. Знак – это все-таки знак чего-то. Присутствие в нем подразумевается, сохраняется как интенциональный феномен. Прогресс посылает запрос на отсутствие, в том числе смысла – на грамматологию как финишную прямую письма. Грамматологический поворот! На этом этапе происходит последний, роковой разрыв со всем «человеческим, слишком человеческим». Если лингвосемиотический поворот был поворотом от природы, от предметной реальности, то грамматологический – и от «зеркала природы», от сознания. Его значение до сих пор не оценено. Одно дело – дискредитация

---

[1] Там же. С. 252.

онтологизма, от которого презентистски ориентированные теоретики отреклись давно, за первым поворотом (к чему, показывая природе и Богу язык, привыкает и широкая общественность), другое – гносеология, вселенная знаков, текст. За нее (его) они боролись и продолжают бороться с феноменологизмом и консерватизмом. Даже с неклассической наукой, если она все еще естественная. Тем не менее, чтобы понять явление по сути, надо брать его в связи со всей целостностью. «Знак и божество родились в одном и том же месте и в то же время. Эпоха знака по сути своей теологична. Быть может, она никогда не закончится. Однако ее историческая замкнутость (cloture) уже очерчена»[1]. Деконструктивизм по своему месту в развитии человеческого духа как раз занят закрытием данной эпохи и разглядыванием, очерчиванием, пропагандой контуров новой, постчеловеческой. За смертью Бога следует смерть знака. Точнее, это завершение смерти Бога в его третьей, разумной ипостаси. Общая смерть Бытия, существовавшего «неслиянно и нераздельно» в виде природы, человека и их духа.

В мире письма знаки сами по себе не несут никакого смысла. Они – «пустые» и больше не составляют семиосферы. Теперь это «не-знаки». С точки зрения метафизики они – ничто, которое невозможно мыслить. Особенно трудно помыслить, что знаки не мысль, что письмо не буквы. Это самоотрицательные действия, но положение обязывает: доведя логоцентризм до ничто, но желая объяснить необходимость подобной процедуры на логическом языке, приходится искать окольные пути. Желая понять море, соляная кукла вошла в него. И растворилась. Она совершила опрометчивый поступок. Для понимания моря достаточно стать рыбой, хотя, правда, утратится представление о суше. Деконструктивизм все чаще и надольше заходит в море, плавает в нем и по нему, некоторые его представители превратились если не в рыб, то в двоякодышащих и любя море больше суши, выражают интересы мира рыб (письма). От имени морских и земноводных насельников они соблазняют людей присоединится к ним. Сами рыбы давно не молчат. Они (архе)пишут. Просто мы их не понимаем. Вот почему, передавая послание рыб земным, то есть по старинке дышащим, словомыслящим и буквопишущим существам, деконструктивизм вынужден прибегать к намекам, аналогиям, рисуя и «знаковые» слова или должен изобретать термины, которым бы в

[1] Там же. С. 128.

наличном мире ничего не соответствовало. Благодаря этому, однако, все «топчущиеся внутри бытийно-метафизического загона» могут кое-что увидеть за его оградой. На большее, чем кое-что, рассчитывать не стоит. Так всегда коммуницируют с теми, кто плохо воспринимает передаваемое – с глухими или ино-странцами.

«Пустые знаки» – вид, элементы ничто, но именно они, перестав быть «носителями мысли, покорной голосу бытия» (М. Хайдеггер), являются строительным материалом письма. Они носители заключенного в них содержания, его «алфавит». Единицы такого алфавита определяются как «граммы». Их отличие от букв и знаков в том, что они не несут смысла. Состоящая из подобных единиц грамматология есть зрительное выражение нигитологии. Первым и последним ~~словом~~ грамматологии, ее основополагающими грамма-категориями являются 1) trace и 2) differance. По-русски это 1) след, черта, рисунок на кальке (см. Словари), 2) примерно, поскольку это авторское изобретение Ж. Деррида – различение, промежуток, отсрочка, пауза. След-черта и промежуток-отсрочка ничем не обусловлены, они существуют сами по себе, как все письмо. Нельзя указать того, что они обозначают. Они causa sui, субстанция, только без субстрата, поскольку относятся к области отсутствия, небытия. Небытия не вообще, а для этно-фалло-фоно-логоцентристов. Значит – к инобытию. Пустые знаки пусты в области присутствия. Для нас они – «вещи в себе». В письме они – все: субстанция, сущее, феномен, структура, правда, не вещей, а отношений, которые «старше» вещей. Граммы являются кирпичиками становления какой-то другой, не «макро-» реальности.

Посредством грамм происходит «стирание имен собственных», артикуляция, дробление ничто = хаоса на элементы. Осуществляется сущностное условие его организации и самоорганизации: чувственное снимается рациональным, вещи превращаются в концепты, естественное в искусственное. Происходит окончательный отказ от связи текста с человеком как его причиной. Текст саморазвивается и самофункционирует. Автомат(изм) – вот обнаженное тело письма. Грамматология есть теория автоматизированного, потом полностью автоматического писания, пред-писания, про-граммирования. Автоматическое письмо – машинопись. В ее свете видно, что догадки насчет трактовки борьбы с логоцентризмом как борьбы с истиной поверхностны. Это борьба именно со словоцентризмом, со Словом, с языком. Естественным. *С мышлением, каким сих пор живет, об-*

ладает Homo sapiens. С sapiens ради Постsapiens как Гиперsapiens постhomo. Немыслимо. Если это правда, то она чудовищна. Неужели ее удастся доказать?

Избавиться от дурной привычки думать, рассуждать, употребляя сразу или для закрепления результатов слова (сотни тысяч лет!), очень и очень тяжело. Однако приходится. В ключевой для генезиса мышления ситуации «стирания имен собственных» метафизическое сознание, боясь взглянуть в лицо своей печальной судьбе, услужливо подсказывает, что это другое название процессов отождествления и различия, обобщения и классификации, абстрагирования и конкретизации, то есть обычная языковая практика овладения бесконечным многообразием единичного, и что под маской письма речь идет о том же Логосе. Тогда были бы понятны утверждения о первичности, безосновности, немотивированности письма. И можно облегчено вздохнуть, ибо благодаря малому оппортунистическому злу в виде отказа от постановки вопроса на полную глубину удается уйти от ответа за большое преступление против фактов истории, которые говорят или «пишут» что она в основном состояла из бесписьменных обществ. Вздохнуть прежде всего идеалистам, считающим, что в начале было «слово», которое тоже ничем не мотивировано. А опосредованно и тем, кто полагает, что хотя в процессе стихийной жизнедеятельности выделялись вещи, они по мере возгонки чувственных впечатлений в верхние этажи сознания «метились», обозначались, получали имя и становились пред-метами, которые и являются содержанием собственно сознания. Это так и не так. Так, потому что в обоих случаях речь идет об основе, генезисе и формах овладения миром. В том и другом случае описывается механизм производства знания. Но миры – разные. Механизмы возникновения и способ функционирования знания – иные. Отождествление – различение приводят к образованию предметных образов и понятий, которые далее взаимодействуют по законам человеческой логики и психологии, обусловленных природой означаемого и означающего, то есть «присутствием». Это мыслящее Бытие. След-отсрочка, черточка-промежуток открывают возможность обработки хаоса посредством бесчисленных комбинаций грамм безотносительно к присутствию. Они в нем не нуждаются. Это бытийствующая Мысль. Обработка хаоса есть его организация, образование порядка. И следовательно – рационализация Рациональность – конечная цель чистого мышления. Но она несоразмерна человеку, замкнута на себя и выходит за пределы его

логики (формальной и «диалектической»), не говоря о том, что чисто логически этно-фалло-фоноцентричные существа не мыслят. Их рассуждения всегда обременяют чувства, образы, метафоры и прочие домыслы. В том числе и сейчас у пишущего эти строки насчет грамматологической = постлогической = постчеловеческой рациональности. Чувства ему подсказывают, что он начинает запутываться, домысливая за грамматологию то, чего в ней нет.

На самом деле, в натуре, для не имеющих прямого органа восприятия письма, его реальность состоит в том, что мы видим какие-то нанесенные на поверхности штрихи, значки, фигуры, рисунки и пропуски. Разной формы и калибра. Бесконечный ряд интервалов как отрицаний, говорящих о нетождественности одного отрицаемого другому. И не больше, на что торжествующе указывают критики постмодернизма, возмущаясь, что их дурачат: накрыли толстым терминологическим одеялом и делают темную. Мы видим игру различий вместо игры вещей и физических сил. Программирование вместо теоретизирования. Дошедшее до автоматизма писание вместо мышления. Вместо философии – грамматологию. Иначе говоря, осуществленную деконструкцию. «Чем деконструкция не является? – да всем! Что такое деконструкция? – да ничто!»[1] За(со)вершенный постмодернизм! На самом деле.

Если цель достигнута, это значит – победа. Или поражение. По мнению тех же назойливых критиков, мы свидетели торжества паразита, который после гибели хозяина умер сам. От истощения. Пиррова победа – момент истины, раскрывающий бессмысленность всей деконструктивистской затеи. В этом источник слухов о смерти постмодернизма. Были обещания оставить за философией хотя бы «разговор», литературный жанр. Многие, вроде нас, им поверили. Теперь просто нет слов. Но кроме «шока и трепета» победа грамматологии, порождает споры. В разгар одного из них на белой стене аудитории откуда-то появился черный транспарант:

Да здравствует 1100010117423894646 = :[] ж:-) :-7

Скорее всего это «подсказка» того же проницательного любителя детективов, что-то в духе «мене, мене текел, фарес» во время пира Валтасара. Письмо: «Исчислил Бог царство твое и положил ему ко-

---

[1] *Деррида Ж.* Письмо японскому другу//Вопросы философии. 1992. № 4. С. 57.

нец. Ты взвешен на весах и найден очень легким. Дни твои сочтены». Адрес: Чело-век XXI. Из-мерен, со-считан, у-ничтожен. Кого приветствует = кому угрожает данный типично постмодернистский жест? Своей загадочностью он усиливает шум и смятение общества, доводя споры до выхода из-под контроля. До всеобщего столпотворения при столкновении миров. Мы считаем его выход/кой/ом за пределы дискурса. Он (она) требует адекватного ответа.

Перерыв на обед.

2. Afterпостмодернизм

Деконструкция – генеральная линия постмодернизма в философии и теперь, пожалуй, его классика. Это первый этап – «бури и натиска» нигилистичской (нигитологической) революции в отношении существующего Гомо сапиенс, его вещно-событийного мира, телесного бытия и словесно-теоретического мышления. Деконструкция – постмодернизм in nuce, хотя ее нередко отождествляют с постмодернизмом вообще, из-за чего и делается вывод о его смерти. Но генеральная линия – это тенденция, пунктир; реальное движение представляет собой множество ветвящихся течений, поворотов и отклонений. Некоторые первоначально захваченные деконструктивизмом теоретики предпочли «отстать от поезда» до его прибытия на конечную станцию «грамматология». Среди ехавших и слепо восторгавшихся новой философией вдруг явились люди, раздающие пассажирам листовки с предупреждением о движении к концу света. Который действительно состоялся, пока, к счастью, теоретически, для небольшой части человечества, его авангардного авангарда, тем или иным образом соглашающейся уйти на «тот свет». Остальные миллионы землян продолжают быть консервативными этно-фалло-фоно-логоцентристами, нуждающимися в «рассказах», различении субъекта и объекта, означаемого и означающего, в феноменологическом реализме, мудрости и даже мифологии. Они чувственны, пристрастны, у них слабо технологизированные души и до трансформации в автоматически пишущих производителей интеллектуального текста должна пройти целая нигитологическая эра, которая явно не пройдет гладко. Сами проповедники деконструкции человеческого бытия несут в себе

его «родимые пятна» в виде естественно-телесных потребностей. Это их ахиллесова пята и драма всех обитателей грамматологического мира, но для тех, кто не безнадежен – надежда.

Помимо общей пролиферативности постмодернистского философствования, в нем, как после всякого революционного взрыва, наступил этап реставрации. Заговорили о необходимости «возврата к метафизике» и «воскрешении субъекта». На первый план выдвигаются концепции авторов, не доехавших до последней станции, а те, кто прибыл и не знает, что дальше делать, занялись расконсервацией пропущенных точек роста. Провозгласивший смерть человека М. Фуко в конце собственной жизни обратился к герменевтике субъекта. Внимание привлекают высказывания Ж. Деррида типа того, что лично, как человек, он «метафизику всегда любил», и утешения Р. Рорти, что пока есть библиотеки и праздный досуг, «анормальный дискурс будет порождаться также спонтанно, как летят искры горящего костра». Возникли дискуссии о способах преодоления оппозиции между субъектом и объектом, означаемым и означающим без ликвидации самих этих сторон. Вместо радикального ниспровержения присутствия возобновляется интерес к гуссерлевской методике его «эпохе» и теории интенциональности. С 90-х годов во французской философии длится своего рода феноменологический бум (См.: Винсент Декомб. Современная французская философия. М., 2000), в англоязычной укрепляется вектор неоклассики. Слышны голоса о неосубстанциализме, правда, с невнятной смысловой квалификацией. Эти возвратные процессы хорошо вписываются в понятие «позднего постмодернизма» или after-postmodernism'а. В нашу литературу этот термин тоже вброшен и хотя выглядит диковинно, нет сомнения, что как понятие он будет осваиваться. Содержательное развитие мысли идет в его направлении: констатации кризиса деконструкции, одновременного признания кризиса ее критики с позиций ее непризнания, поиск новых подходов к «восстановлению проблемных полей».[1]

В АПМ, кроме того, что под ним подразумевается все, что не вошло, не дошло или больше не желает участвовать в деконструкции

[1] Пишут: послепостмодернизм, пост-постмодернизм, в «Новейшем философском словаре» Минск, 2001 г. дано без перевода как after-postmodernism. Думается, что на данном этапе выражением духа времени был бы языковый кентавр (химера, монстр): afterпостмодернизм (его недостатком является нетехнологичность при компьютерном письме, которая может быть сглажена аббревиатурой: АПМ), хотя в дальнейшем, после конкретизации этих «пост», мы постараемся выйти на более содержательный термин.

метафизики, логично включать и тех, кто, соглашаясь с тупиковостью дальнейшей борьбы с ней, предлагает на освободившемся месте возводить новое мировоззрение. Проблемные поля восстанавливаются, однако занимать их надо чем-то другим. «Послереволюционная» обстановка похожа на то, как если бы неистово рубившая лес толпа вдруг бросила топоры и стала раскаиваться в содеянном, хотя по-разному: одни ушли с обезображенной территории, поклявшись больше не брать в руки орудий разрушения, вторые вокруг чудом сохранившихся островков деревьев выставляют охрану, третьи тащат из дальнего леса молодую поросль, намереваясь засадить ею опустошенные площади. А кто-то пытается приставить срубленные бревна к их персональным пенькам. На эту реставрационную, консервативно-экологическую и природолюбивую суету скептически смотрят – кто снисходительно, кто с презрением – наиболее научно оснащенные и философски продвинутые лесорубы. Они предлагают единственно по их мнению, разумное решение: уж коли так случилось и чем-то надо заниматься, то целесообразно, проведя дозачистку пустыря, начать на нем что-то проектировать, строить, создавать. Например, технопарк. Парк почти тот же лес, тем более когда вспомним, что после лингвистического поворота язык признается значимее чувственно-предметного восприятия. Важно не то, что видят глаза, слышат уши или нюхает нос, а то, как это названо. Короче говоря, хватит отрицать, рубить и корчевать. Деконструкция закончена, забудьте о ней. Пора переходить к «позитивному постмодернизму», а результаты предыдущей деятельности пригодятся как материал. Это будет действительный afterпостмодернизм. Новый, перспективный этап в развитии философии.

Если вопрос с реставрационной трактовкой (компонентой) АПМ довольно ясный и схематично уже обрисован, то предлагаемая новационно-прогрессистская линия требует анализа. Пока непонятно, как она вписывается в afterпостмодернистское философствование и какой технопарк будет проектироваться на месте лесопарка. По этому случаю я позволю себе высказать оценочное суждение: в России центр философского постмодернизма, его авангард находится в Санкт-Петербурге. Там «свил гнездо», сформировался «видимо-невидимый колледж», а может, не побоюсь нелиберального слова, коллектив единомышленников и ис(по)следователей. Мы видим не отдельные, не связанные друг с другом публикации, переводы и выступления, а некую целостную программу, «питерский эгрегор» постмодернизма.

Если в стадии деконструкции его идеи в основном отслеживались и пересказывались, то проблематика АПМ развертывается вполне оригинально. Ставится прямая задача тематизации новейших явлений мировой теоретической жизни. «В предлагаемом издательством (Алетейя – *В. К.*) серии (Тела мысли – *В. К.*), – пишут в предуведомлении члены ее редакционного совета, – предпринимается попытка осмысления и обоснования новой парадигмы гуманитарной культуры, приходящей на смену постструктуралистско-деконструктивистскому подходу. Потребность в таком парадигмальном сдвиге вызревала по мере того, как, с одной стороны, критика деконструкции, исходившая из традиционных и сциентистских представлений, все более явно обнаруживала свое теоретическое бессилие, а с другой – не менее явным становился переходный характер деконструктивизма и постмодерна в целом. Главным вопросом становится не после чего они, а перед чем и в обосновании чего[1]».

Да, перед чем и в обоснование чего – вот в чем смысл философского рассмотрения afterпостмодернизма, его соотношения с исторической метафизикой. Мы полагаем, что он шире проблематики гуманитарной культуры. Это вопрос о сохранении бытия человека или торжестве в мире чего-то иного.

Впечатляющая попытка преодоления метафизики не через отрицание, а содержательно, через замещение мышлением принципиально другого типа предпринята российско-американским автором М. Эпштейном в книге «Философия возможного» (СПб., «Алетейя», 2001). Всякая метафизика, справедливо подчеркивает он, опирается на тождество, на нечто, существующее с необходимостью и субстанциально – бытие, жизнь, идею, феномен и т. п. Деконструкция, опираясь на различие, стремится уничтожить эту самость, но как таковая существовать без нее не может. Размыкая метафизический круг, она в нем остается, так или иначе разделяя судьбу многих антиметафизических проектов XX века, оказавшихся малоэффективными, потому что заключали в себе «обратную метафизику». Выступая против бытия, они делали это в его плоскости, борясь за свободу, провозглашали «истинный» взгляд на мир, т. е. рассматривали собственную деятельность как необходимую и реальную. Деконструкция тоже мировоззрение и предполагает, хотя критическую, но единственную

[1] В поисках новой гуманитарной парадигмы//Перспективы метафизики (классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. СПб., Алетейя. 2001. С. 5.

модель мира. «Следы» не материальны, атопичны, «граммы» пусты и ничего не отражают, но они находятся в горизонте существования, характеризуясь предикатом «есть». Между тем «философия вовсе не обязана связывать себя с миром сущего и должного, с действительностью и с необходимостью. Призвание философии, которое открывается перед ней в посткритическую эпоху – третья модальность, мир возможного. *Философия до сих пор старалась объяснять или изменять мир, тогда как собственное ее дело – умножать возможные миры»*.[1]

Сущее и должное – изъявительное и повелительное наклонения языка. С ними можно соотнести классический, описательно-объяснительный и модернистский, деятельностно-проективный этапы развития метафизики. Сейчас человечество устремилось в сослагательное наклонение. Интерпретируя деконструктивистские тексты, М. Эпштейн замечает, что их авторы, весьма часто апеллируя к категории возможного, не придавали ей парадигмального смысла. Деконструктивизм вплотную подходит к нему – и останавливается. Останавливается перед тем, чтобы вместо отправленных в оставку онтологии и эпистемологии стать потенциологией; перед «гиперметафизикой» как формой снятия метафизики; перед концептивизмом как позитивной деконструкцией. Другими словами, хотя сам автор таким термином не пользуется, – перед afterпостмодернизмом. Нужно, наконец, перешагнуть от «пост-» к «прото-», после чего мы выйдем на простор неограниченной условности и игры. «Философия третьей эпохи не скрывает своей чистой условности. Эта открытая форма значимости лишена всякого определенного значения. Она ничего не значит ни для мира, ни для индивида, ни для общественного благополучия».[2] Она создает собственную, чисто мысленную, не зависящую от эмпирических фактов историю событий и «космософию возможных миров». Плюрализм внутренне обусловлен потенциализмом, другие модусы мешают его последовательной реализации. «Не держаться определенного взгляда на вещи – это, пожалуй, и есть подлинное миро-воззрение. Видеть – значит менять точку зрения. Один взгляд на вещи – почти что слепота».[3] Значение потенциализма видится в том, что он открывает перед философией невиданные, небывалые перспективы: 1) выводит из тупика грамматологии; 2) избавляет от

---

[1] *Эпштейн М.* Философия возможного. СПб., 2001. С. 53–54.
[2] Там же. С. 142.
[3] Там же. С. 153.

связи с реальностью; 3) ограждает от воздействия других форм сознания. Никто ей больше не нужен.

ЄТак это свободное, ничем не стесненное творчество!» – обрадованно воскликнет представитель креативно-деятельностного модернизма. И сильно ошибется. Если творчество есть актуализация замысла и говорит «будь» чему-то сущностному, то потенциализм создает произвольные конструкты, переводящие творческий акт в сослагательное наклонение. В плане модальности они противоположны: первое делает возможное действительным, а второе превращает действительность в возможность. Конструкт – своего рода неудача творчества, его деконструкция и одновременно творческий выход за ее пределы. В отличие от творения, подчеркивает М. Эпштейн, конструкт не может быть «живым существом и частью Божьего мира» – это искусственное или естественно-искусственное образование, некая химера как ступень к иномодальным порядкам универсума. Конструкт есть завершение критики реальности, позитивность которого превосходит логоцентрические формы ее познания или преобразования.

АПМ, преодолевая метафизику на путях ее «преизбыточности», наряду с предметно сущим избавляется и от мысленного как трансцендентного. «Трансцендентные вещи – другие не только по «локусу», но и по «модусу» своего существования, т. е. не только обретаются за пределом существующего мира, но и за пределами модальности существования (курсив мой – *В. К.)* как таковой».[1] Трансцендентное, как и сущее, не актуально, а потенциально, отличие же в том, что оно высшая, предельная потенция. Этот взгляд на трансцендентное прямо противоположен и «реализму», и «идеализму», всей классике, особенно с Аристотеля, у которого Бог обладает высшей актуальностью, – и любому теоцентризму монистических религий. Иерархия бытийности переворачивается. Трансцендентное не «возможный опыт», как у Канта, а «опыт возможного». Опыт как продукт мышления – не больше. Иерархия не просто переворачивается, она исчезает – вместе с бытием, ибо максимумом возможного обладает, как известно, ничто. Это предельное воплощение чистых возможностей, абсолютная потенция, и если исходить из нее, мир есть «все по имени ничто». Вот фундаментальная гарантия от «фундаменталистской угрозы»! Потенциализм по своей тенденции – нигитология. К ней приходит, хотя об этом не объявляет, М. Эпштейн.

---

[1] Там же. С 172.

К похожему результату философия возможного ведет в любом, даже не столь радикальном варианте, так как, распределяя бытие и небытие по разным модальностям, отвлекается от того, что они друг без друга не существуют и всегда опосредованы «нечто», по отношению к которому и можно определять меру действительного, степень напряжения в его противостоянии отсутствию. Филологическое снятие диалектической противоречивости вещей уводит от раскрытия их процессуального характера, пронизанности у-ничто-жением с сохранением тож-дества как «пребывания посредине». Оно пропускает, оставляет без внимания наиболее драматическую сторону их судьбы и уходит от принципиальных для человеческого мышления трудностей, которые метафизика так или иначе решала или пыталась решать. Отдавая дань трактовке бытия через овозможение и перевод в сослагательное наклонение как важному этапу на пути самотрицания человека, борьбы с ним, мы должны ограничить претензии потенциализма на передовую и последовательную «прото-философию». Оно скорее подготовительное, поисковое. Территорию, расчищенную деконструкцией, более успешно осваивает родственный овозможению тип сознания и деятельности, но не обремененной пережитками (знания) метафизики и произрастающий из самой эмпирии научно-технического прогресса.

Кроме возможного как непроявленного, противопоставляемого актуальному и действующему: reale – вещество, материя, существующее (зародыш – потенция ребенка), по-латыни есть «другое возможное» – виртуалистское. В нем на первый план выступает нереальное, сверхсубстратное, идеальное: virtus – доблесть, энергия, воображаемое (потенция как выражение мужской силы). В истории культуры эти тонкие различия переплетались, менялись, утрачивались. Постмодернистское сознание движется в сторону виртуальной интерпретации возможного при его одновременном «склеивании» со своей противоположностью – реальным. Образуется «виртуальная реальность» – гибрид, который с монистической точки зрения кажется воплощением абсурда, жареным снегом и деревянным железом. Насчет снега утверждать трудно, но техническая обработка дерева, придающая ему качества железа, существует. Как есть генетические методы наделения живых организмов взаимоисключающими в естественной среде свойствами. Также и в сфере духа происходят сочетания и мутации, понимать которые невооруженному человеческому уму все сложнее, а технологии понимания быть не может,

если технология – то это знание, которое опять надо понимать, то есть придавать ему ценностный смысл, переживать и субъективно оценивать. Образуется так называемый герменевтический круг – спаса(и)тельный, если умело им пользоваться, замкнутый, когда его пытаются разорвать силой, особенно машинной.

Технически под виртуальной реальностью (ВР) имеется в виду искусственное трехмерное изобразительно-звуковое воспроизведение предметных форм материального мира во взаимодействии с нашим сознанием, включая его деятельность по симуляции несуществующего, воображаемого. ВР существует до тех пор, пока продуцируется и воспринимается каким-либо субъектом, т. е. «здесь и сейчас». Это отличает ее от телевизионных и компьютерных программ, развертывающихся без перципиента. В нестрогом смысле под ВР подразумевается любая интерактивная активность (в) Сети. Зародившись в конце XX века в информационной киберкультуре, она стремительно распространяется среди пользователей: в промышленности (тренажеры, проектирование), сфере досуга (игры, «встречи»), образовании (нейролингвистическое программирование), в медицине (психотерапевтическое воздействие на пациента) и при других манипуляциях с внешней и внутренней средой человека. Идеал в применении ВР – появление у людей возможности чувствовать, мыслить, действовать и «жить» в полностью искусственной реальности, поддерживаемой имитационно-симуляционными технологиями.

Широкое практическое распространение ВР порождает соответствующую идеологию, развивающуюся по законам своего жанра, главный из которых – «бытие определяет сознание» (К. Маркс). Часто погружающиеся в ВР люди на все смотрят сквозь ее призму. Теоретизируя, но без рефлексии, в маске философии, но не философски, они превращаются в носителей откровенно эгоистического, иногда наивного, иногда агрессивного презентизма и антиисторизма. Сначала с удивлением, а потом привыкая, не подключенные к ВР узнали, что она вовсе не продукт информационных технологий (это почти случайное совпадение), а что такого рода феномены были давно, от века. Чему в свидетели призывается история. В области философии в качестве наиболее крупных специалистов по ВР называют схоластов (особенно Фому Аквинского), идя глубже, ее представителей находят в Византии (Василий Великий), древнем Китае (Чжуан-цзы), в Индии (почти все ведические и буддийские авторитеты). По возвращении в Европу Нового времени обнаруживается, что все боль-

ше и больше рассуждавших о душе и духе мыслителей тоже были виртуалистами:«говорили прозой, не зная об этом». Дело доходит до замены терминов при комментарии классических текстов: где писали идеальное, в новых изданиях пишут виртуальное. Есть веские причины ожидать, что в очередь на виртуализацию поставлена Книга (Библия). Особенно соблазнительными существами в ней являются Ангелы. Толки об их виртуальной природе выливаются в некое, пока не самое распространенное, но вполне заметное «ангелическое направление» в философии. Дальше нетрудно догадаться, кто будет назначен Верховным Вседержителем Виртуального мира. Или Главным Виртуал(ист)ом Вселенной.

Если оставить иронию и более или менее строго следовать смыслу ВР, то в истории философии ее гениальными предтечами можно, по-видимому, считать Дж. Беркли (быть – это быть в восприятии), И. Фихте (Я полагает не-Я), А. Шопенгауэра (Мир как воля и представление), однако их, по крайней мере пока, обходят. От того, что упоминание этих имен наводит на опасные для поверхностно-апологетических оценок ВР размышления. В памяти всплывает убедительная критика, которой они подвергались с разных сторон, показывавшая самоубийственные для человека теоретические и практические следствия такого рода мировоззрения. Виртуализм избегает конкретного рассмотрения традиционных историко-философских проблем, отдавая предпочтение переименованию любых идеальных, духовных, трансцендентных сущностей в виртуальные, благодаря чему он сразу приобретает статус чего-то атрибутивного и фундаментального. После подобного «переназывания» вся история религиозного, рационального, ценностного, социального и индивидуального сознания и бессознательного, знаков и символов, т. е. культуры предстает как развитие и распространение ВР. В сущности говоря, мы свидетели (следите за новой литературой) переквалификации в виртуальную реальность «половины» бытия, определявшуюся в метафизике как сознание, идеальное и субъект. Переквалификации в нее означающего.

Но «половина» – слабая версия ВР. Недостаточная для того, чтобы быть парадигмой сознания. Отождествляясь с идеальным, означающим и субъективностью, она остается частью, зависящей от целого, порождением какой-то иной реальности. Это с точки зрения материализма и позитивизма. Если же идеальное считать Абсолютом, то и виртуальное надо трактовать как первичное, порождающее, прида-

вать ему универсальный, онто-субстанциальный статус. Препятствие здесь – присутствие, «реальная реальность», отвергнуть которую виртуалисту труднее, чем при «обыкновенном» трансцендентализме. Одно дело Абсолют как всеобщая идеальная сущность, другое дело, когда за ним стоит нечто действительное, технологически воплощенное, приборно функционирующее и заменять им надо любое бытие, в том числе – Бога. Все – ВР! Абсолют как Аппарат. Сразу как-то боязно. Выход видится в выдвижении идеи полионтичности бытия, существования множества возможных, параллельных, онтологически самостоятельных миров. Это серьезнейший для философии шаг, после которого центром ее интереса становится соотношение возможных миров, прежде всего с нашим, традиционным миром. Впервые, не по форме, а по сути, основной вопрос философии приобретает постметафизическую форму(лировку): *о взаимодействии миров.*

Основоположник философско-психологической виртуалистики в России А. Н. Носов, предложивший воспользоваться выдвигавшейся в свое время Н. Кузанским идеей полионтичности, решал его решительно, но ограничиваясь лозунгом. Предложил – и не следовал. «Виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе с порождающей *как онтологически независимая от них* (курсив мой – *В. К.*). В отличие от виртуальной, порождающая реальность называется константной (этот статус, надо думать, предназначен предметной реальности – *В. К.*) Понятия «константный» и «виртуальный» являются соотносительными: виртуальная реальность может породить виртуальную реальность следующего уровня, став относительно нее константной реальностью. И в обратную сторону – виртуальная реальность может «умереть» в своей константной реальности (получается, что в качестве константной предметная реальность есть результат порождения и смерти виртуальной! – *В. К.*)... На наш взгляд, идея виртуальности предполагает принципиально новую для европейской культуры парадигму мышления в которой ухватывается сложность устройства мира, в отличие от идеи ньютонианской простоты, на которой зиждется современная европейская культура».[1]

На наш взгляд, настоящей полионтичности в таком подходе не обретается. Все является игрой одной сущности – виртуального, ко-

---

[1] *Носов А. Н.* Виртуальная парадигма//Виртуальные реальности. М., 1998. С. 92.

торая субстанциализируется и универсализируется. И чем дальше виртуальная философия развертывается, обрастая понятийным аппаратом, тем яснее видно, что виртуальный мир претендует быть не одним из миров, а единственным, первичным и парадигмальным, «опять простым». «В результате достижения просветления-гратуала, человек попадает в другую реальность – виртуальную, порожденную в самом себе, или раскрытую в самом себе – в *истинную реальность*»[1] (курсив мой – *В. К.*). Опять понадобились центризм, реальность и монизм (ср. новый Монизм у Ж. Делеза), но «другие», в сугубо субъективной, отчужденной от естественного мира форме, вплоть до солипсизма, теперь уже обеспеченного научно-техническими достижениями. Универсализация ВР делает ненужной «вторую половину» бытия, определявшуюся в метафизике как субстанциальное и объективное. Как означаемое.

После подобного «восстановления» деконструированных означаемого и означающего, виртуальная реальность превращается в новую онтологию и метафизику: искомые, «для XXI века». Опасения преодолены, остальные переинтерпретации следуют отсюда автоматически. И прежде всего человека. Он тоже – «Виртуальный человек» (См.: *А. Н. Носов*. Виртуальный человек. М., 1997). Он тоже не отрицается, а «реконструируется», «воскресает в виде новой сущности». И лучше не человек, а концепт – персона(ж). Во французском after-постмодернизме ведущим направлением подобного восстановления стала разработка топологии субъекта, когда он представляется как складка, скручивание, «складка складки» объективных структур. Топология ликвидирует оппозицию тела и духа, объективного и субъективного, отражая «сплавление» человека с техникой в сфере высоких технологий и выражает его «качественно», на языке математики или компьютерной графики. Ее построения претендуют на преодоление ограниченности количественного подхода к миру, но это качество формально-геометрическое, чисто абстрактное, «феномен сознания». Воскресительная ликвидация человека из узкой сферы специальных разработок стремится перейти на фундаментальный уровень, соединяя достижения потенциализма и виртуалистики с социальностью, ее историческими типами, переинтепретируя множество других «застарелых» философских проблем. (См. например: Г. Л. Тульчинский.

---

[1] *Носов А. Н.* Три философии//Философская и правовая мысль. Саратов. СПб., 2001. № 5. С. 155.

Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., Алетейя. 2002). Очевидно, что программными положениями об «овозможении» субъекта, его замене «складкой», а философии человека постчеловеческой персонологией дело не ограничится. Девятый вал вытаптывания антропологической проблематики стадами бездум(ш)ных новаторов и при(н)ятия постмодернистской, трансгуманистической по своей сути философии вообще, с(на)крывающей драматизм ситуации человека в столкновении естественного и искусственного миров, при(с)мирения с ней – впереди.

Итогом afterпостмодернизма можно считать, что 1) кроме отдельных попятных движений какого-либо концептуального преодоления деконструктивизма и обновления исторической метафизики или поиска других путей сохранения человеческого бытия – нет; 2) его высшим достижением является потенциалистско-виртуалистское философствование, обосновывающее возникновение новой «постреальной реальности»; 3) вместо воплощения идеи полионтичности, которая позволяет говорить о существовании Разного, потенциализм и виртуализм претендуют на универсальность, а АПМ-философствование на парадигмальный статус. Это моделирование бытия на фундаменте грамматологии. В целом, в форме afterпостмодернизма мы видим экспансию Иного. Плюрализм реальностей не состоялся, простота ньютоновского макромира заменяется простотой симулятивно-искусственной среды. В этой ситуации традиционным, живым, телесно-духовным людям, собирающимся сохранять свой предметный мир и (решимся на ненормативную в постмодернизме лексику) природу, а также (опять сомнительное, стремительно стареющее слово) культуру от их замены Одним Словом – Техникой, за полионтичность и коэволюцию миров надо уже/еще бороться.

3. Глядя на мир широко закрытыми глазами

В таком случае целесообразно дать слово проницательному читателю. В оправдание проволочки скажем, что пока он терпеливо отслеживал перипетии деконструктивистского и afterпостмодернистского философствования, автор и другие читатели тоже стали более проницательными. Ранее отмечалось, что критика постмодернизма, показывающая сомнительность применяемых им методологических приемов, его не уязвляет. Для деконструкции это не «приемы», а сознательные принципы, направленные на разрушение логических

устоев человеческого мышления. Чего стоит, например, «метод черенков и прививок», посредством которого можно интерпретировать любую философию прямо противоположным ее духу и целям образом. Тогда «эпоха Руссо», руссоизм, бывший почти синонимом натурализма, становится опорой для дискредитации природы, К. Л. Стросс, защищавший живую речь и язык, – провозвестником опровергающего их письма. На сладкой вишне путем прививок выращивается горькая рябина. Или калина. Или что угодно. Мир лишается самости и рассматривается как материал для манипуляций. Не соглашаясь с подобным игровым философствованием, мы, вместо погони за количеством раскрытой контрабанды и «военных хитростей», провозглашаемых им допустимыми по отношению к метафизике (на войне все средства хороши), считаем важным показать, ради чего это делается, что в них вы/от/ражается, куда оно ведет. Выявить его социальную детерминацию и идеологический смысл. Хотя во многом он ясен. Проницательному читателю достаточно поставить некоторые точки над «и».

Страшно подумать, нужно разнузданное воображение, но 50 лет назад люди ничего не знали об информации. Были сведения, сообщения, новости, циркулировавшие в пределах социальной сферы. Безинформационная тьма окутывала Землю. Слово «информация» появляется в энциклопедиях во второй половине XX века. 30 лет назад разгорелся спор о категориальном статусе информации. Боролись две теории: функциональная, что она присуща человеческому обществу, максимум живым самоуправляющимся системам и атрибутивная, что она является свойством всей материи. Победил второй подход, вскоре углубленный до признания информации такой же формой существования материи, как пространство и время. Через некоторое время она завоевала статус состояния самой материи наряду с веществом и энергией. Или так: состояния реальности наряду с материей и энергией. Из гносеологической категории она превратилась в онтологическую, некий род сущего, сначала, правда, довольствуясь в этом трио последней ролью. Тем не менее, из информации как знания, «информации о» она стала субстанцией, одной из фундаментальных стихий бытия.

Материя, энергия, информация – три кита, на которых наша Вселенная держится с середины 80-х годов XX века. В этой модели ей более 15 млрд. лет. Киты, как всякие живые существа, соперничая за место под межгалактическим солнцем, иногда ссорились. В результа-

те, с переходом общества к постиндустриализму и развитием вычислительной техники, информационная стихия, обогнав своих конкурентов, вышла на первое место. Стали писать: информация, материя, энергия. Или так: информация, энергия, материя (увы, ей, последней). Да и то недолго. В новейшей литературе Вселенная опять поворачивает к монизму. Передовым ученым явственно открылась истина, что сущность мира не идеальная (Бог) или материальная (природа), а информационная (матрица?). Есть одно первоначало, единственная и единая субстанция – информация. Это подлинное «архе». It from bit. Остальное сущее – его феноменологический код. Формы проявления. Место мета-физики занимает мета--информатика и сопутствующая ей информационная философия. Найдено, наконец, последнее «третье понятие», посредством которого удается избавиться от последнего атавизма картезианской проблематики с ее неизбежной антиномичностью и спорами о психофизическом дуализме. Никто не главнее, ни Земля, ни Небо, ни тело, ни дух. Главное(ая) – информация. В мировом континууме произошла великая информационная революция.

На упреки в головокружении от информации, можно напомнить, что материю тоже ругали за абстрактность, неверифицируемость и нефальсифицируемость, обзывали «святой», но это понятие сыграло огромную роль в физикалистской науке о вещах. Оно было мировоззренческой основой о(при)своения естественного и создания искусственного мира. Сейчас наука другая – об отношениях и функциях, потому ее абсолютом, субстанцией и становится информация. Она стремится включить в свою орбиту все виды жизнедеятельности людей. Кажется, что объяснительная сила информации беспредельна. Проблема в том, что предел имеет то, куда и на кого она направлена. Входя в ее орбиту, явления как таковые исчезают. Это прежде всего относится к восприятию реальности в качестве тел и вещей, к любым феноменологическим, этико-эстетическим, волевым и верующим, интуитивно-образным формам человеческого духа. К непосредственным переживаниям, культуре, любви и религии, искусству, ко всему, что принято относить к практическому разуму, душе, сфере иррационального, «humanity». Неудивительно, что в этих областях, включая философию, информационная революция происходила особым, в сравнении с наукой, образом. *В преврат(щен)ной форме.*

Автор, как (и) проницательный читатель, предвидят недоумение: не слишком ли много поворотов и революций – лингвистическая, тек-

стуальная, грамматологическая, виртуальная, информационная они усмотрели в XX веке? Мы согласимся, что много и можно добавить еще, но это «все об одном», на разных уровнях и этапах развития человеческого духа, с разной степенью понимания их собственного значения, соподчиненности при трактовке. Суть нашей трактовки постмодернизма в том, что это гуманитарная форма (отражение в гуманитарной сфере) информационного этапа современной технологической революции. Это проекции и фазы «общей революции», но считать ее стержнем, допустим, лингвистическую или текстуалистскую вряд ли обосновано. Они не захватывают естествознания, в то время как развертывающаяся на его базе информационная постепенно поглощает гуманитарные науки. Коррелятом информационной революции можно считать «сетевую», коммуникационную, хотя в недалекой перспективе все «революции», в том числе информационная, будут, о(за)хвачены виртуальной: остальные будут оцениваться как ступени на пути к осуществлению того, о чем повествует и к чему призывает постмодернизм – у-ничто-жению Бытия (сущего, присутствия, означаемого, означающего и др.). Пока же, поскольку центр тяжести событий определяется информацией, целесообразно рассматривать остальные формы мировой общецивилизационной революции сквозь эту призму.

Наиболее очевидным гуманитарным выражением информации является понятие текста. Его содержание тоже менялось от гносеологического «текста о» к тексту как виду бытия или тому, что вместо него. Это происходило параллельно, иногда раньше, нежели в теории информации. Схожие аналогии можно провести между большинством категорий естественнонаучного и гуманитарного сознания. Если, например, со сложнейшими, насколько изощренными, настолько и произвольными, апеллирующими то к даосам, то к апофатике криптографическими рассуждениями постмодернистов на тему, почему в фундаменте бытия должно лежать не тождество, а «различие и повторение» сопоставить простейшее определение информации как «меры неоднородности» и «передачи разнообразия» (У. Р. Эшби), то все как-то сразу становится понятнее. И уже не так завораживают оригинальностью кульбиты в трактовке истории философии, обвинения ее величайших умов в недалекости и бестолковости. За то, что они жили в чувственно-предметном мире и тогда не было электронно-вычислительных машин? Что они теоретизировали от имени человека, а не компьютера? Или, например, в технических энциклопеди-

ях пишут: «10 бит — 10 чередующихся в определенном порядке пауз и электротоковых посылок», а гуманитарии исписали тысячи томов, пытаясь понять тайну «следа» и «пропуска» и как они вместе образуют некую загадочную «грамму». Грамма — это бит информации, когда о ней говорят на специфическом постмодернистском языке и хотят «вывести» из истории культуры, минуя, игнорируя ее техническую подоплеку. Типичный идеологизм. Бит как и грамма — «пустой знак». Его значение возникает в результате взаимодействия в «письме». Безбуквенное археписьмо, автоматическое письмо, машинопись, соединяющая друг с другом граммы/биты — программа, software работающего компьютера. Грамматология — это программатология. Или — программология. Или — WWW-философия. В свете computer science видно, что грамматология — второй, «позитивный» этап постмодернизма, она заняла место, которое деконструкция очистила от метафизики и, следовательно, деконструктивизм не был какой-то бесцельной негацией, ему соответствуют объективные процессы. Умер он — при родах. Корреляцию понятийного аппарата постмодернизма и информационной теории можно продолжать достаточно долго. «Стирание имен собственных»? Да, при автоматическом программировании со строчной буквы пишутся Ф. И. О. людей. Технике так удобнее, так как она не отличает живое от неживого, людей от вещей, humans от nonhumans. Это написание переходит в обычный «ручной» текст и социальные отношения. В перспективе — стирание имен собственных всех людей и вещей. Они заменяются цифрами, их совокупностью в виде номера — процесс, идущий на глазах всех, кто хотел бы видеть. Вот-вот он будет осуществляться на т(д)еле, путем вживления чипов. «От автора остается одна подпись»? Да, на «материю» письма автор больше не влияет, и свою причастность к произведению он удостоверяет электронной и послепринтерной подписью. «Реальность текста» — это информационная реальность. «Гипертекст» — это Сеть, бывшая «книга» 1) бывшей 2) бывшей природы. И т. д. и т. п. Мир воз(за)гоняется в вычислительную машину, где «любая информация, включая аудиовизуальную, может быть выражена в двоичном коде через единицу или же ее отсутствие, ноль. Цифры «один» оказывается достаточно, чтобы запечатлеть все многообразие Вселенной. Ноль символизирует отсутствие Абсолюта»[1]. Если написать друг за

---

[1] *Новиков В. В., Тираспольский Л. М.* Космизм и Интернет//Полигнозис. 2001, № 4. С 66.

другом 5 цифр, оставив два «trace» и сделав три «differance»: 10100, то это будет значить, что (между нами, компьютерами, говоря) две Вселенных возникло, а три исчезло. «Оцифровать реальность» и из этих новых атомов (Делез и Деррида – это Левкипп и Демокрит информационной эры) создавать возможные, полностью искусственные виртуальные миры – такова конечная перспектива экспансии информационных технологий и... постмодернизма (если его демистифицировать). Экспансии Иного как нашего небытия, если понимать, что в виртуально-цифровом мире смертная «углеводородная» жизнь заменяется функциональным бессмертием информации и целостный телесно-духовный человек ему не адекватен.

В этом, собственно говоря, основная причина непонимания или до странности поверхностного восприятия постмодернистской философии. Ее трудно понять, потому что трудно принять. Бунтует инстинкт жизни, наше бессознательное Libido. По той же причине постмодернистские авторы не любят ясности. Боятся обнаружить, что идут сами и ведут других по тропе Mortido, что они слепые, хотя некоторые подглядывают, вожди слепых. В открытом либеральном обществе открыто выставить себя носителями тоталитарной антиутопии «нового прекрасного мира», пойдя в отрицании традиционного бытия дальше ее, все-таки рискованно. Отсюда туман, скользящая смена позиций и обходные маневры. Нужна длительная привычка к игре словами без их содержательной связи с жизнью, чтобы бестрепетно вступить в ряды борцов с «ностальгией присутствия», Богом, субъектом, человеком и, в конце концов, Логосом, мыслью. Особой извращенности от мыслителя ex professo требует, как мы уже отмечали, последнее. Отвергают жизнь и вещно-событийный мир в пользу информации, социальной реальности предпочитают «виртуальные конференции», действительное растворяют в возможном – все это в духе времени, в русле борьбы с этно-фалло-фоноцентризмом, замены онтологии нигитологией. Все это, с точки зрения судьбы человека, самоуничтожительно, но хотя бы понятно, логично. Здесь логос, когда он чистый, абстрактный, «текстуальный» – помощник, ведь мысль – убийца сущего. В чем тогда она провинилась? За что по завершении деконструкции бытия требуют «принести в жертву смысл» и хотят казнить палача? Чем и кем предлагается ее/его заменить?

Пытаться поставить точки над «и» в деконструкции логоса то же самое, что в сказках и мифах искать сокровище – оно спрятано в подземелье и путь к нему преграждают отвлекающие препятствия,

западни и лабиринты. Хотя иногда оно при-открывается, поднимается близко к поверхности, бывая почти «у кожи» – момент, который нельзя пропускать. Такой случай предоставляет опять-таки Ж. Деррида в итоговом пассаже первой, специфически концептуальной части работы «О грамматологии». «Построение науки или философии письма – это необходимая и трудная задача... мысль для нас здесь – слово совершенно нейтральное: это пробел в тексте, по необходимости, неопределенное свидетельство настающей эпохи различания. В широком смысле мысль здесь ничего не значит (ne veut rien dire). Как и всякая открытость, это свидетельство обращено своей гранью внутрь ушедшей эпохи. Эта мысль ничего не весит. В игре системных взаимодействий она есть именно то, что никогда ничего не весит. «Мыслить» – это значит починать эпистему резцом своего письма.

Если бы эта мысль осталась в пределах граммато*логии*, она и поныне была бы замурована и обездвижена наличием»[1].

Попробуем пересказать данные, направленные против мысли (не)мысли с учетом обусловленности постмодернизма компьютерными науками и информационной философией.[2]

Итак, речь идет о создании науки письма, т. е. грамматологии, т. е. философии про-граммирования, программирования как мировоззрения, «онтологии», отвечающей эпохе различания, т. е. господству информационной реальности. Подчеркивается, что в ней обычная человеческая мысль ничего не значит, не весит. «Не вещит» (!), ибо не имеет предметного референта, не отражает вещей. Она не слово и не понятие. Это игра системных, лучше бы сказать (перевести?) сетевых взаимодействий или коммуникация как субстанция, интернет-мышление как нечто отличающееся от человеческого. Оно еще впереди, но его надо починать (entamer). С этим «любимым глаголом Деррида» переводчики измучились, предлагая разные варианты: открывать, надрезать, запускать. Думается, что в контексте преодоления логоцентризма лучше перевести: «кликнуть». Клавиша,

---

[1] *Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2000. С. 233.

[2] Было бы поучительно сделать книгу: «Читать Деррида», разделив в ней каждую страницу на три вертикальные полосы: на первой дать оригинальный текст, потом его перевод по-русски, а на третьей «перевод» – что этот гениальный, великий в истории человечества мыслитель имеет в виду, но скрывает; что он не имеет в виду, но объективно получается; что он скрыть хочет, но не может. Не рассказывать о герменевтике, а показать ее силу в действии: ... исчадие виртуального рая, враг Небу и Земли, засланец Матрицы.

мышка, джойстик – вот «информационный резец», починающий (вызывающий) ту или иную программу (информационную реальность). В заключительном предложении итогового пассажа, как итог итога, Ж. Деррида выделяет курсивом половину (настолько это значимо) слова. Для решения задачи перехода от человеческого мышления к постчеловеческому, он требует освободить грамму *от оков логии* «обездвиживающей ее наличием» (как это верно). Природа граммы другая – без-наличная. Безбытийная! Надо избавиться от Логоса, от Слова. Стать мыслью после мысли. *Постмышлением*. Некой «внелогической рациональностью». Стать мыслью.

Действительно, информационно-компьютерное «мышление» не аналоговое. Не словесное. Оно – цифровое. Его язык, его новое тело – ПСС – позиционная система счисленния. Это чистая математика, где счет есть модель любых серийных действий, где любая продолжающаяся деятельность редуцируется к проблеме повторения и исчисления. ***От LOGOSa к MATHESISу*** – фундамент и суть информационной революции, самая глубокая тайна, *«последний секрет» постмодернизма*. Ниспровержение слова! Значение этого события трудно переоценить. Просто нет слов. Это тоже следствие (а может быть причина?) лингво-тексто-грамма-информационного поворота. Отрыва от «присутствия» = «наличия» = «бытия». Это выход за границу телесно опосредованного, двуполушарного, репрезентативно-семантического, диалектико-метафизического, т. е. словесного, т. е. естественного человеческого мышления. Евнух логоса, образовавшийся на заключительной стадии рационалистического оскопления духа, превращается в постмодернистский манекен, оснащенный цефаллоимитатором – симулякром мысли. Осуществляются «мысли о немыслимом»: «мыслить без мысли о том, что мыслит человек» (М. Фуко). Это постмышление или постчеловеческая рациональность, язык и субстанция Искусственного Интеллекта. Борьба с Логосом нужна для утверждения Цифры, Топоса, дигитализации существующей и создания новых виртуальных и вообще постчеловеческих реальностей. Других миров. *Борьба с этно-фалло-фоно-логоцентризмом есть борьба за утверждение техно-инфо-цифроцентризма*. В ее контексте лозунг «смерти человека» выглядит не как эпатирующая фраза, а добросовестно обоснованным. Это трансгрессия за пределы Dasein, Природы и Бога. Прогресс перерастает в трансгресс, т. е. пересекает границу собственно человеческого бытия (вот он, апокалипсис!) и в таком случае afterпостмодернизм целесообразно

определять как ***Трансмодернизм***. Это содержательная конкретизация afterпостмодернизма.

Но разве математическое отношение к миру не присуще человеку, не естественно для него? «В любой науке истины столько, сколько в ней математики» (классика рационализма). Да, если оно средство и орудие словесного, феноменологического, если, не претендуя на субстанциальность, подчинено логосу. В противном случае: «Для нас, математиков, сказать – это написать формулу или начертить диаграмму. Все остальное – словоблудие», – сказал как-то на конференции один видный носитель теоретического сознания. Давать ссылку где и когда, нет необходимости. Таково распространенное мнение многих ученых, а в математической среде оно – убеждение. Поскольку формулы и графики наилучшим образом удаются вычислительной технике, то их производство постепенно «уходит в машину», осуществляется «внутри», «за спиной» человека, включая получение нового знания, которое возникает в процессах коммуницирования в Сети. *Без психики и ментальности. Без семантики.* ***Без(с) смысла.*** Принимаемая в постмодернизме презумпция «жертвования смыслом» является отражением актуальной исторической тенденции жертвования мышлением. Торжествует *иное мышлени(е)я* (постмодернизма). Информация. На долю людей все больше остается ее поиск, сортировка и «трансфер». Они попадают в обстоятельства, где все известно и где для достижения ответа достаточно правильно задать вопрос. Креативный универсум на(по)чинает функционировать как бы в параллельном измерении, а человек – это табло, на которое выводятся результаты безличной и внесловесной рациональной активности. «Смерть творца»! Старомодных живых творцов это беспокоит. Нобелевский лауреат по физике академик А. М. Прохоров перед смертью (прощальные беседы) сказал, что «интернет несет гибель уму» и что нынешний характер познания его удручает. Он не говорил о «конце науки», но толки о нем возбуждаются именно подобным ходом событий. Постлогоцентристская наука воспринимается как постнаука. Для искренних сциентистов это удар из-за угла поистине ниже пояса (по голове). Трагическая диалектика настигла сам чистый логос, когнитивное знание: «явление само развивает в себе элементы, которые его погубят» (Г. Гегель). Хотя не все так мрачно. «Ученые готовы воплотить в неорганическом материале принципы, на которых работает человеческий мозг и научить его делать то, что человек не умеет или не хочет. И правильно. *Пусть нейрокомпьютер думает над*

нашими проблемами – он железный (*курсив не мой!*). Нейрокомпьютер не только снимает с человека бремя мыслительной деятельности, но и помогает ему познать самого себя»[1].

Не должно быть никаких шуток насчет того, что автор уже сбросил с себя непосильное ему бремя мыслительной деятельности или что это проявление его персонального идиотизма. Все гораздо серьезнее. Он воспроизводит идеи и планы участников VIII Всероссийской конференции «Нейрокомпьютеры и их применение» (Москва, 2002). От логоса к матезису! Вслед за интернетом и AI логоцентристское научно-теоретическое мышление идет на убыль в среде их создателей и пользователей. Не говоря о трансцендентном, феноменологическом, экзистенциальном. Людей все меньше занимают цели, смыслы и ценности, отдаленные последствия собственной деятельности. Главное – действовать. Чтобы вычислять. И вычислять, чтобы действовать. Из «фабрик мысли» университеты превращаются в «фабрики информации», а лучше в универсамы по ее рекламе и продаже. В «предпринимательские университеты», тоже лучше принимать через ЕГ-тестирование: не рассуждайте, а выбирайте (уму непостижимо, сколько пришлось потратить сил, чтобы пробить сопротивление этой реформе консерваторов от образования. Они все еще думают, что студенты должны «думать»; а есть фундаменталисты, которые до сих пор твердят, что школа должна воспитывать и развивать личность). Происходящая во всем мире реформа образования является выражением его превращения из феномена культуры в фактор экономики и технологии. Дабы готовить не личностей для социума, а агентов для техноса. Перевод проверки знаний от живой беседы с педагогом к тестированию – это прямой заказ и следствие компьютеризации образования. Так называемое «дистанционное образование» – это компьютерное образование. Если машины учат, то они должны и экзаменовать, формируя соответствующий себе способ мышления. Инструментальный, сортировочный, рубрикаторский. Говоря грубо, мы глупеем. Не просто эмпирически, а структурно, по характеру отношения к миру. Но в силу самой природы глупости, мы этого не замечаем. Провозглашая идеалом, высшей целью потребительского развития современной цивилизации комфорт, «удобство для жизни», человечество тем самым признает, что готово глупеть: это облегча-

[1] *Меньшов К.* В сетях мозговых извилин (Ваши деньги и ваше здоровье под контролем нейрокомпьютера)//Поиск, 2000. № 18–19. С. 12.

ет жизнь. Его технологизированному миллиарду угрожает прямая деградация до состояния рая: «невыносимая легкость бытия». Недобытие. Пустое – невесомо. Странное на первый взгляд утверждение М. Хайдеггера «наука не мыслит» сбывается как повседневность. Хотя не мыслит – по разному. Если фундаментальное познание под подозрением в избыточности, отраслевые исследования ставятся под сомнение фактом их компьютеризации, то философию едва терпят, и то в качестве служанки науки. Есть люди, социальные группы, у которых когда-то высокоценимая мудрость вызывает мозговую аллергию, и вместо философии как любви к мудрости, они исповедуют фобософию – ненависть к ней. С этого починается (entamer) общая логика постмышления, в конце которой, правда, опять появляется логика: «сетевая». Но чтобы не запутаться в ее сетях, целесообразнее, по-видимому, говорить об информационно-сетевой рациональности как оптимальной форме функционирования технологических систем и сетей. Их самих. Об авторациональности. Рациональность может быть всякой, в том числе безментальной, постчеловеческой. Собственно человеческая рациональность – продукт его жизненного мышления, обусловленности «наличием». Она, в конечном счете, – словесно-логическая, «телесная». *По бытию.* И в этом смысле – «по определению». *Нужна логодицея!*

Трансгрессия «от логоса к матезису» как результат движения от вещей к слову, от речи к тексту, от поэзиса к дискурсу лишает иллюзии тех технократов, которые верят в компьютерную реинкарнацию и готовы, «сдав» живого, смертного, телесно-духовного человека, остаться (с) вечно бродящим по Сети чистым бессмертным Разумом. Не будет такого разума. Человеческий разум сущностно связан со своим субстратом и как уникальная система не может быть воспроизведен ни на каком другом. Разум на другой основе, может быть, где-то был или есть, но нашим – не будет. Присоединившись к нему, мы ничего бесконечности не добавим, а лишь убавим – себя. «Человек без свойств», человек, от которого остался сначала «разговор», а потом «письмо», теряет свою самость, идентичность. Тенденция к замене антропологии персонологией данный процесс усугубляет. Персона-то без содержания. Характерно, что в транстмодернизме проблема идентичности заменяется проблемой идентификации, т. е. маркировки, отличения одного разговора от другого. Но все это тексты, сливающиеся в одну сплошную информацию и игру топологических форм. Характерно, что наиболее одиозный адепт компьютерного сознания

Д. Деннет собственно человеческое сознание сравнивает с «fame», что в контексте означает мимолетную известность, недолговечную славу, «дым». Это очевидная репродукция с картины плывущих от одного угла экрана монитора к другому, трансформирующихся и где-то за ним исчезающих геометрических фигурок – сингулярностей. Се – человек.[1] На Земле возникает своего рода мыслящий океан Ст. Лема, представительство которого, усиливая свое влияние, превращает ее в другую планету. Инопланетяне среди нас! Они пришли. И концептуально атакуют, перерождая, подобно вирусам, наше сознание. Борьба с реальностью как «присутствием», всем, что на него опирается, из него произрастает, сначала с Мифом, потом с Софией (Софосом), вплоть до Логоса – это борьба за его дигитализацию и новое, постчеловеческое присутствие. За реальность нашего, тех, кто считает себя человеком, отсутствия. Постмодернистская философия, будучи превращенной формой сознания, маскирует, в том числе от самих постмодернистов (исключая переродившихся в открытых врагов человечества), начавшуюся на Земле борьбу миров. Постмодернизм в целом, в широком смысле слова, включающий в себя и деконструкцию, и грамматологию, и опирающийся на них трансмодернизм т. е. как ***Инонизм** – это философско-культурологическая транскрипция информационной революции, качественное описание наступающего мира количества, словесное лишение человека слова, гуманитарная форма антигуманизма, онтология чужого и нигитология на/с/шего, идеология отказа человеческого вида от продолжения своего рода*. Инонизм – это инонизм (церебральный).

* * *

Так в борьбе и противоречиях (раз)решается «основной вопрос» философии в его вековой, тысячелетней форме. *Практически*. Одна-

---

[1] См. статью: *Д. Деннет*. Почему каждый из нас является новеллистом? И комментарий к ней, подробный и основательный, но без «самости» – совершенно не критический: Юлина Н. С., Деннет Д.: самость как «центр нарративной гравитации» или почему возможны самостные компьютеры? // Вопросы философии. 2003. № 2. Когнитивистское теоретизирование можно считать «деконструкцией по-научному». В нем происходит смыкание аналитической философии и гуманитарного постмодернизма. Смыкаются на реконструктивном замещении человека и его мира информационно-техническим интеллектом.

ко если брать не тенденции и экспоненты, а сегодняшние конкретно-исторические обстоятельства, т. е. говорить не о постмодернизме, а о постмодерне, когда еще не все стало информацией, то мы видим, что монизм и субстанциализм заменяются полионтичностью и континуальностью, гомогенная простота гетерогенной сложностью. Оппозиция материального – идеального, бытия – зеркала снимается «всеобщей реальностью возможных миров». Время метафизики – время единого и единственного, соразмерного человеку мира. Но в XX веке возникли микро, мега, виртуальные, параллельные и другие возможные миры. Они *действительно возможны*, ибо реальны. В том смысле, что открытые, окликнутые, созданные человеком, они могут существовать без него. Объективно. И действуя на нас, трансформируя, вовлекать в себя, так что виртуальная реальность (ВР) становится реальностью виртуального (РВ), хотя, за исключением породившего нас, они не бытийны, ибо человек как целостное существо в них «не вмещается». В них можно действовать, но не жить. *С появлением возможных миров реальность перестала совпадать с бытием*. В этом принципиальный смысл «всех революций» XX века и причина перехода к постметафизическому отсчету времени в философии. Бытие – такая реальность, в которой сохраняется тождественность сущего самому себе. Для нас – это Dasein. Любое сущее имеет «горизонт бытия» как свою подвижную границу, нарушая которую – трансгрессируя, оно исчезает. Остальные миры для него реальны, но они – иные. «Пусты(ня)е реальности» (С. Жижек). *Реальные ничто.*

Парадигма полионтичного континуума, давая возможность оторваться от исторической, уже не соответствующей современному положению человека философии, способна противостоять ничто, порождаемому экспансией потенциализма и ВР. В процессуальном плане ей соответствует концепция коэволюции, предполагающая взаимодействие, сотрудничество и борьбу миров. Если метафизика пришла к универсальному эволюционизму, возгоняющему все сущее к какой-то абстрактной точке, то коэволюция предстает как пересечение, наложение друг на друга разных форм реальности в ходе их общей эволюции. (Абсолют не как личность, а как абстрактная точка, Омега или другая буква, знаки, в сущности, суть *обозначение* ничто). В концепции полионтичного континуума универсальным статусом обладает коэволюция, а однонаправленные эволюционные процессы есть ее «отрезки» в виде того или иного возможного мира. Это динамическая, синергийная проекция континуума. Взаимодей-

ствие разных миров порождает нелинейность и неопределенность развития, бифуркационные состояния и изменения его направления, о чем на гуманитарном языке говорят как о наличии в нем свободы. Принцип взаимодействия миров предполагает терпимость к историческому уровню, темпам и законам развития каждой отдельной формы реальности. Отсюда значит, что мы не можем помешать части человечества переходить в «мир иной», подвергаться виртуальной и прочей эвтаназии, если это осознанный выбор или несчастье, павшее на индивида по его собственной вине. Задача ответственного философствования (когда философия кому-нибудь нужна) в том, чтобы не допустить обмана, изгнания людей из жизни по чужой воле, в результате агрессии тех, чье сознание уже похищено силами искусственного. Скольжение к ничто, к самоотрицанию в значительной мере питается пост(транс)модернистской идеологией и другими, пусть новационными, сложными, методологически выверенными, но в силу глухоты ко всему, кроме себя, бессмысленными формами мысли (когда философии не нужен никто). В них выражаются абиотические тенденции ноотехносферной цивилизации, ее переход не просто в постличностное, а действительно в постчеловеческое состояние. От humans к nonhumans. Все «смерти» – Бога, автора, субъекта, человека, все «пост» и «транс» – от бытия и природы, до логоса и науки – служат *сотворению пустоты*, освобождают место для торжества бессмертной технологии как «позитивной смерти» человека. Выжженная земля, разбросанные камни взорванного фундамента и дымящиеся развалины деконструированного предметного и духовного миров, трупы Бога и людей... «И вот (вот-бытие, Dasein, присутствие – *В. К.*) – зола». (Ж. Деррида). Шагая по Концам Бытия ,трансмодернизм ведет нас к светлому будущему Иного. *Иное – это небытийная реальность*. Это то озадачивающее комментаторов «абсолютно внешнее», к которому «отсылает» непрерывное Становление Ж. Делеза. Так реализуются великие утопии: вместо небесного царства или коммунизма – инонизм.

Помимо прямых идеологов гиперискусственного, больше всего озабоченных «дискриминацией компьютерного интеллекта» и трактующих человека как «переходное состояние» к нему, на философско-мировоззренческом фронте отмечаются попытки совершить «переворот миров», сделав это скрытно, незаметно, в том числе от себя, и перепутывая бытие с небытием, присвоить статус «первого», «нормального», «константного» – цифрровым и виртуальным – Сети. Придать ей статус Матрицы. Публикуются тексты с заголовками

типа: «Иносознание», «Книга как чужой», «Сам как другой» и т. п., где иным объявляется живой социально-исторический человек, его предметная среда и неинформационная духовная культура. Люди – иные, а сингулярности, персонажи, гуманоиды, киборги – нелюди – настоящие. Тот же Славой Жижек пишет о границе, которая отделяет сегодня «дигитализованный первый мир от пустыни Реального третьего мира», хотя одновременно критикует Запад за его пустоту. Нельзя также исключить, что не найдутся теоретизаторы, способные проблематику другого, как она рассматривается в диалоговых подходах, в бахтиноведении и в философии альтруизма, когда «другой» – свой, отождествить с иным, как чужим. Подобную путаницу, бессознательные перверсии и сознательные подмены надо видеть и раскрывать. При этом не стоит торопиться принимать абстрактно-логические возможности за реально свершившиеся события – временная аберрация, обычно аранжируемая праздноумием и риторикой. В «Литературной газете» под рубрикой «Ацефал» (безголовый), воспроизводящей название журнала Ж. Батая, широкой общественности (газета) предлагается «Новая программа философии»: «Если человека и мира больше нет, выходит, они не так уж значимы в последнем счете, выходит, можно и без них. Выходит...

Я выдвигаю новую программу жизни: *смотреть на то, что вокруг нас, не щуря глаз, не оборачиваясь назад*. Обреченность, от которой человек пытался укрыться, настигла нас в последний момент истории. Хорошо же, мы поняли урок... В бессердечном замаскированном космосе мы должны строить новые плотины жизни, доставая искры присутствия из-под последних скорлуп взятого в кредит прозрения...

Новая программа философии состоит в том, чтобы упорно идти вперед, когда пути нет и не может быть».[1]

Программа(!), призывающая сломя голову и не оборачиваясь, то есть в шорах, с открыто закрытыми глазами, идти туда, не знаю куда, не заслуживает аналитической полемики. Печально, что известный и когда-то твердый традиционалист кончил таким «постмодернизмом». Или провокационно довел его до абсурда?

Все это лишний раз подтверждает, что при встрече с Иным люди не должны поддаваться пессимизму, бессознательному убеждению в отсутствии у нас выбора, настроению, что в его образе за человеком

[1] *Дугин А.* Новая программа философии//Литературная газета. 2003. № 4. С. 4.

пришла Смерть. Линейный детерминизм стал главным оружием нашего разоружения перед лицом экспансии (ре)трансформ. Особенно склонны к нему либеральные борцы за свободу от культурных ограничителей, содержащихся в религии и морали. Да, теперь мы «не одни». Кроме Homo sapiens естественного развертывается Computer science искусственный. Однако разве после появления жизни царство минералов распалось? Или ее последующая эволюционная волна стирала с лица Земли всех предшественников? «Бог умер», когда возник научный атеизм и религия потеряла монополию на духовную жизнь. Но люди до сих пор не стали и скорее всего никогда не станут научно-теоретическими. Они верующие, суеверные, иногда любящие, интуитивные, эстетические, символические и т. д. «Человек умер», «мир погиб» – эти панические оценки обусловлены прогрессистской логикой монистического, пирамидального мышления. В его основе дилемма: все или ничего. Как экстраполяция одной из тенденций исторического развития оно правильное, но по отношению к сложной целостности мира, а точнее, миров – дезориентирующее. Позитивное значение постмодернизма, особенно деконструктивистского этапа, в том, что он «раскачал», сломал инерцию прогрессизма и поставил вопрос о новой парадигме мышления. Негативное – что будучи духовным выражением иного, он несет в себе собственную, еще более прогрессистскую, ультрапрогрессистскую интенцию, при том, не ведая, что творит или творит злонамеренно. Проектируемая трансмодернизмом «новая позитивность посткритической эпохи» относится к нигитологии. Она позитивна для постчеловека. Действительно позитивная философия выживания должна рассматривать постмодерн как часть, течение, подчиненное антропологической онтологии Dasein. Общая философия эпохи или, если так надо, «Новая программа», «Метафилософия», «Посткритическая парадигма» должна, включая в себя философию иного как отражение техно-информационной темпогенной реальности, вырабатывать стратегию и тактику взаимодействия с ней. Где надо – борьбы. Со страстной нетерпимостью ко всему, что умаляет жизнь. *За «высокий» фундаментализм → традиционализм → консерватизм → феноменологизм → гуманизм.* Этот подход позволяет осуществить полионтическая парадигма. Бытие, в отличие от возможных реальностей, невозможно редуцировать к чему-то другому, даже более высокому. Оно самоценно, «цель в себе», хотя длится во времени, но сколько, зависит от того, как его берегут. Как сохраняют человека, расставляя точки над И-ным.

ГЛАВА V
ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ XX–XXI ВЕКА: НАЧАЛА И КОНЦЫ

1. Воскрешение основного вопроса философии

Как? Опять за своё – воскликнет (или уже воскликнул) прогрессивный российский философ, прочтя заявление о намерениях автора. Едва успели зарекомендовать себя постмарксистами, а в образование вошло, с большим трудом, новое поколение учебников «без вопроса», как нас опять хотят уверить в его существовании и в том, что философия без этой вечной темы обойтись не может. Опять реабилитируется монистический догматизм или, говоря современным языком, центризм, в то время как кругом новации, коммуникации, вероятности и плюрализм. В теоретизировании, наконец, начали пользоваться терминами все более обширного постмодернистского репертуара, из которых бесстрашно комбинируются тексты про «отсутствие», «трансгрессию», «смерть автора» и т. д. – и что? Рецидив консерватизма! Нас тащат назад.

Конечно, здесь нужно оправдание.

Рискуя падением в банальность, подтвердим, что для философии вопрос «что первично» действительно вечный. Потому что задает смысл её предмета. Это интерес к причинам, генезису и субстанции мира, его «архе», «causa sui», т. е. предельным основаниям. Как и к предельным целям, перспективам, судьбе всего сущего. Это: «почему существует нечто, а не ничто», проблемы Бытия, Абсолюта, Прошлого и Будущего, влечение к которым является отличительным свойством до, вне и мета(физического, научного) мышления или философствования как самоценной бытийно-миросозерцательновоззренческопроективноконструктивной формы человеческого духа. Основной вопрос и метафизика стоят и падают вместе. Его принятие или отвержение тождественно принятию или отвержению более чем двухтысячелетней истории метафизики как традиционной классической философии и признанию или непризнанию права на её дальнейшее существование. Частично это уже его решение, «ответ», от которого нельзя уклониться. Любое мышление о предельных основаниях догматично, теоретически аксиоматично, неверифицируемо. Его

исток глубже самой мысли, это природно-социальные детерминанты и ценности, выбор, неважно, стихийный или рефлексивный. Философия без основного вопроса поверхностна, ограничена научностью, фактически её нет. Только будучи укоренённой в жизни целостного духа, мысль получает философский импульс, обретает способность к «центрированию» – направляет и организует сублимированные из себя абстрактно-логические дискурсивные формы.

Хотя основной вопрос, пока существует философия, вечен, его содержание исторически менялось. Метафизика не антипод диалектической сложности мира, она воплощает в себе его противоречия и трансформировалась вместе со сменой этапов развития человечества. Бытие отождествлялось с Единым, в которое включается «Всё», с Природой, порождавшей дух, или Духом, отчуждавшим от себя природу. Это вопрос не только философский, но и религиозный, обсуждающийся теологами в виде отношений Бога и мира, творца и твари, души и тела, «того и этого Света». В Новое время на первый план выдвинулось взаимодействие объекта и субъекта, Я и не-Я, внутреннего и внешнего или, как в марксистской философии, материального и идеального. Вина марксизма в том, что эта, пожалуй, наиболее распространённая и ёмкая формулировка основного вопроса признавалась (независимо от его решения), эталонной, наконец-то истинной как для объяснения прошлых перипетий борьбы Земли и Неба, так и при рассмотрении любых возможных философских проблем. Она больше не допускала заблуждений и права на новые трактовки, обусловленные хотя бы тем, что менялось само представление о материи, появился «научный», «функциональный», «бестелесный» материализм, а сознание претерпевало физикализацию, бихевиоризацию, возникли понятия сверхсознания, бессознательного и т. д. Впрочем, это обычная вина всех классических теоретических систем (вспомним Гегеля), вытекавшая из веры в существование абсолютной истины и усугублённая ролью марксизма как идеологии самого мощного в человеческой истории социального движения.

Всё это так, однако, «отстань, мне недосуг считать твои вины» скажет средне-, тем более совсем прогрессивный читатель-философ в ответ на оправдательные аргументы сторонников метафизики, тем более марксизма. Если они и имеют к чему отношение, то к состоянию философии до XX века. Или раньше, до возникновения позитивизма, которым, как известно, к концу своей теоретической деятельности начал грешить сам «изобретатель» основного вопроса Ф. Энгельс.

Пафос позитивизма в отказе от онтологии, а как следствие, и от гносеологии в её философском смысле. Такова неумолимая логика развития человеческого разума. В XX веке она стала определяющей. Конечно, были М. Хайдеггер, Н. Гартман, но это лишь острова, хотя и большие, непрерывно размываемые океаном научного познания, логического анализа, языковых игр, структурализма и семиотики. Был и скрылся в его волнах экзистенциализм, барахтаются, перерождаясь в свою противоположность, герменевтика и философская антропология, первая – в декодирование текстов, вторая – в персонологию и гуманологию. Фундаментальную онтологию М. Хайдеггера, можно сказать, «задушили в объятиях» – цитированием, сделав приставным носом к чему угодно, лишая тем самым принципиальной значимости. Всё это – зарастающие травой забвения просёлочные дороги мысли.

Старик Гегель, «последний метафизик», утверждал, что действительным бытием обладает не то, что существует эмпирически, а то, что разумно, т.е. фундировано объективными тенденциями. Эта разумность сейчас на стороне Технического Разума. В мире есть природа, дикие животные, аграрное хозяйство, среди человеческих сообществ встречаются племена, члены которых бегают в набедренных повязках или без оных, но не они мчатся по скоростному автобану истории. Наука и техника, урбанизация, микромиры, космос, генетика, информатика, виртуальные реальности и нанотехнологии – вот что определяет нашу жизнедеятельность. Так и в сфере рефлексии, в формах социальной и индивидуальной мысли. Философия как метафизика вытесняется на обочину развития. Утрачивая непосредственно созерцательные связи с предметностью, она лишается эмпирического основания, гносеологизируется, теоретизируется, рационализируется. Становится «научной», в остаточном случае – философией науки. Это характерно уже для эпохи модерна, активного преобразования и обработки окружающей среды, её объяснения, потом – изменения, и настолько, что наши органы чувств, а потом и «безоружной» мысли, больше в ней не ориентируют. Время философии – время познания макромира, реализма, соизмеримости тела и сознания человека с масштабами воспринимаемоего, их феноменологической адекватности друг другу. И оно прошло, уходит. Философия как метафизика – это двухтысячелетняя фундаменталистская парадигма традиционного мировоззрения, которое, в сущности, потерпело крах.. Существует, но не действительно.

В эпоху постмодерна, наступившую в результате информационной революции и несмотря на сопротивление консервативных сил за-

воёвывающую всё новые и новые сферы жизни, деконструктивизм и элиминативизм, как её идеология, прямо направлены на преодоление философии. На её замену технологиями, как, впрочем, и других форм духовной жизни. В этом историческая роль, предназначение постмодернизма. Борьба с «присутствием», обоснование смерти автора, субъекта, человека, отказ от бинаризма и монизма, антиплатонизм и антигегельянство как концепты для выражения тотального антиэссенциализма, изгнание «из дискурса» как природы, так и её зеркала, сознания, как Бога, так и знака – вот главные темы и цели деконструкции, её смысл. Перевод всех форм бытия в состояние «пост», итогом которого должно стать возникновение нового мира как единственной «реальности Знания». Современная, работающая, производительная, а не абстрактно-схоластическая мысль это – антионтология, это – антигносеология, это – антиаксиология. Продуктивна методология и её практическое выражение – технология. Цепляться в таких условиях за «основной вопрос», говорить о воскрешении метафизики могут только полностью глухие к духу времени люди. Их взгляды – пережитки донаучного прошлого То же самое, как вместо «желания письма» желать пересадить человечество из автомобилей в кареты с кучером и, понукая «цоб-цобе», предлагать программистам пахать землю на компьютерах. Нет, никакой «архе»-аики, никаких спекулятивно-онтологических споров о том, что вечно и первично: материя или сознание, бытие или ничто, – больше не надо. Обойдемся без «Бытия».

Так думал молодой прогрессивный российский философ, читая новую гуманитарную литературу, в основном переводную, в основном с французского. Но что это? Новейшая, издаваемая после 2000 года литература, пошла куда-то не в ту сторону. На XXI век объявлен пост-постмодернизм (after-postmodernism), и, словно издеваясь над критиками гегелевско-марксистской диалектики, в развитии мысли происходит буквальное, типовое отрицание отрицания. Возврат к прошлому на новом уровне. В аналитической философии процесс самоотрицания начался несколько раньше, в 70–80-е годы. Она перестает избегать онтологических утверждений и прямо заговорила о необходимости «реабилитации метафизики» (П. Стросон), «переоткрытия субъекта» (Д. Сёрль), «реализма с человеческим лицом» (Х. Патнем). Несмотря на подобную приспособительную активность к «вновь открывшимся обстоятельствам», сейчас её теснит более органичная им эволюционная эпистемология, включающая проблему

человек-среда непосредственно в своё концептуальное ядро. Внешние отношения двух самостоятельных сущностей трансформируются в ней в отношения замкнутого кибернетического контура, когда окружающей среды нет, ибо человек не вне её, а они взаимодействуют внутри единого целого. Это дополнительный принципиально новый посыл для пересмотра, продолжения и развития основного вопроса философии.

Но мы все-таки «континенталисты», у нас философская рефлексия больше развита над гуманитарной сферой, о которой и пойдёт речь. Происходящие здесь события вызывают просто изумление. Деконструкция приказала долго жить. Лозунг «воскрешения субъекта» становится расхожим, своего рода рубежным знаком завершения «классического» постмодернизма, его трансформации в пост-постмодернизм. А где субъект, там и объект. «Складка» разглаживается, вернее, разрывается. Крупнейшая фигура в современной французской философии, младший коллега Ж. Делёза Ален Бадью в 1997 году издает книгу: Deleuze «La clameur de l' Être». Если перевести буквально, то это: Делёз «Крик о бытии». В русском переводе она вышла как: Делёз «Шум бытия». М., 2004. (Всё это словесные танцы вокруг «Зова бытия» М. Хайдеггера. Может, так бы и назвать?). Философия Ж. Делёза рассматривается в ней как посвящённая Единому(?). И это та философия, в основу которой вместо тождества (единства) впервые в истории человеческого духа было положено – принципиальный подрыв классического мышления – различие и повторение. Тем не менее, провозглашение возврата к бытию – главная идея новой трактовки философии. Сам А. Бадью отнюдь не ограничивается интерпретацией Ж. Делёза. Он воскрешает основной вопрос философии для собственного решения. «Что означает «мыслить»? Нам известно, что во все времена это был центральный вопрос философии. Нам известно также, что речь идет о нахождении ответа на другой вопрос: что такое Бытие? И, наконец, нам известно, начиная с Парменида, что, какова бы ни была концептуальная разработка этой связки или ответ на вопрос о Бытии, мы необходимо придем к возможным вариантам одного высказывания: «мыслить и быть – не одно ли и то же?»[1] Параллельно, дуплетом, выходит книга другого континентального авторитета Ж.-Л. Нанси: «БЫТИЕ Единичное Множественное». Минск, 2004, текст которой «не скрывает амбиции

[1] *Бадью А. Делез.* Шум бытия. М., 2004. С. 107.

переделать всю «первую философию» (реклама на обложке). И, наконец, открытый нигилист и прагматик, ниспровергавший не только природу, но и вдребезги разбивший её зеркало, Р. Рорти задаётся вопросом, что такое основной вопрос философии, формулируя его крайне фундаменталистски: «Это вопрос, к которому мы всегда будем возвращаться, вопрос, на который мы уже ответили, прежде чем ответить на другие вопросы»[1].

Пожалуй, достаточно. Зрелище позитивистов, деконструктивистов и постмодернистов, ползущих на коленях в Каноссу метафизики, не для слабонервных, скорее для богов. Но вот озадачивающий парадокс: ползут они вовсе не с покаянным видом, *не как консерваторы*, а как новые новаторы, с гордо поднятыми головами, наконец-то правильно (апелляция к истине обычно сохраняется у самых неистовых её гонителей) интерпретирующие суть и развитие философии не просто в XX веке, но ab ovo. Поистине, не успеваем менять кожу. Себе и миру. Какой-то интеллектуальный калейдоскоп, разрушающий любой смысл. Да сам-то автор, может заметить прогрессивный философ, sic et nuns умудрился продемонстрировать по крайней мере четыре отношения к основному вопросу философии: то над ним иронизировал, то оправдывал, потом, солидаризуясь с постмодернизмом, отверг, а теперь хочет показать, что приверженец последней моды. Ответим: так упрекать нас могут люди «не слезшие с дерева», чья мысль монистична, логоцентрична, ограничена движением по дедукции-индукции. Мы же философствуем в кустах, в райских кущах, кругом «ризома», лабиринт, текст и гипертекст, когда «возможны варианты», которые, для начала, надо видеть. Потом можно сделать выбор. К воскреш/с/ению важно *прийти* и прежде чем на труп бытия брызнуть живой водой, его надо собрать, сложить, брызнув водой мертвой. Срастить разорванное тело философии не внешне, а духовно и, имея в виду все главные линии гипертекста, искать нужную с максимально полным знанием обстоятельств и ответственностью перед человеком. Если это делает ещё человек.

---

[1] *Rorti R.* Moral universalism and Economic Triage//Materials of UNESCO Philos 173 (Spring, 1996). P. 3.

2. Структурно-лингвистический поворот: отказ от бытия и субъекта

Для современного мышления, если оно стремится к пониманию, а не запутыванию (иногда бессознательному, из боязни драматического итога) проблем, хочет быть жизненным, а не игровым, актуально преодоление актуализма. В новационную эпоху доминирования прагматизма и технологизма, давление нового так сильно, что всё бывшее и существующее, прошлое и настоящее превращаются в средство для будущего. Прежде всего история. Тон задают антиисторизм, презентизм, ориентация на «нарратив», подразумевая под ним свободу от поиска истины. Если факты не удается переиначить на злобу дня и потребления, они игнорируются. Да и что есть истина, факты? Их нет. Особенно это относится к «фактам сознания», к жизни человеческого духа, культуры. Дело дошло до лозунга: «забвение важнее памяти». Под аккомпанемент разговоров о мультикультурализме и толерантности, сегодняшние ценности становятся единственной мерой, прилагаемой к тому, что было. О герменевтике, контекстуализме говорят, «точат ножи», но почти ничего не режут. Это нудно, трудно и не приносит выгоды. Провозглашая преодоление натурализма в трактовке познания, его непременную социальную обусловленность, те же теоретики зачастую смотрят на своих предшественников как на существовавших в асоциальном пространстве и мысливших единственно «из головы», при том непрерывно ошибавшихся. Как на несмышленышей. «Выдумки Платона», «Декарт не отдавал себе отчёта», «Гегель мистифицировал» и т. п. Дело дошло до призывов смотреть на великие философские учения так же – как мы смотрим на мифы и сказки. Философия, её история – не кладезь мудрости, а свалка заблуждений. Да вся она шла куда-то не туда. Этот циничный, безоглядный, без(д)умный эгоцентризм не доведет цивилизацию до добра. Он делает глупыми нас, с серьёзным видом утверждающих, что первым постмодернистом был Лао Цзы, Адам и Ева после искушения змием тут же занялись деконструкцией, значение Иисуса Христа в том, что он служил Главным Распределителем Информации в древнем мире, а Бога-Отца надо считать Верховным Программистом Вселенной и т. п. поверхностно аналогизирующую новационно-энтузиастическую чепуху, – нас, а не предшественников. Остерегаясь подобной печальной участи, нужно с уважением относиться к противоречиям развития, видеть их объективную укоренённость в истории,

избегать подмены их смысла и прилагать специальные, сознательно отслеживая, усилия, чтобы не соскользнуть в актуализм.

Исторический подход к метафизике заставляет сказать, что она возникла на руинах Бытия, понимаемого как «Всё» – Дао, Атман, Бог – и сознания, представляемого как его проявление, «просвет» – трактовка, к которой призывал возвратиться М. Хайдеггер в проекте «возвращения к бытию-в-мире», к истокам (от метафизики к поэзии и мифологии). В метафизике сознание обретает самость, становится субъектом, а бытие, соответственно, объектом. Возникает отстранённая от человека «картина мира» и бинарная проблема «и»/«или»: соотношения природы, материи, протяженного, не-мысленного («нонсенса») и духа, сознания, непротяженного, мыслимого (смысла). Её содержание и трансформация определяет парадигму классического философствования. В формулировке «основного вопроса» важно, не соблазняясь модернизацией, проявить твердость. Бытие – это то, что не мышление, материальное – то, что не идеальное, объект – то, что не субъект, тело – то, что не душа. И наоборот. Метафизическая парадигма находит оппозицию Бытию, даже если им продолжают обозначать «Всё». Это – Ничто. Ничто (отрицание, нет) есть коррелят сознания, «дырка в бытии», всё-у-ничто-жающее время. «Бытие и время», «Бытие и ничто» – самые знаменитые формулировки основного вопроса философии в XX веке. А самой продуктивной методологией его решения *в рамках метафизической парадигмы* была и остаётся диалектика.

Великое историческое значение структурно-лингвистического поворота в философии в том, что эта парадигма отбрасывается. Ответ на её основной вопрос был, наконец, найден, дан: ликвидация. Это был «Endlösung» – окончательное решение: полное уничтожение категориального аппарата с его основами, аналогами, синонимами, транскрипциями. Все эти понятия: бытие, вещь, материя, субстанция, субстрат, абсолют, сущность, онтология, означаемое и т. п. с одной стороны, и субъект, автор, душа, внутреннее, сознание, психика, гносеология, истина, означающее и т. п. – с другой, а также, естественно, Бог и Человек были отправлены в отставку. Поворот настолько крутой, что его вполне можно назвать революцией (потом так и назовут, правда, под другим именем). На смену изгнанным философско-метафизическим понятиям пришли: отношение, структура, функция, язык, текст, организация, знак, дискурс, смысл, логос, коммуникация и т. д. Это не третья линия как некая найденная «золотая

(презренная) середина» между бытием и ничто, материей и духом, объектом и субъектом или между онтологией и гносеологией, эмпиризмом и рационализмом. Нет, это другая модель мира или, быть может, модель *Другого мира*.

Было бы легковесно считать, что структурно-лингвистический поворот, приведший к отказу от метафизики, не имел в ней своих корней. Хотя их не стоит слишком заглублять, как актуалистски делают его представители, объявляя, что мир был структурой и языком всегда, только об этом не знали. Указательный столб со стрелкой поворота, правда, без надписи, вкопал И. Кант. Он оставил от бытия как не-мышления «вещь в себе», лишив его тем самым присутствия в знании. Не отбросил, но «капсулировал», сделав принципиальные пол-шага к чистому знанию и пробив брешь в онтологии, через которую в крепость метафизики ворвался позитивизм. Последовательно продолжая эту линию, неокантианцы (Г. Коген), учитывая, что о вещах в себе ничего сказать нельзя, отбросили их вообще. В результате, существование познания, гносеологии и эмпирического субъекта потеряло смысл. Они остались, но без работы. Неокантианство истончило, почти растворило границы метафизики, однако не вышло за пределы её парадигмы. Структурно-лингвистическое, семиотически-языковое здание мира без Бога, природы и вещей, психики и человека, мира чистого Логоса конструировалось и строилось на базе других теоретических дисциплин из более подходящих ему материалов.

В раскрытии принципиального смысла поворота метафизики к своей смерти можно опираться на разные понятия. Думается, что наибольшей объяснительной силой обладает сопоставление категорий «вещь» и «отношение». Наличие вещей, их вычленение из окружающей природы предполагает её чувственное восприятие и практическое преобразование человеком как целостным телесно-духовным существом. Вещи эмпиричны и даже их идеальные образцы, копии, эйдосы опираются на предварительное восприятие, представления и во-ображ-ение. Их предельное обобщение в категориях субстрата и субстанции все равно несёт следы конкретных, тождественных себе сущностей, родимые пятна «немысленного», «нонсенса» – бытия. Только отношения являются чистыми, строгими и могут мыслиться без примесей материального. Со-от-носить – вот суть мышления и языка как его внешней оболочки. Логизируя, тем более вычисляя, разум берёт феномены независимо от их субстрата. «Мы глубоко убеждены, – писал Ф. де Соссюр, – что любой, кто вступает в область

языка, должен сказать себе, что все возможные аналогии с земными и небесными явлениями надо отбросить»[1]. «Любой языковый факт представляет собой отношение, в нём нет ничего, кроме отношения... У языковых сущностей нет никакого субстрата»[2]. Фундаментальный закон языка «один член никогда сам по себе ничего не значит» переносится на понимание всей человеческой деятельности, а потом и универсума. Он обнаруживается в системах первобытного родства, в литературе, в сфере бессознательного. После устранения из реальности экстралингвистического фактора от неё остается абстрактная сетка отношений — знаки и структура. Структурно-лингвистический, семиотический поворот стал завершающим этапом в борьбе разума с сенсуализмом и эмпиризмом, с одной стороны, трансцендентным и духовностью, с другой. Если до него в познании шли процессы рационализации мира, то на «постповоротном» этапе разум становится его единственным творцом.

В строительство миро-здания без природы, чувственности, Д(д)уха и С(с)убъекта, из материала мышления, языка, знака и дискурса, в вытеснение фюзиса логосом, реализма и эссенциализма реляционизмом и текстуализмом, или, другими словами, в победу структуралистской парадигмы над субстанциалистской внесли вклад все ведущие течения мировой культуры. Чтобы не быть голословными, остановимся там, где мы можем сделать это с наибольшим правом — на России, где сражение началось со взятия ключевого бастиона предметно-чувственного восприятия мира — искусства. Символом его закрытия и открытия «эпохи ничто» стал «Черный квадрат» К. Малевича. Это крик о небытии в красках. Осадными орудиями в борьбе с предметностью и образностью были так называемые формальные методы и футуристическое мировидение. «Выньте душу из груди//Наступил конец для чувства//Начинается искусство», — били прямой наводкой по классическому реализму их носители. «Долой слово-средство, да здравствует Самовитое самоценное Слово», провозгласил Велемир Хлебников. Литературное произведение, вторил ему В. Шкловский, «не вещь, не материал, а отношение материалов». Всемирно известная «Морфология сказки» В. Проппа (1928 г.) положила начало структурному анализу текстов вообще. Позднее не меньшее влияние получили идеи рассмотрения

---

[1] *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. М., 1990. С. 102

[2] Там же. С. 197.

текста как первичной реальности гуманитарного познания в работах М. М. Бахтина и в Московско-тартусской школе Ю. Лотмана. Отталкиваясь от естествознания, принципиально новую модель мира «с организационной точки зрения» предложил А. Богданов. Его тектология как «общее учение о нормах и законах организации всяких элементов природы, общества и мышления» стала фундаментом системно-структурной методологии на долгие годы. Историческая справедливость требует сказать, что непосредственно в языкознании пионерской в плане становления новой парадигмы была раскритикованная И. В. Сталиным яфетическая теория языка Н. Я. Марра. Будучи фактическим аналогом языковых игр, она грозила перерасти в общеконцептуальный структурализм на советско-российской почве. И, наконец, на излете первоначального структурализма, в период его трансформации в постструктурализм и деконструкцию, мы видим не просто теоретическое, а переросшее в социально-практическое, системомыследеятельностное движение-школу Г. П. Щедровицкого. Если первоначально его теоретизирование направлялось пафосом борьбы с «натурализмом», объективно существующей предметностью в пользу возвышения субъекта, то в апогее на первое место вышло обоснование самостоятельной, самоценной роли мыследеятельности и текста. «По сути дела, не человек мыслит, а мышление мыслит через человека. Человек есть случайный материал, носитель мышления. Мышление сегодня по случаю паразитирует на людях и двигает людьми. Мышление овладевает людьми. Это надо чётко понимать и рассматривать мышление и деятельность как особую социокультурную субстанцию... Трактовка мышления как эманации человека и человеческого сознания есть, по моему глубокому убеждению, величайшее заблуждение европейской истории. И это то, что сегодня делает нас идиотами и мешает нашему развитию»[1]. Радикальное отрицание истории философии и философии как таковой, дошедшее до отрицания науки, виной которой является связь с материальностью, что она всё ещё «естество-/по/знание», и замена их чистой игровой мыследеятельностью – «миром Касталии», доведение до предела формальных принципов рассуждений, переходящее в анализ текстов и рассмотрение коммуникации как автономной реальности, позволяет считать Г. П. Щедровицкого виднейшим представителем структурно-

[1] *Щедровицкий Г. П.* На досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. М., 2004. С. 120.

лингвистического поворота в его наиболее зрелой стадии радикального (де)конструктивизма.

Экспансия реляционного интеллектуализма, его чистоты и абстрактности шла не только вширь, но и вглубь, внутри самого логоса. Сначала язык представал как некое оформление реальности («границы моего мира суть границы моего языка» – Л. Витгенштейн), или нечто первичное, субстанциальное («не реальность строит язык, а язык строит реальность» – С. Уорф), но не был универсальным. Постепенно, однако, он стал отождествляться с реальностью как таковой («системное целое, охватывающее всю протяжённость мыслимого» – Г. Гийом). Сначала он представлялся как живой – слово, речь, parole, потом в виде системы знаков, воспроизводящей любое поведение человека, а в конце концов превратился в текст, который генетически больше не связан со своим телом – «не фонит» и ничего не отражает по определению. В этом качестве он стал «Всем». Пантекстуализм – высшая стадия лингвистического моделирования мира, завершающий этап эпохи логоса. Выявление структуры, особенно применительно к обществу и человеку, долго квалифицировалось как методологический приём ради большей эффективности познания (Луи Альтуссер). Потом она приобрела онтологический статус совокупности объективных отношений, инвариантных при внешних и внутренних преобразованиях, а в конце концов, оказалось, что это «деятельность по упорядочиванию последовательности определенного числа мыслительных операций» (Р. Барт). Что касается отказа от субъекта, то у данной операции так много авторитетных авторов, это настолько известный факт, что трудно сказать в какой очерёдности по ипостасям она проходила. Сначала как будто исчез автор, превратившись в скриптора (клиническая смерть), потом остался читатель, который, в конце концов, тоже оказался лишним. Текст не нуждается ни в поваре, ни в обедающем, он сам готовит (создает) и читает (ест) себя. Субъект или, вернее? то, что вместо него – это *самоинтерпретирующийся текст в ситуации интертекстуальности*. Очевидно одно – что отказ от субъекта сопровождался, неизбежно привёл и завершился отказом от человека. В том же направлении менялись представления о деятельности. Сначала она была «предметной» (аналог труда, ибо деятельностный подход долго развивался под эгидой марксизма), потом стала просто «деятельностью», а в итоге все кончилось мыследеятельностью. При том, упаси Боже, не в голове человека. Заблуждается тот, кто считает, что после отказа от

человека от него осталась мысль. От него не остается ни-че-го. *Отсутствие.* Мышление есть «функция места». Его элементы – пустая клетка или узел отношений как складка, складка складки (карман), точка мутации, сингулярность и т. п. Происходит этот процесс где угодно, только «не между ушами» (так теперь квалифицируют голову думающего человека, дабы этой дискредитацией подчеркнуть всю непристойность его присутствия в теоретических текстах и исключить всякий намёк на различие людей по природным способностям и личностным свойствам).

Разумеется, устранение из теоретизирования бытия и субъекта не было заказным убийством с хладнокровно поставленной целью. Полифония, противоречия, временные несоответствия, возвраты и непоследовательность вплоть до плюрализма в одной голове. Гениальными творцами, считавшими подобное дезорганизованное мышление не недостатком, а достоинством и возведшими его в норму, можно считать Ж. Делёза и Ж. Деррида. Провозглашая «презумпцию непонимания», они могли утверждать и отрицать утверждаемое в одном и том же предложении, в худшем случае – фразе, создав специфический стиль философствования, больше предназначенный для сокрытия, чем раскрытия смысла, на что у них были веские причины. Судя по их последователям, им это прекрасно удалось. Перед кончиной, оценивая содержание мировой горы публикаций о своём творчестве, Ж. Деррида сказал, что его ещё не начали читать. Уничтожая категориальный аппарат метафизики, «классики деконструкции», как правило, вуалировали это оговорками, в которых частичное ослабление и как бы самокритика отрицания производится с позиции более глубокого, «второго» отрицания. «Структурализм вовсе не является мыслью, уничтожающей субъекта, но такой, которая крошит и систематически его распределяет, которая оспаривает тождество субъекта, рассеивает его и заставляет переходить с места на место: его субъект всегда кочующий, он сделан из индивидуальностей, но внеперсональных, или из единичностей, но доиндивидуальных»[1]. Что же надо сделать с субъектом, чтобы считать его исключённым из структурной парадигмы? Истолочь в ступе? Сжечь? В дальнейшем, в других пассажах элиминация субъекта спокойно признается как обязательное условие полной замены бытия структурой и логосом с

[1] *Делез Ж.* По каким критериям узнают структурализм? / /Метафизические исследования. Выпуск 6. Сознание. СПб., 1998. С. 232.

будущим выходом за их границы, о чём мы дальше намерены вести речь. Однако прежде эти границы надо хотя бы обозначить: начало, этапы и... конец (уже? Не успели...? – Да!) структурно-лингвистического поворота в движении человечества по пути прогресса.

Если принцип реляционности определяет суть постметафизической эпохи на всём ее протяжении, то другой её важнейший принцип – синхронии, принадлежит структурализму в узком, буквальном смысле данного слова. Будучи инвариантной к любым преобразованиям системы, структура синхронична как «вода мокрая», а «камень твердый» – суждения аналитические. В ней выражаются законы функционирования и в развёрнутом виде, за пределами лингвистики, особенно в социальной сфере, структурный подход известен как структурно-функциональный. Его возникновение происходило в прямой борьбе с «аргументами»: причинностью, генетизмом и историзмом, то есть всем, что связано с диахронией. Если структура изменяется, сменяется, то под воздействием из вне, мутационно. Источника и механизма внутреннего развития, в том числе деятельностного, структура не знает. Его диалектическое описание расценивается как спекулятивное, ибо точность и научность несовместимы со становлением и процессуальностью. Борьба со временем – вот пафос времени господства структурализма.

Этап «чистого структурализма» завершается с появлением синергетики, теории самоорганизации нелинейных неравновесных сред, которая включает время в своё концептуальное видение. Синергетика сохраняет установку на отказ от бытия, углубляя её до охвата его динамических форм. Девиз «From being to becoming» (И. Пригожин), от бытия к становлению означает преодоление субстанциализма в любой, в том числе временной, процессуальной форме. Это не отказ от реляционизма, а его распространение на все мыслимые явления. Синергетика есть постструктурализм, однако не в плане отрицания его базисной основы – отношений, а снятие его синхронической ограниченности. С точки зрения реляционизма как главного признака постметафизической парадигмы, постструктурализм правомерно считать гипер-ульта-сверхструктурализмом. Вобрав в себя достижения структурализма, синергетика пошла дальше, решая проблему преодоления бытия как такового. Отказа от самого его принципа. Теория неравновесных нелинейных сред исходит из небытия = хаоса = пустоты = вакуума = пробела = 0 – из Ничто. Это не просто «организационная теория природы, общества и мышления», а теория

их самоорганизации. Всего из ничего. Таков принцип творчества как объективно развертывающегося процесса, радикального конструктивизма, из-мышляемого и из-обретаемого искусственного мира. Став парадигмальным, «эпистемой», он включает в орбиту своего объяснения не только искусственную, но и естественную реальность. Универсализируется и абсолютизируется. Постструктурализм – высшая стадия развития постметафизической парадигмы, после возникновения которого структурно-лингвистический поворот остаётся за поворотом – другим, новым, но с тем же антиметафизическим вектором и ещё более крутым. Вираж, на котором произошла ужасная

3. Структурно-лингвистическая катастрофа: смерть языка и индивида

Как выросшие дети отрицают необходимость дальнейшего существования родителей, но терпят, иногда даже заботятся о них, так структурно-лингво-синергетическая парадигма, дезавуируя метафизику, воздвигала собственное миро-здание рядом, почти без разрушения построенного ранее. Иногда даже кое-что используя. Произошло как бы территориальное размежевание соперников, разъезд. Жители старого дома продолжали обсуждать свой «основной вопрос», будто свежий ветер перемен к ним не относится, тем более, что источник угрозы действительно зародился в другом месте. «Коснели в традиции». Историческую миссию новационной о(за)чистки собственно философской сферы человеческого духа взяла на себя деконструкция, в сущности тот же структурализм-постструктурализм, но применённый к философии. Или постмодернизм, говоря применительно к культурно-исторической эпохе. Если, например, Г. П. Щедровицкий, считая, что философия свою роль сыграла, просто не хотел её знать: «вы можете, конечно, закинуть удочку и вытащить рыбу, но будете, в основном, вынимать калоши, старые и рваные» и что от естествознания тоже осталась одна скорлупа, которую грызут «научники», то Ж. Делёз, Ж. Деррида, Р. Рорти переосмыслили практически весь категориальный аппарат метафизики. Если не отвлекаться на оговорки – у-ничто-жили его. Чтобы не повторять сказанное, только напомним: отвергли тождество, вытеснив его повторением и различием; Бытие, предварительно опустив (так, по крайней мере, получается в русских переводах) до наличия присутствия, не более, заменили

отсутствием, превратив тем самым онтологию в нигитологию; человека, вырвав у него природные корни и обрезав божественные помочи, сначала освободили, а потом, лишив статуса субъекта, личности, редуцировали к актору, агенту как точке пересечения социально-культурных отношений; с ног на голову перевернули «платонизм», но не в плане перехода на позиции феноменологического материализма (предположение настолько отсталое, что вызывает краску философского стыда), а ради отказа от самого принципа «оригинал-копия» и т. д. Отрицание Тео-онто-этно-фалло-фоноцентризма, если декодировать символы в понятия, это отрицание Бога, природы и культуры, телесности, предметного существования человеческого мира вообще. Ради другого, рационального мира отношений и структур, языка и знаков. Грязная работа, проделанная ради торжества чистого Логоса. Или, что тоже самое, ради победы дискурса, в том числе над слишком тесно связанным с бытиём эмпирическим, интуитивным, созерцательным мышлением. Деконструктивизм – принципиальный, непримиримый враг метафизики, истребляющий её на её территории. Пленных не брали.

Дальше больше. В период ожесточения этой роковой борьбы возникло подозрение, а всё ли в порядке с самой структурно-лингвистической парадигмой, если посмотреть на неё с точки зрения задач преодоления метафизики несколько пристальнее? Так ли уж чист этот «чистый дискурсивный логос»? А структура? Это всегда организация, система, которая имеет некий образующий фактор, центр, налагающий запрет на взаимозаменяемость элементов и их свободную игру. Слишком близкий аналог сущности и эссенциализма, своего рода необрезанная пуповина вещей и телесности. В структуре предложения наличествует всегда себе равное под-лежащее (тождество, фундамент) как выражение сущего, а к нему сказуемое как выражение его на что-то направленного действия. Знак, конечно, не образ, он абстрактен, но эта абстракция теоретически конкретная, отвлечение от «чего-то», от наличия. В хвалёном, будто бы полностью избавившемся от отражения и истины дискурсе, мы то и дело натыкаемся на противоречия, на вынужденные оксюмороны, когда приходится говорить о «субстанции отношений», «материи языка», «онтологии отсутствия», и т. п. Даже в нашем «крике о небытии» проявляется непреодолимая сила бытия, эмпирии, онто- этно-фоно, а может, чем чёрт не шутит, и тео-фаллоцентризм. Вот почему последовательный постмодернизм вынужден выйти за пределы структурно-лингвисти-

ческой парадигмы и в конце концов сосредоточиться на критике любого центризма и самого Логоса как воплощённого единства мысли и слова. Не менее жёсткой, чем критика метафизики. Союзник стал противником. У Деррида деконструкция логоцентризма = *логотомия* – итог, кульминация всей его неустанной подрывной работы в отношении «традиционного» мира, до сих пор существовавшего человека и его сознания: словесного, знакового, языкового, дискурсивного; в отношении этих сублимированных пережитков чувственности, «родимых пятен» эмпирического естества; ради чего-то на самом деле нового, искусственного, и не половинчато, а действительно трансцендентального «после». Ради «Абсолютно внешнего» (Ж. Делез).

Дверь, которая открывала бы выход на просторы трансцендентального космоса, человеческая мысль искала давно, но стучать в нее стало возможным лишь изнутри структурно-лингвистической модели мира. В России дверь даже пытались взломать. «Язык (звуковой), – писал Н. Я. Марр, – стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идёт в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом и новых стяжаний, и имеет смести и заменить полностью язык. Будущий язык – мышление, растущее в свободной от природной материи технике. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, связанному с нормами природы»[1]. И. В. Сталин, на поверхностный взгляд неожиданно «влезший» в далекие от традиционной марксистской идеологии проблемы, определил подобные идеи как «трудо-магическую тарабарщину», отрывающую мышление от языка. С точки зрения классической философии определил совершенно правильно. Отражая уровень развития плебейских масс послереволюционной России, высокопоставленный критик академика Н. Я. Марра стоял на консервативных позициях и попытку приоткрыть дверь к светлым перспективам новой неклассической науки воспринял как угрозу материализму и социализму. Насколько возможно, её постарались притворить, приперев репрессиями, заодно не впуская в свою классическую эпоху (в отличие от Запада Россия к тому времени её не прошла) микрофизику, резонансную химию, генетическую биологию, кибернетику и т. д., а также модернистскую музыку, литературу, живопись. Но если неклассическая наука и искусство прорвались в

---

[1] Цит. по: *Сталин И. В* К некоторым вопросам языкознания. М., 1950. Т. 16. С. 127.

неё довольно быстро, то *мышление без слов стучится в наши головы до сих пор*. И хотя оно существует, широко распространилось, осознанию этого факта, выведению из него необходимых следствий, традиционные философы, культурологи, ученые-«естественники» сопротивляются как обыкновенные, живущие в феноменологическом мире люди. Как не рас(о)каянные материалисты и сталинисты.

Задача преодолеть язык (язвык, язвук, зык), перестать говорить (гов--орить, горлить, орать, оратор, ритор), перейти к логосу без голоса, одновременно преодолевая всю «звучащую философию», как будто решается переходом к письменной «речи» (буквенному письму) и тексту. Однако именно как будто – не радикально. Остаётся слово, которое всё равно произносится, хотя «про себя», молча. Пишущий слова – это безмолвно говорящий. (Ребёнка долго отучают от вредной привычки шептать при письме и читать написанное вслух). Молчать – не значит покориться и быть уничтоженным. Это не есть настоящее мышление без языка. Словесное толкование жестов, поз, гримас, полёта пчел, музыки, одежды и т. п. метафорично и предполагает участие в нём логоса. Смертный грех разговорно-буквенного языка в его связи с жизнью и пока эта связь не разорвана, чистого самоценного мышления быть не может. Действительно бессловесным, преодолевающим сознание является медитативное молчание, но – в нём нет мысли. Это уход «вниз», в «безмысленное». Раньше всех проблему «мышления без слов», а значит, и без сознания, и не просто как факт, а как новую судьбу человечества, начал осознавать Г. П. Щедровицкий. Почти осознал и в процессе развития мыследеятельностной концепции постоянно её обсуждал, в основном, правда, словами, но с тем, чтобы их отвергнуть.

Не имея нужды сколько-нибудь полно рассматривать содержание его страстной борьбы с природой, человеческими страстями и обусловленным ими субъектным мышлением, выделим идеи, важные прежде всего для формирования постструктуралистской, постязыковой, постсемиотической, насколько возможно очищенной от бытия (и) человека, реальности. Исходная, первоначальная в 50-е годы: мышление было признано особым типом реальности. Это означало преодоление психологизма и субъектности, *отделение сознания от мышления*. Появилось как бы два мира: один – человек и его сознание, а другой – мышление как самостоятельная сущность = субстанция. В ходе напряженных дискуссий «щедровитян» с другими точками зрения и реализации внутренней логики заявленной идеи, к

60-м годам определилось её/его содержание. Это – деятельность. В положении «мышление есть деятельность» «состояла интенция второго этапа, который закончился в 1971 году. Тогда произошел переход к исследованию мысли-коммуникации *в противоположность мышлению* (курсив мой – *В. К.*). Этот переход был задан стремлением достичь полноты описания в теории мышления. Мышление предполагает собственно мышление и мысль-коммуникацию. И вот здесь, в третий период, надо было перейти к изучению собственно коммуникативных структур и мысли, развертывающихся в этих коммуникативных структурах».[1] Сделав вывод, что сущность мысли – коммуникация, не обусловленная ни психикой, ни сознанием, ни субъектностью, Г. П. Щедровицкий вполне логично перешел к отказу от логоса. «Схематизация есть основа мышления, то из чего мышление растет. В этом смысле не словесная речь есть источник мышления... мышление развивается в антитезе речи-языку, именно на функции схематизации, на функции представления»[2]. Как видим, он тоже отказался о «демонии знака» в её словесных проявлениях и перешёл к выражению мысли «на станке», «в методологической графике» – рисунки. схемы, таблицы, рубрики, диаграммы, т. е. устремился к мышлению-коммуникации без языка, от логоса к топосу и матезису (пока мелом, «на досках», а не экранах), от гносеологии к когнитивистике. К *спекулятивному, кустарно-теоретическому изобретению «машины мышления» как идеального (виртуального) компьютера*. Как это делают и чем заняты все гуманитарные постмодернисты. Мы намеренно остановились на работах Г. П. Щедровицкого, потому что возмущает близорукость российских прогрессивных философов, благоговейно пересказывающих чужие, переведённые (зачастую плохо) достижения в руинизации повседневного жизненного мира, не удосуживаясь достойно оценить собственное нигитологическое наследие. К 75-летию Г. П. Щедровицкого была сделана первая, но удачная попытка вписать его работы в отечественную и мировую философию, в ходе которой, в частности показано, что характерное для постмодернизма доведение субъекта до утраты идентичности и его смерти уже/даже в качестве индивида,

---

[1] *Щедровицкий Г П* На досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. М., 2004. С. 133.

[2] *Щедровицкий Г. П.* Эпистемология структуры онтологизации, объективации, реализации Доклад на семинаре 8 мая 1980//Вопросы методологии. 1996. № 3–4. С. 133

формировалось в общемировом потоке мысли. «Возникает всё больше индивидов, характеризующихся *полиидентичностью* или *«размытой идентичностью»*; это – те, сознание которых оказывается фрагментированным и которые не могут ответить на вопрос («кто я такой»?)...поскольку же без единства сознания невозможно «Я», можно сделать вывод, что и «Я» в строгом смысле слова более не существует. Но ведь ясно, что индивид, у которого отсутствует «Я», у которого жизнь делится на ряд не связанных между собою эпизодов, не может нести ответственности за свои поступки, а тем самым не может считаться человеком в принятом до сих пор смысле этого слова. Получается, что и в самом деле человек как будто исчезает...».[1] Это тревога консервативно настроенного метафизика и гуманиста, желающего сохранить человека как он есть. Между тем, постмодернизм вполне последовательно предполагает его «рассеивание» и в плане «семы», смысла, и в плане «семени», телесности, превращение в «мультивида», замену идентичности идентификацией, т. е. отнесением к знаку, паролю, «nickname». Только тогда мысль становится элементом коммуникации, а коммуникация обретает самость. И функционирует без сознающего себя собственно человеческого мышления. Становится *автокоммуникацией*. Как в Интернете. *Философский постмодернизм – феномен опережающего отражения, своего рода культурно-идеологическое предвосхищение Сети.*

По-видимому, самый значимый вклад в разрушение не только метафизической, но и логико-семантической модели мира, в элиминацию человеческой реальности, включая «голово-ручное» мышление, и её замену постчеловеческой, внес, по-видимому, Ж. Деррида. Наряду с отрицанием присутствия и отказом от Тео(Бога)-этно(природы)-фоно(эмпирии)-фалло(телесности)-лого(слово)центризма), он дошел до «позитива», предложив принципиально другую, новую «пост-постмодернистскую» парадигму мышления, совершив тем самым последний, ведущий к финишной прямой человечества, *коммуникативно-грамматологический поворот*. В отличие от подавляющего большинства постмодернистов и пост-постмодернистов, он понимал, что в таком случае происходит с миром и отдавал себе отчёт в том, что за этим поворотом начинается Иное. Конкретизируя введённый им и Ж. Делёзом вместо тождества принцип различия и повторения

[1] *Лекторский В.* Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия//Познающее мышление и социальное действие. М., 2004. С. 202.

до «trace and differance», «следа и различания» (различие и различание различаются друг от друга как качественная и количественная формы мысли; аналог для помнящих марксизм: как потребительная и меновая стоимости вещи), Ж. Деррида тем самым создал некий специфический механизм и способ: *алфавит без букв – для мышления без слов*. След и различание – это его (не)азбука, вместе они составляют «грамму» как новую единицу мысли. На место звучащего и буквенно написанного слова была поставлена молчащая грамма, на место языка и текста – безгласное «письмо». Письмо не как запись речи, к овладению искусством которого человечество шло в течение веков, а как архе-, прото-, первописьмо, как изначальный и универсальный способ обработки информации. Учение о письме – *грамматология*. Она пришла на смену языку и слову – лингвистике, а также субъектной мысли-сознанию, которая через них существует и ими выражается. Не говоря (не пиша?) уже о природной, «дотекстовой» реальности.

Первая глава его достойной по своему значению быть одной из Главных Книг XX столетия книги «О грамматологии», называется парадоксально: «Конец книги и начало письма». Но это на взгляд метафизика и логоцентриста. Парадокс исчезает, если мы поймём, что письмо в данном случае не буквенное и не текстовое, а следовательно «не для книги». Оно «после книги», на основе постлогоцентристского алфавита из следов и пропусков, графическим выражением которого являются 1, 0 и их повторение в разных комбинациях, а техническое название – бит. Это дигитальное письмо-матезис, посредством которого воспроизводится и передаётся, «коммуницируется» информация, однако уже не посредством слова и не непосредственно человеком, а машиной. Отныне сначала языковое, а потом и любое мышление рассматривается как род писания: Thinking as a Kind of Writing. Это *компьютерный текстуализм*, письмо как «субстанция», «материя», «природа» мира информационно-компьютерных технологий. «Конец книги и начало компьютера», «конец логоса и начало матезиса, «конец дискурса и начало программирования», «конец слова и начало цифры», «конец чтения и начало исчисления», «конец Гутенберга и начало Интернет» – так разрешается мнимый парадокс Ж. Деррида.

Позволим себе большую цитату из этого, *оформленного* парадоксами и отвлекающими от понимания опасной сути дела смыслами, текста, поскольку она очень многое вполне ясно – нечастый случай – объясняет. «Этот анклав (речь идет о математике – *В. К.*) – такое место, в котором практика научного языка изнутри и всё глуб-

же оспаривает сам идеал фонетического письма, и скрытую за ним метафизику (метафизику как таковую), и, в частности философскую идею эпистемы, а также идею истории, глубинно с ней связанную... Однако и за рамками теоретической математики развитие информационных *практик* намного расширяет возможности «сообщения»: оно перестает быть «письменным» переводом с какого-то языка, переносом означаемого, которое в целости и сохранности вполне могло быть передано устно. Одновременно с этим всё шире распространяется звукозапись и другие средства сохранения устного языка и его функционирования *в отсутствии говорящего* (курсив мой – *В. К.*). Это изменение вместе с теми переменами, которые произошли в этнологии и истории письменности, показывает, что фонетическое письмо, место великой метафизической, научной, технической, экономической авантюры Запада, имеет свои границы в пространстве и во времени и что эти границы обнаруживаются как раз в тот момент, когда оно силится навязать свои законы тем областям культуры, которые до сей поры им не подчинялись. Однако эта не случайная взаимосвязь кибернетики и «гуманитарных наук» о письме свидетельствует о перевороте ещё более глубоком»[1].

Конечно, мы рады признанию «снимающей» по отношению к живой и письменной речи, метафизике и культуре роли математики, трактовке фонетического письма как «великой авантюры Запада» (почему Запада, в сущности, всей человеческой культуры) и показу «не случайности взаимосвязи грамматологии с кибернетикой», так как все наши предыдущие писания о постмодернизме (пока буквенные и из слов), исходили и исходят из его трактовки как теоретического рефлекса второй великой авантюры человечества – информационной революции и её выражения в computer science. Надо радоваться, что философы и гуманитарии тоже участвуют в информатизации и компьютеризации окружающей среды, но печалит, что при этом они плохо выполняют свою главную роль – осуществление *рефлексии* происходящих процессов, показу их значения для судеб мира и человека. Их (не)осмысление оставлено журналистам, фантастам и прогрессивным обывателям. Сумятица взглядов «ботающих по Дерриде» эпигонов постмодернистского философствования окончательно запутывает суть дела и нуждается в рефлексии прежде всего. Которую,

[1] *Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2000. С. 124.

таковы наши иллюзии, мы хотим продолжить, обратившись за помощью в про-шлое и пред-стоящее. К грядущему «нео», «транс» и «иному».

4. Время феноменологии: воспоминание о будущем

Однажды на банкете по случаю спуска на воду очередного доктора наук, произносивший тост прогрессивный философ сделал неожиданное (мероприятие шло к концу) признательное заявление. В том, что к своему стыду он до сих пор не воспринимает феноменологию, работы и идеи Э. Гуссерля. Да, изучал, знаю и, кажется, понимаю все категории, знаком с многочисленными комментариями к ним, сам читаю лекции по истории философии, но все-таки, если честно, почему ей, в сравнении с влиятельными течениями XX века, придается какое-то «теоретико-эзотерическое» значение, что это чуть ли не создание никогда не существовавшего способа мышления, что в ней впервые разработана научная модель мира и т. д. Да, её протагонисты несут на себе печать приобщённости к чему-то элитарному, философски не всем доступному, утончённо-высокоинтеллектуальному, однако, что, кроме попыток ещё и ещё раз интерпретировать Э. Гуссерля, они предложили? Дальнейшего сколько-нибудь самостоятельного развития его идей, по крайней мере в России – нет. Вся «гуссерлиана» обращена в прошлое. Возникла своего рода «феноменология в себе», феноменология о феноменологии. Инструменты перекладывают, протирают, смазывают, но что ими создают или обрабатывают? По-видимому, несмотря на все усовершенствования, она, представляя собой некое философское «упражнение для ума», рационализированную неосхоластику, плохо соотносится с реальностью, тем более современной.

Почтенные слушатели прогрессивного философа неопределённо молчали (тайно соглашались).

А зря. Здесь он жестоко ошибается. Сейчас феноменология востребована как никогда и более актуальна, чем любое другое направление в истории мысли. Это высшая форма трансцендентализма, адекватная порыву человечества из предметной реальности «вверх», в невесомость, где мир не вес(щ)ит, к виртуальному, иному. Только в таком контексте можно понять её подлинное значение. Проблема прогрессивного философа в том, что он, с одной стороны, недоста-

точно прогрессивен, не видит её корреляции с новейшими постмодернистскими теориями, а с другой – недостаточно консервативен, ибо некритически воспринимает трансценденталистскую установку, сдаёт ей без боя всё, чему поклонялся, в том числе себя. Он «пропустил противоречие», вследствие чего не может по достоинству оценить важность феноменологических методов и представлений о мире. Потому что недостаточно глубоко, «без переживания» отнёсся к судьбе философии как метафизики, к обострению основного вопроса человечества: от «что есть бытие» до рокового: «быть или не быть».

Феноменология – не «одно из течений» метафизики и не её игнорирование, как в позитивизме, а знание, которое приходит на смену тому и другому виде «строгой науки». На месте философии и естественных наук возводится грандиозная конструкция из категорий чистого, то есть априорного, трансцендентального по отношению к любому опыту мышления. Оно чистое и строгое, а значит точное, потому что «не загрязнено» эмпирической реальностью, представленной в нем лишь интенционально, направленностью на неё, то есть в виде состояния сознания. Не более. Бытие как таковое, в качестве мира вещей или духовных сущностей «заключено в скобки» и в дальнейшей жизни мысли не участвует. Трансцендентальное со-знание, или чистое мышление настолько строгое, что (в нём) нет слов. В отличие от структурного семиотизма Гуссерль не говорит о его непременном языковом характере и существует оно как особая сущность, независимо от человека как индивида и как родового существа, то есть субстанциально. Вспомним знаменитое: «Истина тождественно едина, воспринимают ли её в суждениях люди или чудовища, ангелы или боги». Кроме онтологии, гносеологии, естественнонаучного знания гуссерлевская феноменология отменяет и наш жизненный мир, образы и знаки вещей – «наивную феноменологию», а также герменевтико-феноменологические подходы и феноменологию как учение об эмпирических явлениях, которым она, со своими «вещами сознания», прямо противоположна. Придавая феноменам статус ноуменов, она эти «ноуменальные феномены» считает реальностью. Единственной. Априорной. Трансцендентальной. Во избежание терминологической путаницы, мы бы учение Гуссерля называли не феноменологией, а абсолютным трансцендентализмом.

Конкретные носители трансцендентального сознания не субъекты бытия, а единицы, элементы универсального cogito, замкнутые на себя наподобие лейбницевских монад. Гарантом от угрожающего им

солипсизма, в отличие от не обманывающего нас по своей благости Бога Декарта, является «аналогизирующая апперцепция», возникающая у монад из наблюдения других трансцендентальных сознаний, которые обладают точно таким же статусом, что и наблюдатель. Вместе элементы-монады (все-таки старая терминология, сейчас бы перевели – сингулярности) образуют некую множественную целостность. Происходит это в процессе их общения друг с другом (опять устаревший термин, сейчас бы перевели – коммуникации). В результате возникает то, что Э. Гуссерль называет интерсубъективным (модернизированный перевод, раньше бы сказали – объективным) миром[1].

Однако достаточно. Пересказ пересказов всех трансценденталистских идей Э. Гуссерля не наша цель. И так видно, что они напоминают что-то новое, современное, а само универсальное трансцендентальное со-знание имеет вполне адекватный, всем известный аналог, который Гуссерль, опережая свое время, предвидел и конструировал. Называл по-другому, но по сути это, по-видимому, – ... пока воздержимся, хотя прогрессивный философ может догадаться (слово из десяти букв, первая «и»). Тем лучше. Тем скорее он проникнется значимостью феноменологии.

Отказаться от «естественной установки», другими словами, от мира где мы живём, и даже от «физикалистского объективизма» науки, остаться среди логических значений и смыслов без соотнесения с тем, что они выражают, то есть без истины, и кажется без слов, отречься от человека как телесного и даже духовного существа (никакого психологизма не допускается), это ли не революция в представлениях о сущем? Это ли не смерть метафизики с её «бытием» и даже «картиной мира»? Феноменология – не мировоззрение, ибо ни объекта, ни субъекта больше не существует. Феноменология окончательно – Endlösung – решает основной вопрос философии (мы начинаем повторяться, но по вине Гуссерля, воспоминания о котором поневоле уносят в настоящее и будущее). В то же время, гони проблему в дверь, хотя бы и два раза, она лезет в окно. Под лозунгом возврата к феноменологии возникло направление, отрицающее самость не бытия, а сознания. Всё есть бытие, сознание же, как опушка леса, его «просвет», то есть *состояние бытия.* Не более. Мартин Хайдеггер,

---

[1] В изложении феноменологии Э. Гуссерля мы опираемся на книгу «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (СПб., 2004) в переводе и с предисловием к ней Я. А. Слинина.

откликаясь на «зов бытия», развил феноменологию, противоположную гуссерлевской. Антитрансцендентальную. Почвенническую. Экзистенциальную. Она уже не любит мышление, особенно строгое, а если допускает слова, то чтобы они были поэтические, метафорические, спонтанные и эмоциональные. Неартикулированный крик – вот высшее, подлинное выражение бытия, его страстей, боли и радостей. Немногим менее знаменитая, чем «Черный квадрат» К. Малевича картина Э. Мунка «Крик» классически показывает ужас бытия перед наступающим ничто. В итоге на кладбище метафизики выросло две феноменологии – трансцендентальная и фундаментальная, в совокупности, восстанавливающие, воспроизводящие «основной вопрос философии». Гуссерль и Хайдеггер – это Платон и Демокрит XX века. Феноменологические. И оба принадлежат метафизике, которая in toto, как птица феникс, – воскресает. Хотя, конечно, в новом облике. Если согласиться с фактическим расколом феноменологии на традиционную, бытийную, т. е. собственно феноменологию и оставить за ней это имя, а с другой стороны, видеть её перерастание в абстрактную, абсолютно внешнюю любому сущему априористику, то слегка *постмодернизировав* некоего Владимира Ильича Ленина, можно сказать, что «вопрос об отношении феноменологии и трансцендентализма так же актуален, как 2 тысячи лет тому назад».

Но вернёмся непосредственно к крику о небытии. Как метафизик, Гуссерль мощно и последовательно выражает линию «ничто», потенциализма и формализма, чистого и безмолвного математического знания. *Линию когнитивизма.* Это философия «mathesis universalis», что без обиняков признаёт Ж. Деррида. «Математический объект является, по-видимому, привилегированным примером и неизменной путеводной звездой гуссерлевского рассуждения. Этим он обязан своей *идеальности.* Его бытие исчерпывается феноменальностью и насквозь в ней просвечивается. Будучи абсолютно объективным, то есть полностью избавленным от эмпирической субъективности, он, однако, есть лишь то, чем кажется. Он, таким образом, всегда *редуцирован* к своему феноменальному смыслу, и его бытие с самого начала есть бытие-объектом для некоего чистого сознания»[1]. Как видим, в трактовке феноменологии Ж. Деррида тоже повторяется, в сущности воспроизводя (см. предыдущую цитату), что он писал о

---

[1] *Гуссерль Э.* Начала геометрии. Введение Ж. Деррида. М., 1996. С. 12–13.

роли математики в грамматологии в наше время (по вине Гуссерля, воспоминания о котором кого угодно уносят в настоящее и будущее). Антропологически и экзистенциально ориентированный современник Гуссерля Лев Шестов трансценденталистско-математическую суть феноменологии уловил сразу, до подсказки из будущего, однако, в отличие от Ж. Деррида, он обеспокоился и предупреждает об её постприродной, постчеловеческой природе. «Вся философия Гуссерля построена так, как будто бы в мире существовала одна математика... В качестве теории познания математики и математикообразных наук она могла бы найти себе оправдание. *Но она хочет неизмеримо большего и её принимают за нечто неизмеримо большее»* (курсив мой – *В. К.*).[1]

Неизмеримо большее – это претензия быть парадигмой, «эпистемой» мысли вообще, тем, чем она становится в постмодернизме, особенно после грамматологического поворота. Трансцендентальная феноменология – Past Perfect (прошедшее завершенное время) постмодернизма. Что такое чистое сознание, со-знание, объективное универсальное знание, существующее без человека как самость и субстанция? Потом его назовут Информацией.. Которую теперь в один голос (плюрализм здесь неуместен) считают единственно подлинной реальностью. Все остальное – способы её кодирования. *Трансцендентально-феноменологический поворот является предтечей информационной революции, её первыми, спекулятивно-философскими родовыми схватками, побочным гуманитарно-идеологическим продуктом которых стал постмодернизм.* Что его праотец Гуссерль, а не Ницше или Хайдеггер, можно утверждать, не тревожа праха великих, не посылая их на дополнительную генетическую экспертизу. Если структурно-лингвистический поворот питал постструктурализм и деконструкцию как начальный этап постмодернизма, то научная феноменология «понадобилась» на его зрелой, позитивной стадии, когда на месте метафизики начали возводить конструкции постчеловеческой реальности. Отказ от натурализма и смерть субъекта, чистая мыследеятельность, трансцендентальный эмпиризм, концептуализм, коммуникационная «онтология» и многие другие понятия пост(транс)модернизма вполне вписываются в трансцендентальное сознание Гуссерля, логически и содержательно вытекая из него, рас-

---

[1] Антология феноменологической философии в России. М., 1996. С. 432.

крывая его. Особенно когда речь пошла о преодолении естественного языка, логоцентризма, их замене беспредметным и бессловесным математическим мышлением как коммуникацией, когда на повестку дня встала идеология информационно-компьютерных технологий и когнитивное знание. *Абсолютный трансцендентализм осуществляется в виде универсальной топологии и дигитализма.* Мечта Гуссерля сбылась: вот она, аподиктическая, «строгая наука».

Пожалуй, только по двум параметрам трансцендентальная феноменология не дотягивает до самой высокой ноты в крике о небытии. В ней имелась ввиду математика и геометрия (теперь лучше говорить – топология) как очищенное от реальности мышление, однако оно все-таки «ручное», кустарное, головное, хотя бездуховное, не психологическое, но смысловое, короче говоря – человеческое, в то время как след и различание, письмо, особенно «архе» и автоматическое, грамма(би)тология предполагают машинную логику, вместо семантики топологию и исчисление, то есть информатику. Как вся предшествующая философия, Гуссерль ещё не разделяет, «не разводит» сознание и мышление. И ведя речь о чистом математическом мышлении, определяет его как трансцендентальное сознание. В подобном грехе можно упрекнуть даже Ж. Делёза с его «Логикой смысла», а не без(с)мыслия. Пожертвовав логикой истины, не считая необходимым различать виртуальное и бытийное, он долго не верил в «пустые знаки» и безбуквенное письмо, не был готов «пожертвовать смыслом» ради логики исчисления. Споры о «китайской комнате», опасности постинтеллектуализма тоже свидетельствуют о глухом сопротивлении консерваторов и традиционалистов информационно-коммуникационной концепции мышления, нежелании отказаться от семантики и логоса (сознания). Они не допускают мысли о возможности существования бессмысленного мышления, продолжая говорить о свободе и субъектности человека. О его «внутреннем», а совсем замшелые, о духовности и душе. Продвинутые из них – о каком-то «творчестве», забывая, что наряду с квалифицировавшим его как фантом Г. П. Щедровицким, другой признанный авторитет отечественной философии М. Мамардашвили тоже полагал, что «сознание случается с нами». Не человек думает, *Сам,* головой, а им думают – *Там,* без голов. Здесь остается, в лучшем случае – квази-субъект. Творчество, если так хочется сохранить это «вторичное качество», происходит в киберпространстве, *машине Сети,* а люди – проекция, получатели, в лучшем случае передатчики его ре-

зультатов. Наступила «посткреативная эпоха», когда креаторы уже не новаторы, их тоже пора заносить в список консерваторов. Туда же надо включить вообще «людей с воображением», способных верить, любить, волить. Которые, догадываясь, что бездуховный, мыслящий без сознания человек это зомби, боятся доминирования матезиса, полного «овнешнения», информатизации и дигитализации реальности. Подозревают, что логотомия означает, в сущности, лоботомию. На «смерть бытия» почти согласны, или, не понимая, о чём речь, не оказывают ей осмысленного, а не просто глухого сопротивления, а сами и на самом деле умирать или хотя бы зомбироваться, как то пред(по)лагает универсализация информационно-компьютерных технологий – не хотят. Тормозят инновационное развитие.

Второй существенный с точки зрения позитивного постмодернизма недостаток гуссерлианства – концепция интенциональности. Вот её Ж.Делез отбрасывает сразу, ибо логика смысла изначально опирается на потенциализм и ничто. Интенциональность соответствует периоду трактовки информации как «информации о», то есть на что-то направленной, что-то отражающей. Сейчас она превзойдена. Это происходило по мере того как из свойства и атрибута материи информация превращалась в субстанцию. Сейчас никаких «о», никакой интенциональности у неё нет. О познании как отражении существующей реальности и об истине как соответствии ей продолжают говорить одни метафизические динозавры диалектического материализма. Всё стало информацией как таковой, картинная модель мира превратилась в матричную, информационно-проективную, конструктивистскую. Лишённое суще/го/ствования, которое в отличие от трансцендентального состояния постигается не мышлением, а опытом, т.е наличного бытия вещей, Бытие редуцируется к виртуальности как «реальному отсутствию». Смерть реальна, но для любого конкретного сущего она – ничто. Э. Гуссерль окончательно границу бытия все-таки не переступил. Не смог. Восхваляя И. Г. Фихте, которого можно считать первым радикальным конструктивистом, он продолжал оглядываться на существующий предметный мир. Заключив его в скобки, он помнил о своём узнике, а во второй половине жизни, разочаровавшись в «мировоззрении без мира», раскаялся и начал ходить к нему в зону на свидание. Носил передачи. Предлагал выпустить его. Постмодернизм предлагает его забыть, уморить и не оглядываться. В про-пасть ничто – безоглядно. Таков девиз, под которым развивается прогрессивная философия прогресса.

Что касается итоговой оценки в этом процессе роли Гуссерля и первых постструктуралистов, в России формалистов и школы Г. П. Щедровицкого, а также победы в советском марксизме коррелятивной им бесприродной, социокультурной трактовки сознания Л. С. Выготским и Э. В. Ильенковым, то правомерно утверждать, что «готовя», «подходя к» и разрабатывая идеологию чистого когнитивного интеллекта, они остановились перед искусственным, техническим, машинно-компьютерным, хотя спекулятивно и на «естественном» материале сделали для его возникновения всё возможное.

5. Философские очертания трансцендентального мира

Как видим, широко распространенные в постмодернизме толки об Апокалипсисе и Всесожжении-Холокосте идут не на пустом месте (правда, если помыслить онтологически, именно «на пустом»). After-postmodernism=пост-постмодернизм как возврат к метафизике с воскрешением бытия и субъекта – реакция на доведённый до грамма/бито/логической стадии автоматического письма постмодернизм. Подобно пожравшему свой материал огню, он потух. Остался «Золы угасшей прах» (Ж. Деррида). Его носителям больше нечего делать, да и существуют они незаконно. Они (не)существуют. Однако главная незадача теоретиков нигилизма в том, что уничтоженное ими «присутствие» всё равно даёт о себе знать, а «умерший человек» продолжает жить, суетиться. Посему ближайшие (младшие) последователи классиков деконструкции и грамматологии – «младопостмодернисты» сказали: Метафизике быть! И начали восстанавливать её категории, связанные прежде всего с основным вопросом.

Восстановление не предполагает буквальной реставрации. Это Обновление. Начало другой метафизики: бытия и субъекта Иного. Ж.-Л. Нанси развивает концепцию бытия как «единичного множественного» или *со*-бытия, возникающего в совместном владении пространством-временем. «*Бытие* может быть, лишь когда это Бытие-одних-вместе-с-другими, лишь циркулируя во *вместе-с* и в качестве вместе-с этого единично-множественного сосуществования».[1] Это бытие опирается не на Единое, а на Многое, что означает своего рода переворот в трактовке метафизики, ибо бытие восстанавливается через выворачивание наизнанку его оснований. «*Бытие-друг-с-другом*

[1] *Нанси Жан-Люк.* БЫТИЕ единичное множественное. М., 2004. С. 17.

не должно пониматься исходя из предположения о едином бытии, но, что, напротив, именно единое бытие (бытие как таковое, абсолютное бытие, или ens realissimum) *должно пониматься лишь* исходя *из бытия-друг-с-другом*».[1] Само понятие единичного, а значит и субъекта, автора, индивида тоже трансформируется в свою противоположность. «Единичный – это сразу же *каждый*, а значит, также и каждый *вместе* и *среди* всех других. Единичный – это множественный»[2]. В итоге всё заканчивается онтологией коммуникации. ««Язык» это не инструмент коммуникации, и коммуникация не инструмент для бытия, но, совершенно точно, коммуникация есть бытие, и бытие, следовательно, *есть* лишь то нетелесное, в котором тела заявляют о себе друг другу как *таковые*»[3]. Заканчивается тем, что *бытие нетелесно, а тела бытием не обладают*. Старая песня на тему, что природы и человека как сущего и субстрата – нет. Логично, что если бытие есть чистые функциональные отношения, коммуникация, то его основанием должно быть множество, а не единство. Старая песня на тему, что природы и человека как сущности и субстанции – нет. Всё это прямо противоположно тому, что утверждала классическая (и в материалистическом, и в идеалистическом варианте) метафизика, не говоря уже о древней и восточной духовности, в которых гносеологический смысл категории бытия состоял в преодолении множественности и достижении единства, а онтологический, что бытие постольку является бытием, поскольку оно Единое. Высшее состояние бытия человека – в слиянии с Единым Целым, на Востоке, а с появлением личности, на Западе, быть – это всегда сохранять тождественность себе, сохранять идентичность, самость как мира, так и человека. Напротив, небытие – разделённость, отдельность, рассеивание, потеря самости. Учитывая подобным образом проделанное (с) метафизикой сальто, мы вправе усомниться: она ли это?

Да и ещё раз – да, утверждает А.Бадью, интерпретируя творчество Ж. Делёза не как отрицание бытия и метафизики – стандартное мнение о постмодернизме – а как «крик о бытии». Потому что Делёз признавал Единое и исходил из него в построении своей философии, хотя его Единое было виртуальным, составляющим основание актуального. Крик Делёза о бытии – это противопоставленная реализму «песнь о виртуальном». Несмотря на пиитет к знаменитому коллеге,

---

[1] Там же. С. 95.
[2] Там же С 61.
[3] Там же. С. 145.

А. Бадью считает, что на такой трактовке метафизики останавливаться не следует, её надо развивать дальше. «Я должен перейти к моей собственной песне. Единого нет, есть лишь актуальные множества, а основание пустует»[1]. Из-за сохранения Единого Делёз в понимании бытия геометричен, а надо переходить к алгебраизму. «Проекция наших разногласий по поводу основания (актуальное множество против виртуального Единого) на пару математические множества множественности никак не могла привести к сближению. Делёз принимал это к сведению, хваля то, что он называл моей поэтической и страстной «песнью о множествах», но упорно стоя на своём в нашей переписке: мне «хотелось», чтобы множественности были математическими множествами, а ему «хотелось», чтобы они таковыми не были»[2]. Преодолев сущее, заменяя эмпирическую реальность виртуальной, Делёз не преодолел пережитки логоса, и хотя его логос стремится к топосу, он – «про ничто и коммуникации», однако то и другое наиболее адекватно описывается математически, а матезис базируется на множестве – вот смысл претензий А. Бадью к Делёзу и его вклад в обновление метафизики. *Она должна быть математической.*

Движение «от поэмы к матеме» захватывает и человека, субъекта, автора, индивида. Возникает феномен «множественной субъективности», множественный индивид – мультивид, разнообразные «я» которого могут иметь самостоятельное телесное воплощение, сохраняя (будто бы) общее самосознание. При этом надо прямо признать, что такого рода идеи в России пока не вырабатываются. В воскрешении метафизики мы отстаём, а множество даже прогрессивных философов даже не знает, что она умерла. Другие увлеклись похоронами. И отдать должное М. Эпштейну, регулярно окормляющего русскоязычную публику благими вестями о новом информационно-коммуникационном спасении мира. «Подобно тому как одна и та же информация может передаваться в виде записи от руки, печатного текста, устной речи, двоичного цифрового кода, аналоговой проекции и светового луча, так любой индивид, любой вид существования сможет «пресуществляться», менять свою форму, «клонироваться», создавать множественные варианты себя. Все формы существования становятся более пластичными, множимыми, включая полиморф-

---

[1] *Бадью А. Делез.* «Шум бытия». М., 2004. С. 75.

[2] Там же. С. 66.

ность человеческого тела»[1]. Особенно вдохновляет последнее – **перспектива решения демографической проблемы**, на основе которой можно говорить о возникновении трансбиологического авторства (ТБА), трансперсонального авторства (ТПА) и Гиперавторства, которое «так относится к традиционному, точечному, «дискретному» авторству, как совокупность вероятных местоположений относится к элементарной частице, которую пыталась засечь квантовая механика, – а та упорно не хотела локализоваться и расплывалась в волну» [2]. Получается всё очень стройно: множество распределенного субъкта коррелирует с множественной трактовкой бытия, которое есть количественное математическое множество, элементы которого коммуницируют друг с другом в виртуальном пространстве. Чем не метафизика?

Тем, что это метаматематика. А учитывая, что математика в ней не «ручная» (головная), а машинная, электронно-вычислительная, компьютерная, опирающаяся на след и различание (граммы-биты), её, в духе присущей ей точности, следует называть метаинформатикой. По инерции машинная математика считается прикладной, а на самом деле она стала основной. Информатикой, в которой все качественные характеристики мира трансформируются в количественные. *Мета-физика восстанавливается как мета-информатика. Как онтология и теория сетевых автокоммуникаций*. В философских категориях это означает, *что основной вопрос философии решился*. В пользу идеального (теперь, трансцендентального), в пользу Неба (теперь, космоса), в пользу объектного (теперь, внешнего). *Трансцендентальное стало реальным*. (Мы аплодируем Гуссерлю, Гуссерль, хочется надеяться, аплодирует нам). Количество, говорил Гегель, самая бездуховная категория. В позитивном выражении это означает, что оно самая постантропологическая, трансгуманная, абстрактная и трансцендентальная категория, но её не надо искать в каких-то запредельных «трансцендентных» сферах. Трансцендентальный мир вокруг и внутри нас.

В привычно-технических терминах это означает, что наша реальность редуцируется к киберпространству и виртуалистике, где бытийные формы природы, жизни, общества, культуры, человека

---

[1] *Эпштейн М*. Новые понятия и термины. Мультивидуум//Вестник Российского философского общества. 2003. № 4. С. 165.

[2] *Эпштейн М*. ТБА или ГИПЕРАВТОРСТВО//Из Америки. М., 2005. С. 332.

представлены в виде основанных на универсальном математическом множестве коммуницирующих концептов и образов. Там есть всё и даже больше, чем в традиционном человеческом универсуме, только в трансцендентальной (виртуальной) форме: трансцендентальная (виртуальная) природа, трансцендентальные (виртуальные) предметы, трансцендентальное (виртуальное) общение, трансцендентальные (виртуальные) потребности, такие же любовь и смерть. Если на первой стадии постмодернизм деконструировал, разрушал мир до ничто и письма, то на стадии пост-постмодернизма, он его восстанавливает, воскрешает, но как трансцендентально-виртуальный. Пост-постмодернизм – это трансцендентальный постмодернизм или, короче-точнее -- *Трансмодернизм.*

Трансцендентальное, то есть *Иное* по отношению к сущему, не сводится к виртуализму. Виртуальное, хотя перестало отождествляться с мнимым, иллюзорным, и определяется как реальное, так или иначе ограничено природой человеческого возможного. Превосходя его, оно продолжает нести печать своего происхождения из сущего, в котором эти возможности открылись. Отталкиваясь от эмпирического опыта, виртуальная реальность до конца с ним не порывает. С точки зрения целостного телесно-духовного человека она «как бы», «квази-», «псевдо-», «недо-», «presence». Для её функционирования нужен «живуще = умирающий» в ней человек, хотя бы он был «телом без органов». Уходя в Сеть, он отрывается от природы и социума, превращаясь в «тело без пространства», однако потребности его сознания, их направленность и содержание (интенциональность!), остаются ими обусловленными. Homo virtualis, e-Homo, гомутер – это постчеловек, но всё ещё Homo, для которого эмпирическая реальность обуза, однако без неё он растворяется, пропадает, становится волной или каплей, «виртуальной частицей» в океане информации. «Хакер» – это гуманоид, симбиотик, (не)бытующий в переходном состоянии. Уйти в свободное виртуально-космическое плавание ему не позволяет, мешает привязывающий его к Земле тео-этно-фоно-фалл(о)центризм.

На собственной основе трансцендентальное реализуется в разработках искусственного интеллекта, который сможет функционировать и развиваться самостоятельно, в разработках наук об искусственном, в фундаменте которых лежит идея создания «Всемирного мозга», образующегося на базе нейрокомпьютеров и нанотехнологий как сверхсложных многоагентных интеллектуальных систем в миро-

вой Универсальной Сети. Его «субстанцией» является, в сущности, бесконечное число возможных коммуникаций между его агентами. Агент, в отличие от человека, хакера или человеческого фактора, не обязательно живой. Это некое постсубъектное промежуточное звено между естественным и искусственным. В отличие от субъекта, он не обладает самостью, он всегда «представитель» (другого, «резидента»). А «резидент», в свою очередь, – представитель первого агента, предстающего в качестве резидента. В результате резиденты-субъекты стали агентами коммуникации. Субъект восстанавливается как (не)субъект. Человек живой или неживой, целостный или частичный, индивид или мультивид для коммуницирования в сети не важен. Всё это идентифицированные или неидентифицированные узелки в потоках информации. Концепты или персонажи. Постепенно такой «мозг» перерастёт во всемирную синергетически автоэволюционирующую интеллектуальную организацию, которая в конце концов сольётся с реальностью, вернее, превратится в неё. Это будет реальность Мысли. Поскольку она есть *мышление без сознания, то это будет мыслящая Реальность*. Как универсальная «машина мышления», в которой человек является, говоря старым термином, винтиком и которую пока называют «онтологией Сети». Потом может быть назовут Богом, сказав: «В начале была Цифра. И Цифра была у Бога. И Цифрой был Бог». Дискурсивные формации (М. Фуко) сменяются дигитальной. Перспективы вовсе не фантастические, особенно мощный импульс науки об искусственном получают по мере развертывания мировой сети технопарков как первых действительных очагов будущего постчеловеческого мира на нашей Земле. Теперь понятно, кто и за что душит Академическую Науку и её учреждения. Понятен смысл превращения преподавательских научно-образовательных университетов в компьютеризованные инновационно-предпринимательские постуниверситеты. Классические наука и образование слишком «естественны», реалистичны и антропологичны.

Вслед за социально-научно-техно-практическими процессами происходит трансформация в их теоретическом осмыслении, превратном, идеологизированном, как преимущественно в русле пост и трансмодернизма или сциентистском, в лучших образцах иногда поднимающимся до принципиальных обобщений, для чего надо преодолеть много ступеней: «от классических наук к наукам об искусственном, от естественного интеллекта к искусственному, от индивидуального интеллекта к коллективному, от программного объекта к искусствен-

ному агенту, от агента к многоагентной системе, от многоагентной системы к интеллектуальной организации и виртуальному сообществу, от коллективного поведения к искусственной жизни и т. д.»[1].

Вот величественная программа Нового мира *Сотворения и экспансии Иного*, возникшая после трансцендентально-виртуального поворота к агентам и коммуникации и уходящая за сияющий горизонт, За горизонт Человека? Что будет с ним, с нашей внешней и внутренней природой, с «естественной жизнью», когда появится искусственная; с нашим сознающим мышлением, когда распространится машинно-бессознательное, без слов; в случае реализации и универсализации трансцендентально-виртуального эмпиризма? *Взаимодействие Человеческого и Иного миров – вот основной вопрос, нервный узел и сердце любого современного философствования.* Всерьёз, а не понарошку, ответственно, а не играючи. Если процесс пойдёт только в направлении технологизации, то не надо иметь семь чипов во лбу, чтобы понять, что это путь «снятия» человека, его самозомбирования и ликвидации, что это осуществлённый нигилизм. И тогда, Читатель, особенно если ты прогрессивный философ! Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе. А пока помолчим над тем, что когда-то будет = было человеком... ... ...

СпасиБог.

6. Консервативно жить или прогрессивно умереть

Самое известное решение основного вопроса философии: «бытие определяет сознание», предложенное марксизмом, стало его своеобразной догматической бре(н)д-иконой. Оно, по-видимому, обладает статусом вечности, принадлежа к perennial philosophy. Потому что когда место эмпирического бытия занимает сознание как чистое мышление, наше рефлексирующее на втором уровне самосознание обуславливается им же. Теперь можно сказать: «небытие определяет

[1] *Тарасов В. Б.* От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика. М., 2002 С 9. Это, пожалуй, наиболее фундаментальная работа по гуманитарно- техническому осмыслению информатики, частично преодолевающая рамки сциентизма и технологизма. Однако автор, занятый собственно науками об искусственном, не может и не должен разбираться в собственно философских завалах по данной проблематике. Это задача философии как таковой, открытой, но не апологетической к существующему состоянию дел в познании и технике.

сознание». Содержание формулы меняется, а сама она остаётся, хотя для предметного мира и человека это формула самоотрицания. С одной стороны, она порождает трансцендентальную феноменологию, с другой, в метафизике, оправдание небытия вообще. Оправдание ничто. Его первичности, необходимости, «прогрессивности». Распространяется немыслимая в доинформационную эпоху идеология смерти человечества, ведущая борьбу со всем сущим, естественным, чувственным и связанной с ними духовностью, вплоть до трансформации в некую танатософию. В разных облачениях: «научного бессмертия», «позитивной смерти», постжизни, пережизни, трансгуманизма и т. п. От возвышения человеческого она переходит к его уничижению и обесцениванию. Человек, виноват, «человеческий фактор» – главный виновник аварий, кризисов, проблем, это слабое звено производства, от которого желательно как можно скорее и везде избавляться. В том числе в общественных отношениях – не будет взяток, субъективных решений, волевых поступков, экзаменационных ошибок. О развитии «внутреннего», совершенствовании личности, воспитании честности и совести забыли, кажется, навсегда. В отличие от своих технических имитаций человек плох, ненужен, безнадежен, «дурак», что для всё увеличивающегося числа его конкретных представителей становится источником какого-то неизъяснимого удовлетворения. На разных уровнях понимания, от бездумного, журналистского: «главной и окончательной целью проекта RoboCup объявлено создание к 2050 г. команды гуманоидных роботов, которая сможет обыграть человеческую сборную мира... Компьютер уже сейчас обыгрывает в шахматы лучших гроссмейстеров. До перевода людей из высшей футбольной лиги в первую осталось каких-то несколько десятков лет»[1] – таковы последние мазохистские радости, до глубокомысленной озабоченности, куда теперь это очевидно устаревшее существо девать[2]. Известное утверждение Р. Рорти, что философия будущего должна быть Grand Narrative – повествованием о Ничто, то есть нигилистической, а её основной вопрос не «что есть бытие», а «кто мы такие», свидетельствует, что во-первых, отныне человек открыто поставлен под вопрос, а во-вторых, что фактически возникло поколение, отряд человечества, выражающий интересы того, что/кто его сменяет. Ибо без существования «что» ответ на вопрос «кто» ясен: Никто.

---

[1] *Плющев А.* Оле, железяки!//«Ведомости». 6 июня 2002.

[2] См. например: *Joy B.* Why the Future Doesn,t need Us?//Wired 2002/Apr. Vol. 8 № 4.

Нигилистическое решение основного вопроса философии выражает и оправдывает интересы людей, в сознании которых начало превалировать желание письма как желание смерти, интересы Танатоса, принимающиеся ими за свои. Хотя внешне они ходят по Земле и пока без чипов во лбу, имеют тело и пол, но это инерционно; функционально они «гендер», «сете(не)жители» и «чипоносители». Их бегство от субъектности и свободы заканчивается бегством от реальности, её бессознательным или уже сознательным отторжением, предпочтением ей виртуальной (не)реальности. Противоестественный образ жизни людей «западной» информационно-новационной цивилизации перерастает в их образ (не)жизни. Недалёкая перспектива их отношений друг с другом – «от мозга к мозгу». Минуя телесное общение, без органов и без слов. Это вожделенный идеал сетевой коммуникации. «Открытое церебральное общество». То ли ещё будет, если всерьёз отнестись, например, к «Декларации независимости киберпространства».

Горизонт жизненного мира человечества заволокли тучи прогресса – такова суть антропологического кризиса, ответственнее говоря, катастрофы, о которой предупреждали чуткие к подземному гулу истории мыслители ещё в начале XX века. Сейчас на Земле складывается подлинно экзистенциальная ситуация, однако уже не для индивидов, а для рода «человек». Если экзистенция это «бытие, направленное на ничто и осознающее свою конечность», то налицо все её признаки: негарантированность и незащищённость существования, невозможность апелляции к трансцендентному, действия на свой страх и риск, борьба без надежды на успех, пограничность положения между жизнью и смертью. Утешает одно – экзистенция всегда открыта. И самое опасное – её закрывать, маскировать, запутывать. Пограничное положение становится безнадёжным в случае потери границы. Тогда мы не будем знать, когда нас не будет. Всё закончится комфортной эвтаназией. «Без слов». Открывает ли человечеству глаза на своё положение, провозглашённое и проводимое в рамках пост-постмодернизма «воскрешение метафизики»? Вряд ли. «Шум бытия» – почти белый, как от пустого космоса и тёмной материи, которой в физике обозначают всё, находящееся за пределами способности нечто помыслить, т. е. ничто.

Вместо того, чтобы осознать, что это идеологизированная теория информационно-компьютерно-виртуального мира, специфическая рефлексия computer science, онтология трансцендентальной постче-

ловеческой микро и мегареальности и признавая её право на существование, тем самым чётко определить пределы, обсуждая как лучше, взаимодействуя с нею, проводить таможенный досмотр и где установить контрольно-пропускные пункты, адепты транс(цендентального)модернизма претендуют на универсальность, стремятся, сделав абсолютом и парадигмой, подменить ею как историческую метафизику, так и метафизику макро(мезо)реальности, в которой мы живём. Для них, как впрочем для всей философии науки, людей и их повседневного жизненного мира не существует. Это всё «условность», «метафоры», «иллюзия» – риторика, тогда как «на самом деле» наша жизнь суть «процессор активных рабочих программ», предметный мир есть «база репрезентаций внешнего окружения», наше сознание является «программой матрицы своей собственной реальности» и т. д. И вообще, «Согласно ММИ (многомировой интерпретация квантовой теории – *В. К.*) человек – это волновая функция, которая является частью квантового состояния, представляющего собой мир , который, в свою очередь, является одной из компонент суперпозиции многих квантовых состояний, образующих то Состояние, которое является Вселенной».[1] Теперь понятно, почему в постмодернизме субъект заменяется сингулярностью, складкой, складкой складки, подписью и другими продуцентами экзистенциального «раздвоения сознания у нейтрона». А если без иронии, не превращается ли наш мир, по мере его технизации, в научно-сумасшедший дом, когда вполне серьёзно придётся признавать, что «наука победила разум» и люди перестают различать, где жизнь, а где инструменты овладению ею, превращения в материал для Другого? «Быть может эти электроны миры, где пять материков, где те же царства, войны, троны и память сорока веков»? (В. Брюсов). Быть может. Но мы приспособлены жить только в своём измерении, а чужое для нас – «тот свет». Кто хочет оставаться на Этом, тот должен о нём и заботиться. «Волновые функции» позаботятся о себе сами.

Хотя современная технонаука с очевидностью требует ограничения и регулирования, особенно на стадии внедрения, за что надо непрерывно и отчаянно бороться, её нельзя просто остановить. Как говорил А. Печчеи, нельзя слепо выступать против прогресса, но мы обязаны выступать против слепого прогресса. Надо искать пути спасения там, где опасность. В том числе в науке, которая в наше время

---

[1] *Вайдман Л.* «Раздвоение сознания у нейтрона»//Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2004. С. 183.

больше не ориентируется на однозначность происходящих процессов, обнаруживая их вероятностный, многовекторный, полилинейный, бифуркационный характер. *Она новационна, но не прогрессивна.* Соответственно, Трансцендентальное необходимо трактовать не как Единое, однородное и одинаковое для «Богов и людей, ангелов и чудовищ», а как *возможное множество миров*, среди которых «по определению» есть место и для нашего мира, его коэволюции с другими[1]. Но Единое существует! *Как человеческая реализация Возможного.* Реальностей может быть много, а Бытие – одно. Единственно-единое, чьё-то. «Вот-бытие», Dasein. Консерватизм, традиционные ценности, нужно укоренять впереди, в авангарде. «Традиционный традиционализм», призывающий возвратиться к истокам, что предполагает движение против течения, должен стремиться к соединению своих «усилий быть» с идеями археоавангарда, искать в них то, что даёт место нашей форме реального. «Иной мир возможен», если это не «мир Иного», если не прятать голову в песок, если человечество не убаюкивать, а будить и честно объяснять его положение. Надеяться на техногенные катастрофы, которые сами по себе образумят человечество, по меньшей мере недостаточно. Долг Кассандры кричать, хотя бы её не слушали.

Упрекая пост и трансмодернизм в отрицании бытия и философии как метафизики, не надо забывать, что последняя вовсе не невинная жертва враждебной ей силы. Она понесла и выносила их сама. Понесла от труда и техники, «постава». С метафизики, как известно «из Хайдеггера», началось «забвение бытия», атомный взрыв произошёл в трудах Парменида. Ключевым моментом в её эволюции был отказ от феноменов как вторичных качеств вещей, признание их обманом, иллюзией. Потом оказалось, что «на самом деле» нет и первичных, а после Канта началось изгнание из мышления вещей как таковых. «Материя исчезла, остались одни уравнения» – пугались консерваторы и это почти произошло. Остаются её следы и пропуски, «пробелы», однородные количественные различия (граммо-биты), предметный мир трансформируется в информацию. Параллельно тому как материя, по словам К. Маркса, переставала «улыбаться человеку сво-

[1] Мировоззренческие аргументы против глобального, а потом универсального эволюционизма, идеи его замены коэволюцией были выдвинуты в конце 80-х годов. Начало дискуссии см.: *Кутырев В. А.* Универсальный эволюционизм или коэволюция?//Природа. 1988. № 8; *Моисеев Н. Н.* Универсальный эволюционизм и коэволюция//Природа. 1989. № 5.

им чувственным блеском» (чему улыбаться, когда пытают и сдирают кожу), философия отодвигалась на обочину познания. Гётеанизм потерпел поражение от ньютонианства. Позитивизм – вот научная (не)философия. Сейчас он существует в форме «философии» науки. Философии в кавычках, потому что по существу это методология и общенаучное знание, Megascience, Big History, необходимые, ориентирующие, образовательно-полезные, а его носители «общеучёные», знающие, умные, новационные, но это не философия. А взамен философии. «Прогрессивная философия», наркоанастезирующая движение человечества по пути к Ничто. Совсем и сразу как от сознающего мир и себя мышления не откажутся, но ей/ему грозит маргинальный статус. *Сочтут* излишн/ей/-им. Как целостного телесно-духовного человека в целиком искусственной информационной среде.

Чтобы этого не случилось или случилось как можно позже, надо бороться за сохранение бытия и его отражения – основного вопроса философии, подобно тому как индивиды стремятся прожить дольше, несмотря на предвидимый печальный исход. Многие формы сущего исчезли, а многие существуют рядом, параллельно с появившимися позже, «превосходящими» их по какому-то параметру, миллионы лет. Человеку надо заботиться об идентичности своей формы. Such as we are mad of, such we be! (Какими мы созданы, такими нам и быть!)[1] Экзистенциальная ситуация человечества трагична, но не бессмысленна, пока и поскольку из неё ищут выход.. Не подготовка к смерти (философия должна учить умирать), а борьба за продолжение жизни (философия должна учить жить) придаёт ей смысл. Последнее интервью Ж. Деррида, больше чем кто-либо сделавшего для де(кон)струкционного умерщления вещей и жизни, называется: «Наконец-то научиться жить». Это предполагает «приведение» теорий вирто, микро и мегамиров к философии макрореальности. Побывав в трансцендентальном космосе, надо уметь возвращаться на Землю. Как люди, работавшие в мире иного, в опасных радиоактивных зонах и агрессивных химических средах, возвращаясь, проходят шлюзование, радиационный контроль, тщательно мылятся и долго моются, так учёные, занятые общенаучным, постмодернистским, трансцендентальным теоретизированием должны проходить аналогичные процедуры. Проходить гуманитарные (этические, эстетические, религиозные, экологические, философские), а также политико-правовые фильтры. Они их заслуживают, их надо им предоставить.

---

[1] *Shakespeare W.* Twelfth Night, or What you will. IV. 2.

Одновременно предоставив науке право играть, быть «мышлением liberal art», изобретая новое без претензии на практическую реализацию. *Без ин*-новаций.

Философия – постижение духа времени, своего или который она хочет воскресить. Если наука говорит рационально о рациональном, религия, мораль, искусство ценностно о ценностях, только философия воплощает также и ценностное отношение к миру. Но выражается оно на рациональном языке. Её предмет не мир в целом, а целостно о мире. В этом рациональная ценность философского знания. Философия – живая вода культуры, возрождающая человека к бытию, побуждающая его к сопротивлению нигилизму. По крайней мере таково должно быть её назначение. Философы – это учителя жизни, а не наркоторговцы и технократы. Не продавцы смертельно сладкой лжи для зомбирования и «прогрессивного снятия» человека. Чтобы крик о небытии не оборвался молчанием, мы должны слушать и, насколько хватает силы (и) духа, ***идти на Зов Бытия***. Человеческая трагедия – только один, явно не последний акт, круг вечной, бесконечной Божественной Комедии. Для нас, смысл Игры в том, чтобы искать свое место и способы продолжения бытия даже в чуждом нам, как целостным телесно-духовным существам, мире.

ГЛАВА VI
КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ МИРА И ВЫЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Явление когнитологии

Все великие империи, будь-то Римская или Советская, распадались из-за обострения внутренних отношений. Более чем двухтысячелетняя традиция философии тоже терпит поражение не столько от ударов постмодернистского нигилизма, сколько из-за процессов и событий в царстве человеческого духа в целом. Постмодернизм – их продукт, проявление. Безжалостно отрицая исторически сложившиеся формы духа, он вполне позитивен для новой эпохи и порождаемой ею реальности (или, наоборот: для новой реальности и порождаемой ею эпохи). Он – ту и другую, манифестирует и обосновывает, будучи для них таким же значимым, как философия в свою бытность царицы (метафизической матери) наук. В нём выражается новый образ жизни и знания, возникающего в результате охватившей мир информационно-коммуникационной революции. Это глобальная идеология техногенной цивилизации, захватывающей(ая) одну страну за другой, продвигаясь с Севера на Юг и с Запада на Восток.

При таком понимании постмодернизма, его важно рассматривать не интерналистски, изнутри, а как он развивался вместе и параллельно с историей человеческого общества, или минимум, вместе и внутри культуры, или minimum minimorum, внутри философии. Чего пока не делается. Это близорукость антиисторизма, возникающая вследствие приложения одинаковой мерки к разным социально-культурным обстоятельствам и лишения их собственного времени. Антиисторизм – это антивремя. Его другое название – догматизм. Как вариант – априоризм. В свое время любили цитировать положение К. Маркса «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Оно действительно плодотворно, однако при условии, если не превращается в отмычку, которой, к сожалению, «интерналистско-идеологический постмодернизм» то и дело пользуется. В противостоянии этому новому догматическому империализму как «априорному догматизму нового», мы будем ориентироваться на герменевтико-исторический реализм.

Падение начинается с вершины? и потеря философией статуса метафизики как высшей формы духа происходит со смещением её внимания с бытия на познание, переносом центра тяжести с онтологии на гносеологию. И. Канта не зря до сих пор считают актуальным философом. Потому что он первый «отказался от мира», объявив его «вещью в себе». Перестав рассматривать объективное бытие как таковое, он перенес интерес и смысл философствования на субъект, сознание и познание. Гносеология становится сферой философии наиболее близкой науке и философии науки. Именно кантианской традиции со-ответствует сциентизм, а потом конструктивизм и технологизм нашего времени. Считавший себя продолжателем Канта И. Г. Фихте придал априорному надчеловеческому сознанию опять бытийный статус, что было предвидением будущей экспансии искусственной реальности. Однако слишком ранним. Кант, как известно, к возможности подобного развития своих взглядов отнесся неодобрительно. Время произрастания новой онтологической ветви придет позднее.

А пока гносеология, анализ субъектно-объектных отношений становятся синонимом прогрессивного, отвечающего духу времени, «продвинутого» философствования практически до возникновения феноменологии и структурно-лингвистического поворота, не говоря об «отсталых странах», где гносеология была знаменем прогресса в борьбе с гегельянством и материалистической онтологией почти до конца XX века. Хайдеггерианство и связанное с ним возобновление внимания к проблемам бытия не могли остановить общий процесс гносеологической деонтологизации философии. Так же безуспешно ему противостояли философская антропология и экзистенциализм. Их, да и любые вненаучные формы философствования, можно считать маргинальными уже в неклассическую эпоху, сейчас же, в постнеклассичекую, или, говоря культурологическим языком, эпоху постмодерна, они существуют вопреки, несмотря или по недосмотру адептов и идеологов глобальной сциентизации, технологизации и дигитализации всего сущего.

Однако на отказе от предметно-чувственного мира (опыта, фактов) – от «бытия» и переносе внимания на гносеологию процесс деонтологизации философии не остановился. Он продолжился внутри самой гносеологии. В ней происходит отказ от рассмотрения познания с точки зрения субъект-объектных отношений, от оппозиции субъект-объект как «основного вопроса философии». Сначала он ре-

шается в пользу первой стороны – приоритета наделенного сознанием и волей субъекта, больше не отражающего, как в классической онтологии, а изменяющего и преобразующего противостоящий ему объект. Субъект первичен, действует и «создает» себе объект. В этом свете всё, что было в философии до Канта, предстаёт как аристотелизм, «птолемеевщина». В разработке гносеологии как учения об активно познающем субъекте суть совершённой им коперниканской революции. Заменяя принцип отражения принципом деятельности, гносеологизм ориентирует на исследование новых, уже не онтологических оснований познания...

И сталкивается с онтологичностью (фактичностью) самого субъекта. Хотя субъект может быть не индивидуальным, а коллективным, родовым, он всё ещё обладает «бытием» – носитель опыта и каких-то жизненных характеристик – антропоморфный, духовный, психологичный. Даже если универсализируется. Деятельность, направленная на «что-то», предполагает деятеля, «кого-то», что вместе обуславливает её сущностную апостериорность. Проблема снятия бытийного, особенно антропологического характера активности субъекта встаёт во весь рост только в философии XX века. Ранее предпринимавшиеся такого рода попытки в пользу Бога, Абсолюта или, как у самого Канта, «практического разума», так или иначе, инициировались внезнательной, эмпирической, пусть и сублимированной, реальностью. Или предполагались реальными. *Принципиально и радикально проблема деонтологизации философии решается при отказе от субъект-объектной схемы как таковой.*

Это происходит в русле позднего позитивизма и критического рационализма, где гносеология полностью десубъективируется, что означает её выход за рамки философии и превращение в науку. В результате такой трансформации она прекращает своё существование. Её функции принимает на себя эпистемология. *Эпистемология – научная гносеология, (не)гносеология, бывшая гносеология.* Знание в ней рассматривается и не как отражение, и не как средство преобразования внешнего мира, а в качестве существующего самого по себе, самостоятельно – анализируются его предпосылки, функции, возможности. Эпистемология исходит не из занятого познанием «гносеологического субъекта», а из объективных структур знания sui generis. Онтология как бы возвращается, однако, уже в роли онтологии знания. Онтологии как (не)онтологии, постонтологии. Если гносеология это теория познания пред-лежащей реальности, то эпис-

темология это *теория самого (по)знания как особой реальности*. Предметная или чувственно-телесная реальность в ней практически исчезает, испаряется. Если она в знании и представлена, то «не собой», а предельно опосредованно – в виде его направленности на что-то (гуссерлевская феноменология) или через обозначение чего-то (структурно-лингвистический анализ). Представлена до тех пор, пока от неё не откажутся вовсе и не будет объявлено, что существует лишь самореферентные феномены, язык, знаки, текст – и ничего больше. Эпистемология – вершина, последний рубеж традиционного, хотя уже облаченного в научные формы философствования, связанная с ним пуповиной анализа внутренних значений внешней предметно-чувственной реальности. *За* рубежом это *постфилософская* теория и методология любой научной активности как новая, универсальная, самостоятельная дисциплина. «Общенаучное» научное знание. Как вся научно-аналитическая философия, или «стандартная» позитивистская философия науки [1].

Казалось, что в контексте трансформации метафизической субъект-объектной философии в науку, у эпистемологии блестящие перспективы. Торопливые теоретики от философии начали переназывать все проблемы познания – и когда процветала онтология, и когда победила гносеология (что называется, «от яйца»), – проблемами эпистемологии. В учебниках по философии науки теории познания, больше нет. Она трансформировалась в эпистемологию. Как раздел, гносеология исчезает и из учебников по общей философии, которая, стремясь удостоиться похвал, что стала научной, избегает своего «основного вопроса» о соотношении мира и челове! а, объекта и субъекта. Теряя эту проблематику, она действительно становится научной, то есть теряет себя и превращается в философию (теорию и методологию) науки. Содержание же теории и методологии науки фактически сводится к эпистемологии. С большей или меньшей полнотой, с сильной или слабее проявленностью, везде – эпистемология. Кто думает по другому, «онтогносеологически», т. е. говорит о денотате, истине, о соотношении объекта и субъекта, вспоминает содержание и чувственную предметно-телесную реальность, тот просто консерватор.

---

[1] Может быть недавно основанный журнал «Эпистемология & философия науки» переименовать в: «Эпистемология & наукология»?

Время летит стремительно, технологии меняются каждые 3–5 лет и от эпистемологического ствола общенаучного (бывшего философского) древа пустился и набирает силу смертельный для него побег. В последних, новейших философских изысканиях эпистемология тоже исчезла(!). Вместе с неклассической эпохой. Постнеклассическая эпоха постмодерна отказывается не только от гносеологии, но и от эпистемологии. Пробил их час, они обе (особенно обидно за вторую, совсем молодую) приказали долго жить. На их месте возникла когнитология. Для думающих, что они философствуют, ничего особенного не произошло. Во многих словарях, вовсе не старых, слово «когнитология» объясняется путём простого перевода с латыни: «относящееся к познанию; когнитивный – значит познавательный». В «передовых статьях» гносеология и эпистемология срочно заменяются когнитологией, которая опять применяется ко всей истории философии – ab ovo или глубже. Ко всей современной философии. Обсуждаются проблемы «когнитивного развития личности», «когнитивные особенности мифологического мышления», «когнитологические механизмы диалога культур» и др. Кто продолжает говорить о рациональном и иррациональном, тот утратил чутьё к новому, а не утратившие его должны исследовать «соотношение когнитивного и ценностного в научном исследовании». Таким образом, оказывается, что никакой гносеологии и эпистемологии не было. Всегда была когнитология. Кто думает по другому, «гносеоэпистемологически», т. е. вспоминает значения, говорит о проблемах интерпретации и реализуемости, смысла и верификации, тот тоже консерватор, хотя, быть может, не такой злостный, как онтологи и реалисты [1].

Как всё же много теоретиков безнадежно отставших от паро/электро/аэро/ракето/компьютеро/воза современности! А может, другими словами, бегущих впереди его? Но именно *словами*, так как на самом деле «бегущие по волнам» не хотят считаться, что каждое понятие имеет предел применения (должно быть фальсифицируемо, сказал бы К. Поппер) и «распространенное на всё» утрачивает своё содержание. Становится пустым. Или, если его содержание сохраняется, оно разрушает, выхолащивает неадекватный ему предмет исследования. Отстают, потому что убегают – от сути дела, от драматических противоречий развития. Отсталость в наше время при-

---

[1] Может быть, недавно основанный журнал «Эпистемология & наукология» переименовать в: «Наукология & когнитология»?

обретает прогрессивные формы. Экономя время для последующего рассмотрения содержания когнитологии, воспроизведём её наиболее устоявшуюся базовую характеристику:

«Когнитивная наука (cognitive science) – комплекс наук, изучающих познание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей. Включает в себя исследования, проводимые в таких областях как эпистемология, когнитивная психология, лингвистика, психолингвистика, психофизиология, нейробиология и компьютерная наука. Основания когнитивной науки были заложены исследованиями математика А. Тьюринга по конечным автоматам (1936). Ему удалось показать, что для проведения любого вычисления достаточно повторения элементарных операций. Тем самым открылись перспективы для проверки и реализации известной идеи Т. Гоббса и Д. Буля, мышление есть исчисление»[1].

Сущностно в данном определении можно выделить три практически никем неоспариваемых мысли: что когнитивная наука (когнитология) изучает «познание и высшие мыслительные процессы», что она делает это путём «применения теоретико-информационных моделей» и что «мышление есть исчисление». Если гносеология это теория (по)знания внешней реальности, эпистемология это теория знания как особой реальности, то когнитология, в пределе – это *теория всей реальности как особого знания*. Для традиционной философии, вообще для сложившегося способа человеческого познания посредством языка – Logos'а, не говоря об образах и представлениях, об интуиции и телесности, это крайне серьёзное событие, означающее, собственно говоря, их ликвидацию. Смерть. Замену не только человека, не только субъекта, не только сознания, до сих пор существовавших эмпирически и выражавшихся преимущественно посредством языка – словами, устно и письменно, вслух и «про себя», но всего Означающего. Которое, отныне, лишается предметности и психичности (ценностей и смыслов). *Становится Информацией.* Место онтологического человека, гносеологического субъекта, эпистемологического со-знания занимает когнитологическое мышление, включённое в один ряд с информацией и исчислением. Они предстают как проявление, коды одного и того же процесса функционирования систем (комплексов) получения, обработки, хранения и, по мере необходимости, активизации информации. Её исчисления или, иначе говоря, мышления. Гносеологическая истина и эпистемологический

---

[1] Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 264.

смысл уступают место когнитивному знаку (цифре). «Телом мысли» в таком случае является не столько человек, сколько компьютерная техника. Компьютер, если по-русски — Универсальный Вычислитель. А если в когнитивистике — Мыслитель. Всё это подходы, этапы становления и «проба пера» технического, т. е., в пределе — абиотического, немозгового, постпсихического, постсемантического мышления. *Когнитология есть теория и методология, а в условном смысле и «философия» информационно-компьютерных технологий, их доведения до уровня искусственного интеллекта как Реальности и обеспечения её пространственно-временной экспансии внутри человеческой цивилизации на Земле и в Космосе.*

При содержательном понимании когнитивности, мы видим, что повальное употребление данного понятия превращает его либо в пустышку, либо ведет к теоретически странным, необычным сопряжениям смыслов, превращая их в абсурдные. Что это будут за «информационные особенности мифологического мышления», «вычислительное развитие личности», «постсемантические механизмы научного исследования» или «соотношение математического и ценностного в диалоге культур»? Если здесь есть проблемы, а они есть, притом самые острые, то они требуют специального разъяснения, особого направления философствования, изучающего взаимодействие разных миров и онтологий, разных способов теоретизирования, принципиально по-новому ставящих вопрос о соотношении технического и гуманитарного знания. Нужен осознанный анализ как принятия, так и не принятия когнитивизма. Для о-предел-ения сфер его ответственного использования.

Критически относясь к универсализации когнитологии, её распространению на всё и вся, особенно в истории мысли, в психологии, лингвистике и, разумеется, в философии, мы не имеем оснований считать, что её (по)явление было результатом произвольного изобретения. Ею завершается *нарастание абстрактности духовного освоения человеком мира по линии восхождения от «поэмы к матеме»: мифология — онтология — гносеология — эпистемология — когнитология*. Также как нельзя считать, будто постмодернисткая эпоха не имеет предпосылок в модернизме. Не исследуя почвы, корней и ствола бурно растущего древа познания, ставшего когнитологическим кустарником, невозможно понять и в интересах человека оценить его плоды. Предположить, куда оно будет распространяться дальше. Без такого понимания мы останемся в плену «идеологиче-

ского постмодернизма», манипулирующего словами без соотнесения с порождающим их бытием. И тем самым маскирующим реальность, которая приходит, надвигается, лишая нас шансов, где возможно, к ней приспосабливаться, а где нужно – бороться.

Будем копать. Понимая, что формализация, когнитивизация и меонизация мышления подобны механизации, автоматизации и ликвидации физического труда, и помня, что археология (знания) требует ручной работы (головой).

2. Трансцендентализм как философия когнитивизма

Молодые не знают, а старики кое-кто помнят, что прежде чем всё стало информацией, а любое сущее, не исключая человека и общества, её кодом, существовала Природа, Естественное (калька с греческого – physis, с латыни – natura). Статусом подлинности обладала чувственная реальность. Соответственно, философия предавалась изучению окружающего мира, возгонке в мысль того, что человек видел, слышал, осязал – и была мета/физикой, натур/философией. Для метафизиков = натурфилософов природа представлялась некой самой себя обосновывающей сущностью – субстанцией, носительницей всех воспринимаемых человеком качеств. С развитием науки как естестество-знания, природа-субстанция теряла свои непосредственно чувственные качества и превращалась в Материю, которую естество-ис-пытатели рассматривали как конкретный материал изучения и преобразования. Постепенно натур(мета)философы тоже переориентировались на материю-материал и стали заниматься вопросами естество-зна(пыта)ния, превращаясь в «материалистов», сочетая веру в природу-материю как субстанцию с осмыслением результатов, достигнутых науками в изучении её конкретных свойств. В европейских университетах даже в Новое время на философских факультетах фактически занимались естествознанием, они были родственны факультетам медицины и противопоставлялись факультетам богословия. Западный «доктор философии» профессионально до сих пор может быть физиком и математиком. Материализм соперничал с идеализмом всю классическую (модернистскую) эпоху и начал утрачивать влияние, когда наука обратилась к исследованию «невидимых» миров, микро- и мега- реальностей и отношений, т. е. превратилась в неклассическую.

По мере того как наука теряла связь с непосредственно воспринимаемой эмпирией, онтологический, как механический, так и диалектический материализм становился «гносеологическим», «научным», «функциональным», «знаковым» и т. п. Но в принципе его время кончилось, и в ситуации постмодерна это как и природа, жёстко табуированное слово. В среде «пишущих философов» прослыть материалистом также неприлично как идеалистом в «эпоху диалектического материализма». Если кто отважится, то отчаянная голова, кому чужая жизнь копейка, да и своя пятачок. Об этом, впрочем, мало кто узнает. Материалистически ориентированные мировоззренческие тексты практически не публикуемы, разве что под покровом экологии, от которой от самой, в обстановке творящейся инновационной вакханалии, остаётся пустое слово.

В «высокой философии», непосредственно не связанной с естествознанием, материализм никогда не занимал высокого положения. В кабинеты и парадные залы его не пускали, держа в прихожей, в лучшем случае, на кухне, в спальне. Гегель, как известно, вообще не считал его философией. И вот теперь, когда он «был всюду принят, изгнан отовсюду», казалось, наступило время полного торжества идеального и его теоретиков. Однако никаких кликов ликования не слышно, больше того, постмодернистской деконструкции подвергается не столько материализм (которого как бы нет), сколько «платонизм». Платон для постмодернистов стал каким-то жупелом (правда, в пост-постмодернизме его реабилитируют, но это требует особого разговора). Декарт и Гегель тоже не в почете, Бога умертвили, критика центризма, начинающаяся с критики теоцентризма, завершается разрушением любой вертикали, линеарности и семантизма. В борьбе с классикой классический идеализм главный объект атаки, ибо он является её высшим достижением. Важно разрушить «естественную установку»: сам принцип бытия, присутствия, онтологию, неважно материальную или идеальную; ликвидировать принцип отражения, образца-копии, неважно отражается ли природа в сознании или эйдосы, дух, идея воплощаются в природе; снять саму бинарную, неважно дуалистическую или монистически-диалектическую оппозицию лого/с/центристского мышления. Идеальное, идеализм – Победитель, понурив голову, уходит со сцены вслед за поверженным и лежащим на пол(у)е боя побеждённым соперником – природой и материализмом.

Это в центре нигилистического, меонистического циклона, уносящего традиционную философию. По его краям, в самой философии начались аналогичные процессы. Вслед за «материей» куда-то исчезает и «идея», идеальное. В «Новой философской энциклопедии» (М., 2001), например, идеализму уделена 1 страница, а слово «идеальное» отсутствует вовсе(!). Факт особенно показательный, если вспомнить, какие страсти бушевали вокруг них во времена «старого» издания, где идеализму было посвящено 13 страниц, а идеальному 9. (Щадя жизнь философов советского воспитания, соотношение статей по материализму лучше хранить в тайне). Это, конечно, не по забывчивости или безответственности. В текущих исследованиях «идеальное» фактически вытеснено понятием «виртуальное» и настолько, что первыми виртуалистами вот-вот объявят Парменида, Фалеса, а может кого и раньше (теперь, не шутите, вся культура, а у «неофундаменталистов» и природа, виртуальная реальность); при переиздании философских классиков в некоторых предисловиях слово «идеальное» по-тихому стали заменять (подменять) на «виртуальное». Виртуальное, не так давно переводившееся как «мнимое», претендует быть более реальным, чем «реальное реальное». Как идеальное в идеализме – субстанцией. Поток статей и диссертаций по виртуалистике несравнимо мощнее, нежели по проблематике идеального, от которой остался слабенький, почти пересыхающий ручеёк. В сущности говоря, идеальное отправлено в архив вслед за материальным вместе с так называемым основным, главным, центральным, кардинальным вопросом всей метафизической философии»: что есть Бытие (Природа, Бог)? Какое оно, материальное или идеальное? Вместе с самим бытием. В шею его! Что и отразилось, по мере сил, не всегда последовательно, в Новой, оправдывающей это слово, российской философской энциклопедии 2001 года.

Как видим, судьба всю жизнь братски враждовавших понятий материального и идеального одинаково печальна. Хотя в разной степени. Если у материализма не осталось даже наследников, по крайней мере, прямых, то у идеального есть, не всеми правда признаваемый, восприемник – виртуальное, которое (в свидетелях все следящие за текущей философской жизнью) стремительно стремится занять его нишу. А не признаёт его опять-таки «высокая философия». Какое-то оно сомнительное – «техническое», без корней, без истории и традиции. Обсуждают его в основном в русле философии науки, техники и информатики. Выскочка. И вот – спрос рождает предложение – в

последнее время на наследство идеального объявился еще один претендент. Это – трансцендентальное, которое, пожалуй, может вступить в спор за наследство с виртуальным, претендуя на него по праву первой очереди. Ибо укоренено в истории философии: идеализм различался как субъективный, объективный, абсолютный и – трансцендентальный. Правда, до смерти «классического идеализма», понятие трансцендентального держалось скромно, как обозначение одного из не самых значимых направлений, известного в основном специалистам по Канту, неокантианству и феноменологии и о котором не пишут в учебниках. Теперь оно выходит на большую дорогу. Этот, по словам Гегеля, «варварский схоластический термин», заимствованный Кантом из средневековой теологии, распространяется всё шире и по последним наблюдениям в своей «обратной экспансии» дошел до Декарта. Уже появляются высказывания насчет «трансцендентального идеализма Платона»[1], имитируются неокантианские попытки «трансцендентального измерения гуманитарного знания», вплоть до укоренения трансценденцентального в экзистенциальном(?!). Опять все признаки набирающего обороты заваливания существа понятия противоположными или посторонними смыслами, его превращения в «необязательное» слово. Как с когнитивизмом и виртуалистикой.

Пока этого не произошло (откапывать его в виду сложности для понимания будет особенно трудно), обратимся ко времени, когда оно обрело свой действительный смысл, связанный с разрывом с прежней метафизической философией и поворотом от онтологии к гносеологии, потом к эпистемологии, а далее к когнитивистике. Философия трансцендентального идеализма и когнитивизм внутренне взаимообусловлены, вследствие чего И. Канта можно считать первым представителем когнитивного моделирования мира.

Так чем отличается трансцендентальный идеализм, осознававшийся самим Кантом как *беспрецендентный* в истории философии, от прежнего, «метафизического» идеализма?[2] От «неспособного указать никаких критериев истины» субъективного идеализма Беркли, от «догматического идеализма Платона», а также от идеализма Декарта,

---

[1] Не хотелось бы подрывать авторитет А. Ф. Лосева, писавшего о зачатках трансцендентализма в античной философии, которые усматривались им в обосновании эстетического созерцания. Но вряд ли он сомневался в традиционно онтологическом характере объективного идеализма Платона.

[2] В постановке этого вопроса мы опираемся на книгу: *Асмус В. Ф.* Иммануил Кант. М,. 1973.

даже Лейбница, других математиков и философов, опиравших свои теории на интеллектуальную интуицию? В Новое время в философии и науке стало утверждаться убеждение, что «познание всякого, по крайней мере, человеческого, рассудка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное»[1]. Другими словами, оно должно быть научным, т. е. не выходить за пределы строгой рациональности, в которой и надо искать обоснование его обязательной общезначимости. Ни интеллектуальная, ни чувственная интуиция, ни тем более апелляция к Трансцендентному её не обеспечивают.

Трансцендентальный идеализм отличается от «обыкновенного» онтологического и от субъективного идеализма тем, что постулирование в нём чистого, внеопытного, априорного разума было прыжком человеческого духа из единственной, генетически адекватной ему предметной реальности в возможные миры. Это философский этап его «де-терра-ториализации» и обоснование права на существование не обусловленного природой, материей и обществом (апостериорным, эмпирическим), Богом, духом, психикой, вообще «означаемым» – знания. Другими словами, не обусловленного Бытием и учением о нём – онтологией. Бытие квалифицируется как «вещь в себе» и больше не присутствует в каких-либо теоретических построениях. Данные опыта, «факты», по мысли Канта, имеют значение постольку, поскольку дают представление о законах' эмпирической реальности, но они не могут привести к познанию генезиса и причин этих законов, гарантировать их аподиктический характер. Законы, в силу которых существует и через которые познается мир, должны быть первичными, «начальными». Не законы в мире, а мир в законе. Не разум в Бытии, а бытие в Разуме. Не возможности, открывающиеся в ходе развития действительности, а действительность как воплощение заранее существующих возможностей. Это чистая аксиоматика чистой мысли.

Человеческая мысль долго двигалась к достижению чистоты, свободы и самостоятельности. Первоначально она была полностью «вплетена в бытие» и, неразрывно связанная с наглядными представлениями, оперировала преимущественно чувственными образами. Осваивала единичное. Это было «бытие-в-мире». В процессе усложнения практической деятельности, возникают общие понятия, которые требуют преимущественно звуковой, словесной формы, не-

---

[1] *Иммануил Кант.* Сочинения в шести томах, т. 3 М., 1964. С. 166.

посредственно не отражающей каких-либо предметов. Такой подход к реальности устанавливался с большим трудом. Вижу чашу, но не вижу чашности, говорил оппонент Платона. Это потому, отвечал тот, что у тебя есть глаза, но нет ума. Тем не менее, люди постепенно осваивали «невидимые», «сверхчувственные» связи и отношения. Формировали «картину мира», в которой появляются беспредметные понятия, категории и универсалии. И, наконец, возникает логическое мышление как таковое, счет и первые представления о количестве, не опирающиеся ни на указания конкретных предметов, ни на память о них («без палочек» и пальцев рук-ног). Осваиваются проектные и реляционные, «без-вещные» отношения. Изобретаются бесконечно малые числа и аналитическая геометрия.

Человеческая мысль, повзрослев и встав на собственные ноги, подняла глаза к небу. Проблема, однако, в том, что смотрела она туда ради земли, побуждаемая потребностями свой телесно-духовной жизни. Она *эта*, с определённым артиклем, человеческая. Логос, слово, язык, действительные числа обусловлены эмпирией, хотя бы потому, что они «качественные» и всегда «о чем-то». Выражаемое в них знание содержательно. Абстрактное нарастает, но самые тонкие сублимации, самые отдалённые испарения несут в себе следы своего субстрата. Следы бытия. Декарт разделил бытие на две сущности, а потом всё время был озабочен проблемой их взаимодействия. Только Кант решился обрезать пуповину, тянущуюся от бытия к сознанию и постулировал самотождественность, априорность и независимость последнего. Даже от головы, от физиологии и психики. Осознал *в принципе* его совершившийся «отлёт» от действительности. Для начала – от природы. «Ибо те, кто исследует одни лишь явления природы, всегда остаются одинаково далеки от глубокого понимания первых причин этих явлений и столь же мало способны достигнуть когда-нибудь познания самой природы тел, как те, кто, подымаясь в гору всё выше и выше, стал бы убеждать себя в том, что в конце концов они коснутся рукой неба»[1].

Во времена Канта Небо было оппозицией земле, символом чистоты и пустоты, хотя не для всех: у кого-то там были поселения богов. Если бы он жил сейчас, то мог полнее развернуть свою аналогию. На небе жили и живут «традиционные идеалисты». Метафизические. Как религиозные, так и секуляризованные. Да, они оторваны от земли,

---

[1] Там же. Т. 1, 317.

однако это, пусть предельное, но абстрагирование. Там могут быть образцы, «эйдосы», предполагающие земное воплощение. В любом варианте: Небо зависит от Земли или, наоборот, Земля порождается Небом, они обуславливают друг друга. Специфика трансцендентального философствования в выходе за пределы системы земля-небо, являющейся своего рода содержательной реализацией традиционного бытия. *Преодолев земное притяжение, человеческий дух, в лице Канта, вышел в Космос.* В мега и микро масштабах. Вместо предметного бытия = от бытия, у Канта остаются пространство и время. Существующие а-приорно и аподиктически. Вечно и бесконечно. Это характеристики не субъективного, и не просто объективного и общезначимого, а трансцендентального сознания. (Имея в виду дальнейшие тенденции, лучше бы сказать не «сознания», а «мышления»; Кант – принципиально окончательный убийца Духа, вместо него он *изобрёл Мысль, Интеллект*; Но всему своё время). Транс-, через-, пост-, пере- – назначение подобных приставок в обозначении «перехода за», прорыва границы сущего. Границы Земли и её атмосферно-духовной ауры – Неба. П(е)реступание человечеством (в) за Бытие. Его deadline.

Поскольку сознание у Канта, принадлежа трансцендентальному надчеловеческому «Я», лишено субъективно-личностных характеристик, универсально и не взаимодействует с объектом, постольку, вопреки школьным представлениям, он эпистемолог, а не гносеолог. При том первый, ибо гносеологизм – предел «идеалистичности», абстрактности традиционного идеализма, ограниченного «основным вопросом философии»: взаимодействием Земли и Неба, материального и идеального, субъекта и объекта. Он до(вне)научный, спекулятивный, не «позитивный». Принципиальная новизна кантовской философии в сравнении с предшествующей как раз в том, что она его преодолевает. Коррелятом эпистемологии как философии науки, а не философии как метафизики с её онтологией и гносеологией, является постметафизический, т. е. *трансцендентальный* идеализм. Это минимум.

Максимум, что эта сфера чистого разума с его априоризмом и аподиктичностью есть, говоря языком науки, сфера потенциалистской логики, аксиоматики и дедукции, в конечном счёте, беспредметного, математического, количественно-топологического моделирования реальности. Моделирования как мысленного конструирования. Трансцендентализм – это то, что относится ко всем возможным мирам. Абсолютным максимумом возможностей обладает Ничто. *Транс-*

цендентализм – это то, что относится к Ничто, из которого возникает Всё. О «всеобщей математике», об «универсальной геометрии», которые применялись бы к любым областям знания, в большей или меньшей степени мечтали все рационалисты. Естественно, в естественных науках, но Гоббс, как известно, предлагал использовать их в политике и юриспруденции, Спиноза пытался делать это в этике, Лейбниц в мышлении вообще, в том числе в философии. «В случае возникновения разногласий, – провидчески писал он, – двум философам не придется больше прибегать к спору, как не прибегают к нему счётчики. Вместо спора они возьмут перья в руки, сядут за доски и скажут друг другу: «будем вычислять»[1].

Вот когда ставился вопрос о преодолении логоса (и не в восточно-христианском смысле как «Живого слова», а уже как «рацио») и переходе к когнитивному познанию! Однако выглядело это гносеологической утопией, которая не подкреплялась ни состоянием тогдашней математики, занятой преимущественно изучением постоянных величин и евклидовых геометрических фигур, ни философской тематикой, ориентировавшейся на рассмотрение действительности, а не любых отвлечённых форм мысли. По крайней мере, до создания (не открытия, как часто говорят, а именно создания, конструировании) воображаемой, наконец-то априорной геометрии Н. И. Лобачевского (1826 г.) и спустя три года геометрии Яноша Больаи, который с гордостью писал своему отцу: «Из ничего я создал целый новый мир». Докантовские рационалисты, если и подводили под всеобщую математизацию теоретическую базу, то она оставалась либо общенаучной, либо апеллировавшей к внерациональным аргументам. Не отказавшись от Бытия в пользу Ничто, не вырвавшись за границу традиционного «онтогносеологического» философствования, не сделав абстракцию первичной, т. е. фактически не абс/тракцией-сублимацией, а суб/станцией, создать её было невозможно. Мировоззренчески эту задачу решил Кант. Преодолев земное притяжение логоса, он вывел математизацию в априорный, пустой и чистый разум-космос, в силу чего его можно считать *первым представителем креативного меонизма, т. е.* философским основателем когнитивистики. *Он не просто эпистемолог, а когнитолог.* Хотя, разумеется, возникли другие проблемы, начиная с его собственной непоследовательности,

[1] Цит. по: *Рассел Б.* Новейшие работы о началах математики//Новые идеи в математике. Вып. 1. СПб., 1913. С. 87–88.

но всё это на уровне, коррелятивном запросам неклассической науки и постметафизического мировоззрения.

Главной причиной непоследовательности Канта оставалась «вещь в себе», мир, от которого он отказался. Получив после этого антиномические противоречия и начав задыхаться в пространстве-времени пустоты, падать, теряя ориентацию и равновесие, в неве(щ)сомости, замерзать среди холодных аксиоматических построений алгебры и геометрии, он был вынужден возвратиться назад, на Землю. Фактически через принцип двойственности истины, прибегнув к практическому разуму, необходимым постулатом которого является существование Трансцендентного Бога. Войдя в этот корабль духовного спасения, он отчалил от абсолютно чистой трансцендентальной апперцепции и, оттолкнувшись, парашютировал «вниз», к эмпирии, к проблемам чувственно воспринимаемой реальности, «метафизики нравственности», «вечного мира», «незаинтересованого», но всё же «удовольствия», другим жизненным формам человеческого бытия. Вплоть до интереса к натуралистическим воззрениям Руссо.

Эстафета борьбы с духовным и предметно-чувственным миром, нашей «естественной установкой» (через голову Гегеля, Маркса, оставшихся «при бытии», т. е. метафизиками, была принята следующим великим представителем трансцендентализма Э. Гуссерлем. Он тоже прошёл стадию отказа от метафизическо-идеалистического абстрагирования, называя его, в соответствии с терминологией Платона, эйдетической редукцией и считая недостаточным для создания философии как «строгой науки». Эйдетическая редукция – высшая форма абстрагирования, но она посюсторонняя и референтная. А не потусторонняя и не саморефлексивная. Она, следовательно, не трансцендентальна. Это «традиционный» рационализм. Трансцендентальной является *феноменологическая редукция*, в которой проблема внешней реальности решается не через её сублиммированно-абстрагированное, но всё равно мешающее чистой логике наличие, с одной стороны, и не через всё же пугающее меонизмом исключение из теоретического со(по)знания, с другой, а путём превращения в его атрибутивное качество. Сознание обладает свойством интенциональности, то есть направленности на реальность по самой своей сути. Как наш взгляд, если мы вменяемы, не безумны, всегда смотрит на что-то, а если мы слушаем, то не тишину, а звуки, так наше сознание всегда «сознание о» – о чём-то. Или чего-то. Вместо поиска объективного, «аффицирующего» нас референта – интенциональность. Вот

пункт поворота философствования от метафизики к феноменологии. Отсюда следует, что никакой отдельной «вещи в себе» предполагать не нужно. Она не отброшена, не забыта (как, например, предлагали неокантианцы Марбургской школы), а учтена, хотя как таковая не существует. Благодаря феноменологической редукции и идее интенциональности получается, что и волки сыты, и овцы целы. Мир помещён в скобки, капсулирован, он больше ничего не загрязняет и никому не мешает, однако, являясь членом алгебраического уравнения, участвует во всех сложениях, умножениях, делениях и прочих его преобразованиях. Он о(за)хвачен сознанием, находится в нём и заключён в него. Это состояние *сознания*. Так Гуссерль нашёл, «вывел» новую феноменологическую форму(лу) един(ства)ого мира как «(не)бытия-в-сознании».

Отныне человека окружают не вещи, а феномены. Даже не окружают – это выражение пережиток «естественной установки» – а всё сущее и он сам есть чистое, хотя бытийствующее сознание-знание.[1] В XX веке отказ от бытия как признания самостоятельного существования предметно-чувственного, образно-телесного мира приобрёл общетеоретический характер. Так называемый структурно-лингвистический (поздний вариант – текстологический) поворот оппонирует любому, как материальному, так и идеальному субстанциализму и эссенциализму, фактически позиционируя себя кантианством без вещи в себе и трансцендентального субъекта. Подобно феноменам, структура, язык, текст являются со/знанием, в котором по самому их назначению представлен объективный мир. Собственно говоря, это была трансцендентальная феноменология, вырвавшаяся из философско-спекулятивных схем рассуждения на простор сначала гуманитаристики, а потом познания вообще. Или наоборот: трансцендентальная феноменология была порывом философии к структурно-лингвистической парадигме, но ограниченная спекулятивными путами сугубо умозрительного типа мышления, осталась её специфическим, направлением. Оно до сих привлекает к себе высоких философских интеллектуалов, почему-либо не ставших полезными математиками, всех любителей «игры в бисер» возможностью заниматься церебральной теоретической мастурбацией, не оплодотворяя других областей жизни и деятельности. Хотя сам Гуссерль оказался (всего

[1] Прямо противоположную, антикогнитивистскую трактовку феномена и феноменологии развивавшуюся М Хайдеггером, мы обсуждали в статье «Крик о небытии»//Вопросы философии. 2007. № 2.

только) человеком и – «сломался». Разочаровавшись в науке, тем более «строгой», он, подобно Канту, обратился к экзистенциально-антропологической проблематике жизненного мира, этому «практическому разуму» XX века.

Однако теоретический разум не дремлет. Структурно-лингво-текстологическая парадигма была своего рода самоубийственным порывом гуманитаристики к его ещё более мощному проявлению. Она оказалась специфической гуманитарной подготовительной ступенью к развёртыванию *Великой Информационной Революции*. Феномен, структура, язык, – все их можно обобщить в понятии Информация. Она тоже универсальна, интенциональна и включает в себя, одновременно заменяя собой, Бытие. Кредо информационной трактовки мира: «В Начале была Информация. И Информация была у Бога. И Информацией был Бог» (новейший перевод ветхозаветной Книги Бытия).

Трактовка информации по аналогии с феноменами, языком и структурой, решая проблему «вещи-в-себе» путём её включения в себя через интенциональность, через отражательное понимание информации как «сведений», «информации о», «знание про что-то» не является априорной. Она лого(с)центрична и всё-таки содержательна, апостериорна, т. е. не до, не вне и не сверхопытна. Не формальна. Язык, язвык, язвук, голос = фоноцентризм; речь о чём-то и обращённая к кому-то = онтоцентризм; слова, которые бывают мужского и женского рода = фаллоцентризм – вот и полезла эмпирия. Так и со структурой, феноменами, со всей включившей в себя, изолирующе-кодирующей собою предметно-эйдетическое, эссенциалистское содержание мира, информацией. Ткни, поскреби хорошенько, раскрой скобки, повреди кабельную оболочку – и вещи выйдут из себя: брызнет кровь, ударит энергия, д/у/охнёт жизнью. Опять проклятые субстраты. Опять ненавистные идеи. Так называемые реальность, образы, смыслы. При том (караул!) – Человеческие.

Полагали, что здесь выручает текст. Он надёжнее, ибо отчуждён от головы и тела, существуя после изготовления вполне самостоятельно. Дух в нём упорядочен и организован. Внутреннее и имманентное преодолено. Если в языке бытие очищено и пастеризовано, то в тексте оно высушено и законсервировано. От территории остаётся карта, от общества библиотеки, от людей знаки. Обновленное, «постязыковое», усиленное кредо борьбы с чувственной реальностью: «нет ничего кроме текста». Под этим лозунгом познание докатилось

до постмодернизма. Но... погода переменчива, вдруг сгустятся жизненные тучи и на текст прольётся дождь, после которого законсервированное в нём содержание намокнет, разбухнет, оживёт и даст побеги? Заключённую в нём информацию начнут интерпретировать, «докопаются» до того, что она отражает, куда зовёт? «Звуки на а широки и просторны // Звуки на и высоки и проворны // Звуки на у как пустая труба...» (Д. Бурлюк). «Структуры не выходят на улицы» – это правда, но вдруг они ослабеют, пропитаются «желанием» и опять появятся субъекты? Опасность апостериорного заражения знания бытием и жизнью – сохраняется. *Текстуализм тоже не подлинное, не фундаментальное, а значит не гарантированное у-ничто-жение бытия и его всевозможного лого/с/центристского представительства!*

Подлинный прорыв к трансцендентализму и когнитивизму происходит в транс(пост)модернистской (не)философии: после деконструкции традиционной метафизики, т. е. умервщления субъекта, человека, означающего и означаемого; в процессе отказа от слова (и знака!) или, если сохранять это слово, в пользу *пустого* знака, т. е. письма, грамматологии; по мере реализации программы борьбы с архео-тео-онто-этно-фалло-фоно-лого (историей, Богом, бытием, культурой, телесностью, эмпирией, слово/центризмом и прочих, прочих экспроприационно-деконструкционных ак(т)циях нигилистической идеологической революции; после бульдозерной рас(за)чистки ею места (не терри(терра)тории, а от территории) с целью подготовки теоретической площадки для позитивно-нигитологического когнитивного моделирования и конструирования. Когда как результат действительно возникают «новое Небо и новая Земля», а если без архаических метафор, то человечество, наконец, пре--одолевая небо и землю, начинает действовать в Космосе, на любых иных планетах не только в фантазиях или технически, но и философски. Делает его точкой отсчёта при моделировании любой реальности, а *космизм – мировоззрением и парадигмой познания.* Или, уничтожая природу, создаёт «рукотворный» космос (возможные виртуальные миры), его/их невыносимые условия для жизни на земле. Отряхнув со своих ног прах естественной реальности и обратив взгляд внутрь себя, вступает в реальность головную, а потом от головы отчуждённую, полностью искусственную, информационную, интеллектуально-техническую. *В когнитивно реализованный трансцендентализм.*

Самый значимый теоретический вклад *в когнитивно-трансцендентальный, компьютерно-космический по(пере)ворот,* как знаток истории философии, её болевых точек, внёс, Ж. Делёз. Он «довёл до точки» проблемы, оставленные Кантом и Гуссерлем, не имевшими для их решения объективных условий или малодушно убоявшихся последствий их последовательного решения. Не всегда осознавая, он положил краеугольные философские камни в основания когнитивизма, и хотя тоже страдал от нехватки воздуха, но мужественно держался до последнего прыжка из окна. Процесс шёл естественно, не по порядку, будто бы сначала была трансцендентальная философия, потом постмодернистская деконструкционная программа, а за ними когнитивная информационно-дигитальная практика. Скорее наоборот. Трансцендентальная философия «достраивалась назад», разыскивая, а чаще придумывая свои основания в прошлом, для чего его пришлось подвергнуть чудовищной деконструктивистской ревизии, поставив всю метафизику теперь уже (окончательно) с ног на голову, а потом вовсе оставив без головы, вместо которой будут предложены... (но об этом потом).

Философски нам важно зафиксировать точку опоры рычага трансцендентального переворота. Традиционная метафизическая философия опиралась на принцип тождества и исповедывала единство мира, которые Кант и Гуссерль не преодолели. Только в постмодернизме – Жиль Делёз вместо принципа тождества (и противоречия) предложил положить в основание философствования принцип различия (и повторения). «Различие – за каждой вещью, но за различием ничего нет»- таково кредо его «нового рационализма»[1]. Принцип тождества – это «самое само» метафизики вещей, тел и идей, объекта и

[1] *Делёз Ж.* Различие и повторение. СПб., 1998. С. 79. Детальному анализу этой работы у нас в стране был посвящён цикл семинаров в Самарском государственном университете. См.: *Конев В. А.* Трансцендентальный эмпиризм Жиля Делёза. Самара, 2001. В англоязычной литературе появились призывы к «неотрансцендентализму». Думается, что для большинства авторов и читателей речь не идёт о каком-то другом трансцендентализме; скорее подчёркивается необходимость поворота внимания к историческому трансцендентализму, заказ нашего времени на его реанимацию. К неотрансцендентализму можно относить начавшийся процесс его «детрансценденталиизации» (Р. Рорти), точнее прагматизацию (Р. Рорти, К.-О. Апель), а фактически технологизацию, которая, не отменяя постэмпиричности ,трансцендентализма по отношению к макрореальности, делает его имманентным виртуальному миру. Отсюда перверсия – «трансцендентальный эмпиризм».

субъекта, их существования и сохранения. А = А – изменения возможны, но в пределах границ, качества, идентичности данной вещи. Нарушая меру, изменения приводят её к гибели, разложению на элементы, из которых возникает нечто другое. Если эта «вещь» мир в целом, то все изменения происходят внутри Единого Бытия, которое само по себе вечно и бесконечно. Принцип различия, наоборот – когда А (не) = А, А = не А = Б = В и т. д. Это принцип существования «одного другим», становления и изменения, непрерывного возникновения Нового, Иного. Для суще(ствующе)го – принцип отсутствия, небытия. «Необходимо, чтобы вещь не была тождественной, но была бы разорвана различием, в котором угасает тождество объекта, увиденного как видящий объект. Необходимо, чтобы различие превратилось в стихию, высшее единство, чтобы оно отсылало к другим различиям, которые вовсе не отождествляют, но дифференсируют его. Необходимо, чтобы каждый член ряда, уже будучи различием, находился в изменчивом соотношении с другими членами, учреждая тем самым другие ряды, лишённые центра и сходимости. В самом ряде надо утвердить расхождение и смещение центра. Каждая вещь, каждое существо должно видеть поглощение собственной идентичности различием, быть лишь различием среди различий».[1]

Гимн, исполняемый Делёзом Различию, оправдан. Эта категория его заслужила, ибо сама постмодернистская философия нередко определяется как философия различия. Не только у Делёза, а во всём постмодернистском мышлении (см. например: *Деррида Ж.* «Письмо и различие» М., 2000), она выступает связующим звеном, средостением, своего рода шлюзом для перехода из метафизики в трансцендентализм, от эссенциализма к реляционизму, от единства к множеству, от сознания к мышлению. Переход от тождества к различию есть переход от вещей к отношениям, при том, различия в постмодернизме не являются основаниями вещей и даже не отношения между вещами. Это чистые, самодостаточные отношения – априорная Мысль. *Информация как нечто первичное* (не она отражает и кодирует мир, а мир является её отражением и кодом). Которая, как известно, тоже определяется через «меру разнообразия», т. е. через различие. Чистое, количественное, формальное. Первое, построенное Чарльзом Бэббиджем вычислительное устройство, называлось «разностная машина». Различия – это «атом», «элементарная частица» –

[1] Там же. С. 79

(нано)грамма, бит, пробел мысли-информации, существующих априорно, до опыта, до бытия. Если в философии Бытия в качестве causa sui постулировалась некая материальная (природа) или творческая (Бог) сущность, то здесь в качестве a priori берётся Мысль. Как таковая. Там субстанциальность, здесь трансцендентальность. Можно наоборот: a priori есть субстанциализм Ничто («мысли-в-себе»); causa sui есть трансцендентализм Бытия («вещей-в-себе»). Когда Канта, Гуссерля, Делёза упрекают в беспредпосылочности их априоризма (пространственно-временного, феноменологического, «дифференсиального»), то как-то забывают, что понятие субстанции, Бога тоже беспредпосылочно, не обосновано и постулируется. Просто это разные основания и постулаты. Два догматизма: фундаменталистский, содержательный и реляционистский, формальный. В метафизической философии в качестве догмы берётся Бытие (Природа, Бог), в трансцендентальной – Ничто (Сознание, Мысль). *Трансцендентализм суть априорный субстанциализм = субстанциальный априоризм.*

Субстанциализм/априоризм/фундаментализм не Бытия, а Становления, через различие-повторение, trace-differance, различие-повторение, trace-differance, различие-повторение и так далее... До умопомрачения. Авто(само), архе(первичное) письмо, графически (грамматологически) выражаемое цифрами 101100101110 и так далее... *По Программе.* Мировоззрение «it from bit», в конечном счёте исходящее из Ничто, когда сущее не существует, а непрерывно исчезает и возникает. Становится. Самоорганизуется. *Самоорганизация* – самодействие, по-гречески, автоматос. Автомат-изм есть «субстанция-субъект» становленческой, процессуальной модели мира, её Бог и Абсолют. Реализуемый через повторение автоматизм и синергетика как теория неравновесных систем – вот (не)онтологический (конструктивистский) фундамент объяснения априориорного, внебытийного субстанциализма, которого во времена Парменида, Платона, Канта и Гуссерля не было, а Делёз его только философски = спекулятивно открывал. Была диалектика, где утверждалось, что находящееся в потоке и процессе пространственно-протяжённое сущее тоже саморазвивается. Но это объяснение содержательное, опирающееся на принцип единства, тождества и противоречия, т. е. на по-рождение как сохранение трансформирующегося сущего. Была, и есть синергия и творчество, предполагающие своим перво/последним гарантом Трансцендентное, из/вос/хождение от/к него/му. В ротивоположность им в *автосинергетической информационн-динамической*

парадигме объяснение формализованное, количественное, наукотехноцентричное. В ней трансцендентальный априоризм фундирован положением, что универсум создан и конструируется, опираясь на множество и хаос, различия и их повторение. На чистый саморазвертывающийся поток и процесс – непротяжённое, детерриториализованное время как «растянутое», распределённое по «пространству», всё уносящее и вбирающее в себя небытие. Бессубъектно и безблагодатно как бы опять по-рождающее, «из хаосмоса», при чём с огромной интенсивностью и скоростью, опять бытие, но *Иного.* Искусственную (по отношению к нашему «миру № 1») реальность других миров. «Механизмом» его/их действительного осуществления и экспансии становятся, на наших глазах, Hi-Thec и прежде всего нано и биотехнологии.

Ведущееся в наукологии без учёта происшедшей трансформации рационального в трансцендентальное и фактора иных возможных миров обсуждение проблем рационализма производит впечатление вращающейся, на одном месте, заигранной пластинки. Трансцендентальная философия, с одной стороны, вызывается к (не)жизни новейшими тенденциям нынешнего времени, а с другой, она, предчувствуя информатику, синергетику, программирование, виртуалистику и другие формы самоорганизации и функционирования новационно-искусственного универсума, приходящего на смену нашей природе и естественному миру, закладывала для него спекулятивные основания. *Трансцендентализм – это философия когнитивизма.* Когнитивизм – это (не)философия трансцендентализма.[1] Вместе, претендуя на универсальность и парадигмальность, они предлагают единственно актуальную, «наконец-то» истинную модель мира. Пройдя по ленте Мёбиуса отрицания бытия, мы получаем его другое, постчеловеческое, трансгуманистическое качество. Новую Онтологию. И Идеологию. Онтоидеологию безграничного, ничем не регулируемого, в пределе автоматического, технического инновационизма, благодаря которому человечество, теряя смысловое, лого(с)центристское сознание, впадает в дигитальный транс(модернизм) *Mathesis Universalis.*

---

[1] Может быть недавно основанный и переименованный (пока нами) журнал «Наукология & когнитология» переименовать в: «Когнитология & трансцендентальная философия»?

3. От сознания к мышлению, от мышления к когнитивной реальности

Первые две трети XX века – процесс свёртывания философии как метафизики, содержанием которого было торжество сознания над бытием, идеального над материальным, логоса над фюзисом. Феноменология, структурализм, лингвистика, логический позитивизм, аналитическая философия – все они, избавившись от бытия, сосредоточились на сознании как ментальности и его внешнем выражении – языке, слове, «науке». Разумом, сознанием, умом, мышлением, познанием, «эпистемологией» становится всё (тонкие различия между понятиями нам пока не важны). В них живут, с ними работают. Метафизика остаётся на обочине. Но счастье редко бывает долгим. Постмодернистская деконструкция стала атакой не только на бытие, «присутствие», но и на сознание. Принципиальное значение в этом плане имела книга Р. Рорти «Философия и зеркало природы» (1979 г.). Об окружающей человека природе, разумеется, речь в ней не идёт, однако разбивается и зеркало, даже как «прожектор», которым пользовались, начиная с Канта. «Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к «уму» как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь «философский» взгляд, к «познанию» как к чему-то такому, о чём должна быть «теория» и что имеет «основания», а также к «философии» как она воспринималась со времён Канта»[1].

Р. Рорти провозгласил «смерть эпистемологии», место которой должен занять элиминативный материализм, что означает редукцию сознания к «конфигурации нервных окончаний мозга». (Вторая глава его книги называется: «Личности без умов»). Предполагается, что любое ощущение передаваемо без апелляции к психике и ментальности. Все высказывания о мире могут быть скоррелированы с состоянием нейрофизиологии и, например, вместо того, чтобы предупреждать ребёнка о горячем утюге, пугая, что при прикосновении к нему будет больно, матери будут говорить: «не трогай, он стимулирует С-волокна». Так устраняется психофизический дуализм и одновременно снимается проблема «таинственной природы ментального». Физиологический редукционизм слишком примитивен, чтобы на нём остановиться. Он ограничивает возможности искусственной имитации

[1] *Рорти Р* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 5.

внешнего мира. И в дальнейшем, Р. Рорти переходит к языковому и текстуалистскому редукционизму. Другие «элиминаторы», например, Д. Деннет, с него начинают, а заканчивают информационной теорией сознания, когнитивизмом как логико-математическим бихевиоризмом и редукционизмом, из которых следует, что функции сознания могут выполняться на любом другом, не обязательно физиологическом материале и другими, не обязательно «ментальными» способами. Известный мысленный эксперимент с «китайской комнатой» показывает, что находящийся вне её человек не сможет отличить живое сознание того, кто действительно знает китайский язык от производимых по определённым правилам ответов на задаваемые вопросы того или чего, кто/что этого языка не знает. «Дух в машине» становится самой машиной. Психика, сознание, ментальное – это проявление фолк-психологии, «вторичные качества», которые должны преодолеваться и отбрасываться, подобно тому, как наука преодолела, отменила цвета, представив их в виде разной длины электромагнитных волн. Критики Р. Рорти, Д. Деннета и прочих сторонников полной элиминации сознания не случайно называют их теории «философией зомби».

Стать Зомби – это пугает, но только сначала, до «Смерти человека». Зомби – его вырожденная форма, предшествующая окончательной смерти, что даже несколько утешает: не так сразу и скоро. В настоящее время в рамках когнитивистской концепции замены сознания информацией идет интенсивное обсуждение возможностей создания Зомби. «Полноценный Зомби» – это, в сущности, то существо, которое хотели бы и страстно стремятся получить в процессе, точнее, результате работ над Роботами с Искусственным Интеллектом[1]. Подобно тому как самолёт не машет крыльями, но летает быстрее птицы, так эти роботы смогут выполнять деятельностные функции человека, не воспроизводя его физиологически, психологически

[1] См. например: *Алексеев А. Ю., Кураева Т. А.* Проблема зомби и перспективы проекта искусственной личности//Философия искусственного интеллекта. М., 2005. А также: *Pollock J.* 1989. How to Build a Person: A Prolegomenon. Cambridge, MA: Bradford Books, MIT Press; *Kirk R*, 2003. Zombies (Stanford Encyclopedia of Philosophy) hhtp://plato/Stanford.edu/entries/zombies/. и др. Появились защитники «прав роботов» в мире человека. Пока. Скоро, по-видимому, появятся защитники «прав человека» в мире роботов

или ментально. Значит и без сознания, как нашего «субъективного переживания мира» и «привилигированного доступа» к себе. У них будет свой, *пост/аналог(ичн)овый* «привилигированный доступ» и своё «самоописание».

Означает ли лишённость сознания то, что Данное, полученное «из» или оставшееся «без», вместо человека Со-здание, переста/н/ет ориентироваться в окружающей его среде? Изменять её? Нет, ибо оно будет иметь /останется с/ мышление/м/. Способность/ю/ к спонтанной, априорной, синергетически самоорганизующейся функциональной деятельности. В нашей философско-психологической литературе раньше и без сомнения глубже Р. Рорти, так как, опираясь на марксистскую традицию социокультурной трактовки сознания, он не ограничивал себя дилеммой Body-Mind, эти проблемы обсуждал Г. П. Щедровицкий. Согласно «мыследеятельностной теории» сознание и мышление не одно и тоже явление, как полагают, придавая им одинаковое значение при допущении неодинакового смысла (Венера – утренняя и вечерняя звезда). Характеризуя этапы развития возглавлявшегося им методологического (постгносеологического, постэпистемологического, *трансцендентально-конструктивного, направленного к когнитивизму*) движения, он говорил: «Я должен сделать следующий шаг. Одним из важнейших результатов последующего периода – 60-х, начала 70-х годов – было различение *мышления как субстанции и сознания*. И надо спрашивать, как устроено сознание, и разрабатывать теорию сознания как таковую. И это – совершенно особая дисциплина. Сначала надо строить философию сознания, потом науку о нём, если она возможна. Но это – то, чем я не занимаюсь, и я там мало что понимаю. А вот мышление – это не сознание. *Мышление – это особая субстанция*. Вот что мне важно различить»[1].

Таким образом, если сознание неотъемлемо от человеческого индивида, его телесности, физиологии, чувств и переживаний, то мышление есть некий самостоятельный процесс и «функция места». Которое не обязательно «биологично». Отсюда следует, что его носителем может быть не только человек, а любое иное Нечто. В том

[1] *Щедровицкий Г. П.* Онтологические основания деятельностного подхода. Искусственное и естественное//На досках. Публичные лекции по философии Г П. Щедровицкого. М., 2004. С. 100.

числе – человек. Казалось бы неразрывная, цепь: жизнь-человек, сознание-мышление – разрывается. «И поэтому надо, с одной стороны, исследовать мышление, законы, или механизмы жизни этой субстанции, а, с другой, – исследовать самого человека. И надо отвечать на вопрос: что есть человек? Для меня первый грубый ответ таков: это есть, ***наряду с машинами, знаками*** (курсив мой – *В. К.*), лишь часть материала, на котором паразитирует мышление. И это надо чётко понимать: *паразитирует* (курсив не мой – *В. К.*)[1].

В классическую эпоху отделять сознание от мышления никому не приходило в голову. Различали разум и рассудок, но не качественно, а «по качеству», как две «способности души»: высшую и низшую. Первая направлена на постижение абсолютного, божественного, бесконечного, рассматривает причины, цели и смысл явлений, вторая на предметы земные и конечные, их описание, анализ, классификацию. После философской смерти души и духа восприемником обеих этих способностей стало Сознание. Было привычно думать, что всякое мышление есть сознание, логос, язык. Что это словесное обозначение какого-то содержания, его «обработка» и движение в понятиях, суждениях, умозаключениях, которые, в конце концов, дают нам модель мира, позволяя ставить цели, решать задачи по его познанию и преобразованию. Восходя по ступеням абстракции, мы, тем не менее, всё время помним, можем представить, подкрепляем образами реальных или создаваемых предметов то, о чём раз(с)мышляем и что обсуждаем. Вопрос о возможности мышления без словесного выражения, или хотя бы внутренней речи, без рефлексии был дискуссионным, в большинстве случаев решаясь, особенно если это теоретическая, а не художественно-эстетическая сфера жизни, в пользу языка как «непосредственной действительности мысли». На восхвалении языка и текста передовые гуманитарии XX века истёрли *свои* языки. И вот тебе на...

В сущности *говоря*, модернистская эпоха совпадает с эпохой Логоса. Это докогнитивистская, доинформационная, дотехнологическая эпоха, хотя в ней зарождалось и первое, и второе, и третье. Постмодернизм – начало великой, роковой для человека эпохи Матезиса. Это эпоха перехода от дискурса к письму, от смысла к информации,

---

[1] *Щедровицкий Г. П.* Основные вехи становления концепции ММК. Там же С. 120

ставшее состояние которой даёт трансмодернизм, (не)философией которо/й/го является трансцендентализм, «обнаученной» формой котор/ой, ого/ых выступает когнитивизм. Увы, язык теперь придётся при(от)кусить. Добровольно. За ненадобностью. *Когнитология – теория мышления без сознания, то есть без содержания и смысла, тем более без образов и психики.* Молчи и пиши (молча пиши), «шевели клавой» (мозговыми нейронами) – говорит она человеку, лишая его ответного слова. Результат проверим путём тестирования. Вместо пропагандировавшегося диалога – *тестирование*, без слов, без лишних размышлений, дискуссий и какой-то там «диалектики» – и без тебя, как проверяющего субъекта, без личностных пристрастий и пред/взят(к)ости. К высказыванию М. Хайдеггера «наука не мыслит» часто относятся как к парадоксальной, слегка шокирующей, идиоматическо-метафорической фразе: что поделаешь, «антисциентист». То же самое, признают, считая в большинстве случаев достоинством, логические позитивисты (истинными могут быть только аналитические высказывания, идеалом познания являются полностью формализованные теории) и многие, особенно неординарные, учёные. «Предложения математики, равно как и законы логики, записываются при помощи особой символики в виде формул без участия словесных выражений. *Требование осмысленности высказываний заменяется при этом правилами составления формул* (курсив мой – *В. К.*). Процесс логического вывода заменяется манипуляциями с такого рода формулами по точно и ясно указанным правилам. Теория задаётся правилами составления формул, исходными формулами и правилами механического получения из одних формул новых формул»[1].

Посадите теперь эти «основания геометрии» на достижения «прикладного», т. е. компьютерного исчисления и вы получите когнитивное познание. Во всей красе и мощи, уповая на которые транс(про)грессивные теоретики с гордостью сообщают: «За нас ду-

[1] *Александров А. Д.* Основания геометрии. М., 1987. С. 269. В истории духа проблема его раскола на сознание и мышление «бессознательно» зарождалась как проблема «материи» и формы» и обсуждалась уже Демокритом, Платоном, особенно Аристотелем. В гегелизме и марксизме она проступила как соотношение содержания и формы, в борьбе диалектической и формальной логик. Поучительно, с высоты «торжествующего когнитивизма», было бы передумать философскую историю этой прогрессивной трагедии изживания человеком самого себя.

мает математика». В отличие от языка, структур и текста, цифры, биты и формулы «не боятся дождя», от него они не оживут, ибо обладают абсолютным иммунитетом к чувственности и образам, не обусловлены содержанием культуры. «Биты», в отличие от букв, не звучат и не произносятся. А если оживут и «выйдут на улицы», то другого, целиком искусственного и виртуального мира, заменяющего естественный. Если у них появится «желание», то желание «письма», программирования, сугубо формальное, аналитическое или желание ухода в бесплотную и безжизненную (не)реальность. Поэтому теперь, продолжив до ближайшего к нам времени, мы можем завершить стандартную характеристику когнитивизма: «С конца 60-х гг. анализ природы человеческого познания с помощью информационных моделей становится общепринятым подходом. В результате здесь постепенно стало доминирующим направление, ориентированное на создание новых когнитивных компьютерных моделей (напр., разработанная ещё в 1958 программа Логический Теоретик), которые в принципе могли бы рассматриваться как достаточно адекватные имитации различных аспектов человеческого познания»[1].

Познания и мышления как вычисления. Познания без восприятия, представлений и понятий. *Познания без понимания.* Познания как (не)познания. Без смыслов и значений, от которых оно только отталкивается в его начале или они «вышелушиваются» в его конце, *при интерпретации*, культивировать способность к которой становится всё труднее, поскольку под влиянием машинного мышления человек постепенно совсем перестаёт понимать *о чём, о какой реальности и зачем мыслит.* И многим, всё более многим никакой интерпретации не надо. Увлечённые «игрой текста против смысла» (Р. Барт), «игрой письма против дискурса» (Ж. Деррида), они и не хотят понимать. Постмодернистская мысль (как сознание) «отдыхает», больше ни на чём «не паразитируя». Особенно в «конце и начале». Или паразит/ирует/, даже когда её носители формализуют и исчисляют «вручную», собственной головой. До состояния «личностей без умов». Не здесь ли одна из причин набирающей силу популярности когнитивизма в философии?[2]

---

[1] Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т.3. С. 264.

[2] Не придётся ли недавно основанный и переименованный (пока нами) журнал «Когнитология & трансцендентальная философия» переименовывать в: «Трансцендентальная философия & математика»?

Будем, однако, верить, что (пока) мы находимся в сознании и надо успеть понять, как возникает и существует мышление сначала без сознания, а потом и без человека. *Без рефлексии.* Как специфическая реальность. Естественно, отталкиваясь от человеческого сознания, достигшего в своём историческом восхождении по ступеням абстракции предела и переступившего его ради достижения априорной субстанциальности. То есть, ставшего трансцендентальным. Превратившегося в чистую=«голую»=формальную мысль, пройдя путь from consciousness (mind) to mind (intellect). *«После Канта и Лобачевского»*, о/бо/сновавших возможность существования иных, неевклидовых миров. *«После Бурбаки и Перельмана»*, по(до)казавших возможность, а, может быть, неизбежность, и принципиальную форму/лу перехода из нашего мира в мир иной.

Такое мышление вряд ли можно считать деятельностным. Не только предметным – этот этап пройден давно – но и мыследеятельностью. Ибо оно больше не направлено на существующую реальность и, не воспроизводя, не преобразуя её, саморазвивается. Самоорганизуется. Направлено *на и от самого себя.* К другому. В том числе к себе как другому. Непрерывное движение вовне. Через различие. Через отрицание идентичности существующего. Различие и повторение, различие и повторение; повторение, но постоянно от(раз)личного. Иного. Если функционально это автоматизм, то «по содержанию», *это состояние коммуникации.* Коммуникация – другая ипостась информации. Информации не о чём-то (репрезентирующей, интенциональной), а как таковой (функционирующей, субстанциальной). Это процесс её «жизни», её (не)суще(веще)-ствования. Бытия нет, есть со–бытие. Событие во времени. Без пространства, протяжённости, телесности. Постмодернистская онтология – это онтология коммуникации, а коммуникация есть «детерриториализованная» информация в действии. *В актуальном* (не)бытии[1].

Г. П. Щедровицкий, хотя не отказался от определения разработанного им подхода как мыследеятельностного, в дальнейшем пере-

[1] Употребление перед словом частицы «не» в скобках подчёркивает отрицательный характер обозначаемого им явления. Отрицательного с метафизической, «апостериорной» точки зрения. И его существование в качестве трансцендентального, иного. В западной постмодернистской литературе это делается приёмом перечёркивания. Обычно крест накрест (мы так не можем из-за неудобства для типографии).

шёл к «исследованию мысли-коммуникации *в противоположность мышлению* (курсив мой – *В. К.*). Этот переход был задан стремлением достичь полноты описания в теории мышления. Мышление предполагает собственно мышление и мысль-коммуникацию. И вот здесь, в третий период, надо было перейти к изучению собственно коммуникативных структур и мысли, развёртывающейся в этих коммуникативных структурах»[1]. Из построенной автором оппозиции видно, что деятельностное мышление является ещё субъектным мышлением-в-сознании. Словесным, со смыслом и значениями. Лого/с/центристским. От которого он отказывается, ибо только коммуникативная трактовка мышления позволяет перейти к мышлению-без-сознания, почвой которого является компьютерная технология, а «голово-ручное» естественное мышление, хотя бы и когнитивное, математическое, предстаёт его предпосылкой, подготовкой к нему. Последней ступенью ракеты, которая отстреливается после преодоления виртуально-космическим кораблём земного притяжения и выходом в постчеловеческий искусственный Технос.

Коммуникационная трактовка мышления является продолжением информационной теории сознания. Информационная теория, лишая сознание субъектности и семантики, фактически превращает его в мышление-исчисление. Его, по-видимому, правильнее называть (а теперь так и «пишут») *Интеллектом*, развёртывающимся в терминах распознавания образов, кодирования, декодирования, классификации, конфигурации и прочих способов преобразования информации. При этом, однако, остаётся проблема: где источники и механизм существования такого «кастрированного» постсознания-мышления-интеллекта? Он(о) пока мёртвый, «спит». Информация, которую никто не запрашивает, текст, который никто не читает, человек, который ничего не хочет, существуют только (им)потенциально. А субъекта действия больше нет. Выход здесь в том, что в роли «запрашивающего» вполне может быть как другой человек, так и другая информация, другой текст – «субъектное». (Субъектное теперь не тождественно человеческому).

К подобному решению подходил Гуссерль, постулируя вместо отброшенной, вместе с естественной установкой, внешней реальнос-

---

[1] *Щедровицкий Г. П* На досках. Публичные лекции Г. П. Щедровицкого. М., 2004. С 133. А также: *Щедровицкий Г. П.* Интеллект и коммуникация//Вопросы философии. 2004. № 3.

ти, существование интерсубъективного взаимодействия. При этом субъект у него «без психологизма», без желаний, не личностный, а некие замкнутые на себя монады. Квазисубъекты. Почти сингулярности, тексты, складки, концепты, и другие понятия, впоследствии наработанные в постмодернизме параллельно изобретению компьютерных технологий, особенно интернета и взаимодействующие как гипер(интер)текст, интенсивности, складки складок, карманы, персонажи и иные формы коммуникации. *Коммуникация – это про(воз)буждённая, активизированная, функционирующая, пульсирующая, непрерывно туда-сюда передающаяся, о-кликнутая и «кликающая» информация.*

Нарастание влияния коммуникации проходило примерно те же этапы, какие были при экспансии информации. Сначала она считалась универсальной характеристикой деятельности (информация считалась свойством универсальной материи), потом рассматривалась как общение наряду с деятельностью (информация обретала статус, аналогичный материи и энергии) и, наконец, и деятельность и общение превратились в вид коммуникации (всё сущее было признано кодированной информацией). Поскольку на практике с каждым годом мы плотнее и толще завёртываем себя в паутинный кокон коммуникации, в около и в собственно философско-теоретических кругах информационный бум сменяется коммуникационным: основываются журналы, открываются кафедры, создаются факультеты коммуникации. Коммуникация больше не является средством связи между вещами, телами и субъектами, т. е. формой передачи содержания. Она онтологизируется: media is message, – объявил М. Макклюэн. Оказывается, что до коммуникации у людей не может быть никаких понятий, они создаются в процессе коммуникации. «Трансмиссионная» модель коммуникации сменяется «конститутивной», т. е. бытийствующей. Примерно в это же время К.-О. Апель развивает идеи о том, что основой всего является идеальное коммуникационное сообщество и, вспоминая Канта, вводит понятие «априори коммуникации». Буквально до абсурда, до патологии, считая коммуникацией всё, что можно помыслить, доводит коммуникационизм Н. Луман. Место Бога или материи «староевропейской» философии, место кантовской трансцендентальной апперцепции отныне занимает Коммуникация. Да ладно бы «от-ныне». Так нет, (от)всегда и навсегда. Коммуникацию всерьёз предлагают считать субстанциальной сущностью мира и человека. Опять от века. Наиновейшая редакция *Книги Бытия*: «В

Начале была Коммуникация... Всё через неё начало быть, и без Неё ничего не начало быть, что начало быть». Ни одна, существующая 5–10 лет теория, по историческим меркам сиюминутная, на меньшее не соглашается. Очередное, (которое по счёту?) «архе». Вот какова сила положения, что бытие, в том числе и в форме исчезновения, небытия, «определяет сознание», его парадигмального догматизма, порождающего актуализм и презентизм![1]

Эта сила сметающая всякий историзм, истину, а теперь и смысл, подавляющая любые попытки думать о целях и последствиях прогресса, подпитывается не только экспансией «обыкновенной» коммуникации. Если информация почва, то коммуникация – способ существования когнитивного искусственного мышления-интеллекта. Искусственный интеллект часто представляют как имитирующий поведение отдельного человека, в виде оснащённого мышлением робота (коробки или фигуры на колесах). Между тем правдоподобнее считать, что, обладая коммуникационной природой, он представляет собой формализованное «распределённое мышление». Всемирная коммуникационная паутина (интернет), глобальная электронно-информационная Сеть – это всеобщая «ризома», грибница Интеллекта, на которой и из которой вырастают его конкретные формы. Её грибовидные «протуберанцы». Она лишает людей-индивидов самости, превращая в «дивидов», эффект коммуникационного взаим(н)одействия которых на порядки выше, чем если бы это было суммацией индивидуальных результатов. Припавших к(в) ней и в(за)ключённых в неё индивидов она «начиняет» не просто информацией, а программой их действий.

В статусе подобного бессубъектного интеракционизма когнитивный интеллект является не познанием чего-то или отражением какой-то реальности, *а самой реальностью*. Виртуальной и опредмеченной, одновременно о(за)хватывающей собой (в себя) природу, используя её как материал, а человека превращая в своего агента, лишая тем самым – обоих – идентичности, а значит действительной

[1] Подробный, хотя недостаточно рефлексивный обзор состояния знаний о коммуникации (одних теорий более 200), традиций их трактовки, которых насчитывается минимум семь – риторическая, семиотическая, феноменологическая, кибернетическая, социологическая, социокультурная, критическая, а также обсуждение принципов построения её междисциплинарной модели см · *Крейг Р Т* Теория коммуникации как область знания//Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2003.

реальности. Они существуют, но не действительны. Как «вторичные качества». Если в начале модернистской эпохи вторичные качества признавались результатом чувственного моделирования мира, т. е. мнимыми, в её конце таковым признаётся и его словесно-мыслящее, дискурсивное моделирование. Не случайно, среди «про(с)двинутых» когнитивистов распространяется «логофобия». В теории деконструкции данная категория если не самая, то одна из почтенных. В позднем постмодернизме её «позитивной» формой как выражением полного преодоления логоса (дискурса, рациональности) стала грамматология Деррида и трансцендентальная семиотика Аппеля: наконец-то никакого смысла. Общий смысл когнитивного *транс*модернизма в том, что в той мере как виртуальные (в смысле – потенциальные) микро и мега миры становятся реальными, наш модернистский реальный мезо/макро мир – виртуальным (в смысле – мнимым).

Таким образом, если посмотреть на когнитологию как явление несколько глубже, чем принято, то это и не «логия» (изначально), и не познание (теперь). *Это процессы математического цифрового моделирования сущего и становления на их основе искусственной постчеловеческой реальности.* Естественно-научная триада: материя – жизнь – сознание (Святая Троица: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух) трансформируется в трёхуровневую иерархическую комбинацию дигитальных сетей: информацию – коммуникацию – искусственный интеллект, который, соединившись с нанотехнологиями, с объективной необходимостью будет преобразовывать Землю в другую, новую планету. Таков результат исторического движения человечества от «бытия-в-мир(ф)е» (мифопоэтическая эпоха) к бытию как «картине мира» или «бытию-в-Боге» (метафизика), потом к «(не)бытию-в-сознании» (трансцендентализм, феноменология, структурализм), далее, через деконструкцию субъектного логоцентристского сознания к бессловесному и бессмысленному грамматологическому (трансцендентально-семиотическому) (не)бытию как «мышлению-без-сознания» (трансмодернизм) и, наконец, этапу искусственного технического интеллекта как трансгрессии к «небытию-в-ином». К Инобытию. К «alter world», «another world» («позитивная смерть», «пережизнь», «бессмертие» и проч.). И всё через трагическую диалектику непрерывного «снятия» как отрицания отрицания (для мод(н)озависимых умов: это необязательно Гегель-Маркс, а например, уже упоминав-

шаяся, если продолжать её бесконечно, лента Мёбиуса). Ответственно с-мыслящие люди склонны считать, что в таком случае для человечества настали последние времена [1].

4. Апокалипсис отменяется

В последнее время постиндустриальная информационная цивилизация предпочитает называть себя другим именем: «общество знания». Подобное переназывание следует объяснить её идеологической потребностью. Это потребность состоит в непонимании того, что происходит на самом деле, ибо истина настоящего положения Homo sapiens противоречит его природе, как в телесной, так и в разумной ипостаси.[2] Его антропологическая идентичность как определённой формы бытия начала изменяться в сторону самоотрицания. Процесс когнитивизации влияет, прежде всего, на «sapiens», поскольку «по истине и на самом деле» формируется общество постсмыслового мышления-исчисления, всё более автоматизирующегося и синергетически саморазвивающегося (это утверждение можно подкрепить бесчисленными фактами и самопризнаниями его членов). Другими словами – это *«общество незнания»*, в котором процесс потери сознания как понимания идёт полным ходом. Общество не-о-сознающее, но информационно эффективное и *безумно* производительное, отчего когнитивно-техническое знание-незнание, незаметно, но довольно быстро становится парадигмальным способом отношения к миру. Всё больше людей охотнее пишущих, чем говорящих (Сложно говорить? Пиши! – предлагает реклама «sms»), а если они говорят, их язык отрывист, его логос поразительно скудный. В дальнейшем бессознательное знание будет существовать, передаваясь без «выведения вовне», «от мозга к мозгу» или во взаимодействии нейронов мозга с компьютером, над чем упорно работают в лабораториях технопарков и о чём день и особенно ночь/ю/ мечтают теоретики так называемого церебрально открытого общества. Или по-другому – виртуально коммуникационного общества. Ещё по-другому – нейросоци-

[1] Не следует ли недавно основанный журнал «Трансцендентальная философия & математика» переименовать в. «Математика & виртуальные реальности»? Или даже: «123456789& 011100010».

[2] О человеческой телесности в условиях информационного общества, у нас например, см: Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества) Смоленск, 2006.

ума. И во всех случаях это – *пост(транс)общество*. (Не)общество (не)знания.

Чтобы не путать новое бессознательно-бессловесное знание с традиционным бессознательным как интуитивным и образным, его лучше характеризовать как «пост» или «над» сознательное. «Пост» или «над» определяется ценностно, нашим отношением к нему. Если «пост» – то отношение отрицательное, ибо, теряя сознание, мы перестаём быть по-человечески осваивающими мир существами – отсюда горечь и ужас, а если «над», то удовлетворительное, ибо, преодолевая мудрость (старая мечта интеллектократов, если вспомнить, например, работу Г. Шпета «Знание или мудрость»), мы выходим на новый уровень владения информацией – отсюда радость, что снимаются ограничения, накладываемые на мышление нашей биологической природой, и человек становится «человеческим фактором», несовершенным, везде тормозящим и мешающим, но, «к счастью», мало чего определяющим. «Сделано без человека» – вот идеал качества продукта или надёжности процесса в формирующемся обществе (не)знания. При наличии компьютерных способов обработки информации мыслить своей головой то же самое, как вести устный счёт в уме или столбиком на бумаге или, стоя рядом с многокубовым экскаватором, копать землю детской лопаткой. Никто устно и не считает. Подобно тому, как перестали копать и считать, постепенно перестаю(ну)т думать и говорить. Не будут культивировать. Ни землю, ни головы. Очевидно, что буквально в ближайшее время без(д)умно передовые теоретики прогресса некогнитивное смысловое мышление признают архаическим, а его носителей безнадёжными консерваторами. Быть «в сознании», понимать, что происходит, будет неловко, стыдно, а потом опасно.

Сознание (со/по/знающее мышление) антропологично и социально. По сути оно всегда апостериорно, в нём различаются субъект и объект, цели и средства, внешнее и внутреннее. Мышление (мыслящее бес/над/сознательное) технично и универсально. По сути оно всегда априорно, оно самоценно, однородно и тождественно себе. Потеря сознания и замена его мышлением с очевидностью коррелятивны «утрате социального», о которой тревожатся все сколько-нибудь глубоко прогнозирующие аналитики тенденций развития современного мира. В таком случае трансцендентально-когнитивистская линия Канта, Гуссерля, Щедровицкого, Деррида, Делёза – это линия на отказ от метафизики и слова-логоса в пользу метаинформатики

и цифры-матезиса, на деконструкцию действительного земного мира и конструирование возможных, виртуально-космических миров, это линия... впрочем, не будем повторяться. Для тех, кто ещё в сознании, всё достаточно ясно, тому, кто уже в плену чистого технологического мышления, вряд ли что поможет, тем более что в подобный плен постепенно сдается вся наша цивилизация.

Главным показателем парадигмальности безбытийного, сознательного, инструментально-безрефлексивно-коммуникативного мышления является то, что на него начала ориентироваться система образования. Вытеснение из системы образования преподавателей и педагогов, а следовательно, личностного взаимодействия обучаемых и обучающихся, внедрение e-learning и тестирования вместо рассуждений, споров и собственного построения ответа – первичное специфицирующее требование к переходу мышления от образно-смыслового этапа к знаковому, от поэзиса и логоса к матезису, от заданного опытом собственного существования мыслящего взгляда на мир к исчисляющему интеллекту, от свободы, пусть ученического, но творческого проектирования познавательной ситуации к её ограниченному выбору из заранее кем-то и где-то составленного стандартного полувопрос/ответа. Введение тестов, с очевидностью ведущих, к деградации и примитивизации мышления, его падения до «кроссвордизации», не случайный произвол чиновников от образования. За ними стоит огромная сила заказа современной технологии на скорость и автоэффективность производства, на его непрерывное обновление как условие её дальнейшей экспансии. Своим индивидуальным субъектным умом, т. е. путём понимания, без компьютерного намо(рд)згника и коммуникации с другими агентами информационной Сети выполнить данный заказ невозможно.

Противоречием между смысловым и техническим мышлением объясняется парадокс, характерный для людей западной цивилизации, особенно американцев. Низкий, сугубо утилитарный в сравнении, например, с советско-российским, уровень образования, культуры и духовного развития создателей информационных и нано- технологий вполне сочетается с высокими достижениями в их создании. Не только сочетается, а возможно предполагается. Это значит, что полноценное развитие личности и словесное мышление – тормоз прогресса и нас на самом деле ожидает «*расчеловечивание человека*». Передовым отрядом дегуманизации мира являются так называемые гуманитарные технологии, распространяющиеся подобно лесному пожару, пожирая

все внутреннее, неформальноек в человеке. его духовность и культуру. Начальными, кустарными этапами данного процесса можно считать практику тестирования и электронного обучения, хаббардизма и нейролингвистического программирования, выливающуюся, в так называемые Hi-Hume («высокие» информационно-гуманитарные технологии манипуляции человеком и его сознанием). Возникают «люди без груди», «без тимоса», «последние люди», как, вспоминая Ницше, определяет их Ф. Фукуяма, описывая состояние современного западного либерально-техницистского общества как конец его истории.[1] Особенно в «место-рождениях» высоких технологий, технопарках и наукоградах. И всё-таки он не в авангарде новационного поток(п)а. Новейший, трансгрессистский этап развития – это движение от человека «без груди» (лучше бы перевести – без сердца?), к человеку «без головы», от человека «без тимоса» (духа) к человеку без логоса (смысла), от последнего человека к постчеловеку. Идеал всадников трансгресса – «всадник без головы».

Подобный радикальный результат получится, в конце «конца истории». Его апологетами и теоретическими спонсорами являются трансгуманисты, обосновывающие необходимость демонтажа идентичности человека и «переступания» через него ради... они и сами не знают ради чего: чего-то непрерывно более совершенного, а поскольку совершенствовать «это» можно без конца, то мы попадаем в поток становления как исчезновения любого определённого бытия. Пока же можно говорить о завершении эпохи *Личности*, происходящем на глазах всех, кто хочет видеть. «Личность – любимое дитя человечества» или, в другом варианте, «Высшее счастье детей Земли – личность» – утверждал Гёте. Она появилась в постмифическое время, по мере того как индивид, овладевая законами природы, стал осознавать себя субъектом своей жизнедеятельности. И она растворяется, «десубъективируется» по мере того, как он окружает себя новой, всё более мощной искусственной средой, развивающейся по собственным законам. Ей на смену приходят квазисубъекты = *Агенты* = зомби, которые, в от-личие от личностей лишены рефлексии, а значит, вменяемости и ответственности. В лучшем случае вместо субъекта остаются «рефлексивные структуры», рефлексивные, но лишенные воли и целей, включенные в информационно-коммуникационные процессы

---

[1] См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.

как элементы их когнитивно-интеллектуальной реальности. С завершением эпохи личности завершается и эпоха образования. Оно пре-*образуется* в про-*граммирование*, которое более адекватно коррелирует с задачами эффективного функционирования агентов сетей.

Ощущение кризиса, алармистские, панические настроения в наше время испытывают личности. Люди с чувствами, душой, сознанием и смыслом. Кончается их время. Для них оно «не наше». Они – «уходящая натура». «Безжизненной жизнью живу. Живыми лишь мысли остались» – удручался В. Брюсов в начале XX века. В XXI веке вслед за жизнью мертвеют, технизируются человеческие мысли. Агенты же и «квази» вполне довольны. Они вписываются в когнитивистскую эпоху транс-(цендентализма, грессизма, модернизма, гуманизма), при том настолько, что вместо мирского имени предпочитают называться компьютерным. Даже «в миру». Они начинают рождаться «сразу», изначально: так называемые люди-индиго – без детского состояния, не способные ни плакать, ни смеяться, ни понимать.

У обезличивающихся людей, мифически называемых «индиго» (синий цвет – символ творчества, а на самом деле они становятся стерильными) есть свои идеологи и теоретики, чье сознание, по принципу опережающего отражения, уже похищено Иным: «когнитивные философы», а точнее «меганаучники», сначала нервно-физиологического, а теперь всё больше информационно-знакового бихевиоризма; трансценденталисты и трансгуманисты; методологи мыследеятельности и автокоммуникации; потенциалисты и after-пост(транс)модернисты. Деконструируя прежнюю историю человека, они обосновывают ненужность для него не только души, но и сознания, а самые «робоспособные» доказывают, что её/его вообще не было. Никогда. Как у них. Достаточно мозга (лучше бы в формалине, но пока на «туловище»), информации и интеллекта. Потом устаревшим окажется и бессмысловое, но ещё мозговое мышление. Его нишу стремительно занимает «смешанный» нейросетевой искусственный интеллект («синтеллект») как самостоятельная (поскольку, перестав быть рефлексивным, он развивается по собственным законам) Реальность. В таком качестве – в статусе универсального когнитивного искусственного интеллекта Разум уравнивается со Вселенной, котор(ый)ая, оба, не различаясь, предстают теперь в виде «матрицы и её информационных полей». Для субстратной реализации подобной Вселенной началась разработка так называемых «машин созидания» – самодействующих

нанороботов, которые будут производить эту (теперь можно сказать точнее), *когнанотивную* реальность непосредственно.

Поскольку у людей с пленённым интеллектом нет сознания, они не будут знать, когда их не будет. Апокалипсис отменяется. В содержательном плане он уже произошёл, а по форме это событие осуществляется не обязательно в дыму и пламени. Наоборот, передовой отряд современной цивилизации с адской скоростью и сверхъестественной энергией трансгрессирует по пути в рай. К счастливой, техногенно-потребительской, «ангелической» смерти. Её коварная антивиталистская нигилистическая сила питается тем, что этот путь всё более лёгкий, комфортный. И настолько, что благодаря исповедуемым ценностям и образу жизни, ставя права индивида выше прав родового человека, само/до/вольно глупеющие путешественники в Иное больше не утруждают себя воз-*рождением*, вымирая буквально, статистически. Чем богаче они живут, тем беднее их жизненный потенциал. «Клуб вымирающих наций» довольно быстро расширяется. Факт, который невозможно оспорить, но трудно и признать, так как подобное признание ввергает человека в трагическое состояние. Быть в нём долго нельзя, психологически его всегда избегают. Поэтому любая патология в конце концов возводится в норму и прогресс к смерти маскируется лозунгами «пережизни», или «неклассической смерти» как нового бессмертия, способы достижения которого живописуются самыми соблазнительными красками, естественно, «в новой парадигме» – как искусственного, машинного и soft (мягкого)!: «Представьте диск, скрывающийся в тёмной щели компьютера. Он мягко входит туда, как бы втягивается принимающим устройством – и затем информация, записанная на нём, считывается в память компьютера. После чего следует команда «trash», и информация стирается с гибкого диска, сбрасывается в мусорный ящик, который время от времени опорожняется. Это и есть смерть. Информация записывается в память на жёсткий диск – та, что называется «бессмертием» или «спасением души», – и стирается с диска, на который была первоначально записана...

Может быть, человеческие организмы – это такие диски...»[1]

---

[1] *Эпштейн М.* «Из Америки». Екатеринбург, 2005. С. 557.

* * *

У живущих живых людей нет выхода, кроме как быть оптимистами. Состояние (без)сознания при эвтаназии – одна из форм этого оптимизма. Однако как быть тем, *кто чувствует* всё более «невыносимую лёгкость» (Милан Кундера) наступающего (не)бытия? И к счастью/сожалению, не может не думать, не удовлетворяется психологической защитой от реальности аргументами типа: «это эмоции», «преувеличение», «ещё не скоро», «это пессимизм», «прогресс не остановишь» и т. п.? Как быть тем, *кто понимает*, или – больше, не удовлетворяясь ролью белки в колесе, имеет мужество смотреть дальше своего носа; *как быть* философам (по) жизни, а случается и философам ex professo? В Откровении Иоанна Богослова, последнему Всаднику апокалипсиса на коне бледном – Смерти предшествуют три других: империя (Римская, как поработитель иудеев) – конь белый, война – конь рыжий и голод – конь вороной. В истории культуры эти бичи Божии, символы бедствий человечества изменялись. В средние века, например, всадник империи стал всадником чумы. Применительно к техногенной информационной цивилизации на коней бедствия как посланцев судеб божиих, кроме угрозы войны, надо посадить, по-видимому, медицину и потребительство. Всадниками апокалипсиса в философии, теории и методологии науки стали *детерминизм* (идеологически перерастающий в фатализм), *редукционизм* (перерастающий в сциентизм) и *новационизм* (перерастающий в трансгрессизм).

В некогда свободном либеральном обществе господствует настроение невозможности какого-либо поворота в сторону от техницизма и потребительства. «Иного не дано» – вот лозунг, под которым проходит глобальная унификация и стандартизация жизни людей. Заветным желанием становится не свобода, а безопасность, ради которой приветствуется любой контроль, лишь бы он был не духовный, личностный, а внешний, «зомбический». Культурные регуляторы социальных отношений заменяются технологическими. Пребывая на небесах, Дж. Оруэлл, по-видимому, находится в смятении, ужасаясь и радуясь силе своего предвидения. Утверждения, что «человек изначально свободен», «в жизни всегда есть выбор», «любая экзистенция уникальна», несмотря на подкрепление авторитетом Великих Имён, не находят отклика в тотально поражённом фатализмом сознании. Это всего лишь заклинания, «философия».Растёт число ситуаций, в

которых человек обходится без потребности в понимании смысла своих действий. «Общество знания» не любит *Знание*.

Представляется, что идеи поворота могут «овладеть массами», особенно интеллектуальными, если их искать в самой сфере их занятий – науке и технике. А они там есть, коренятся в содержании происходящей технонаучной революции: синергетика как теория самоорганизации всего сущего построена на фундаменте «хаосмоса», открытости к любым поворотам и предполагает фазы бифуркации как моменты принципиальных перемен в направлении развития; конструктивизм и потенциализм исходят из «ничто» как максимальной возможности «всего»; совершенно не совместима с детерминизмом и фатализмом теория катастроф. И т. д. и т. п. в духе археоавангарда. Применительно к социуму это значит, что свобода и выбор существуют, они фундированы современными процессами в науке и технике. Из десятков, сотен проектов и теорий, так или иначе, реализуется что-то одно. Выбор тем или иным образом происходит, но по случайным, сиюминутным, далёким от действительного блага самих выбирающих, не говоря об обществе в целом, соображениям. В таком случае философия, вместо пересказа бесчисленных достижений технонауки (технуки), должна показывать последствия разных вариантов их использования, раскрывая влияние этих достижений на перспективы общества, искать и предлагать выходы из обусловленных ими кризисных ситуаций. Создание антидетерминистской, антифаталистической, антитехнототалитаристской социально-экзистенциальной атмосферы – предпосылка формирования действительно открытого общества. Открытого не к «когнитивному переходу», которого жаждут футуро(идео)логи меганауки и чистого технического разума, а к выживанию человека как уникальной, ничем не заменимой, специфическо-антропологической формы бытия.

Когда Эйнштейна спросили, всё ли можно выразить средствами науки, он ответил, что можно, но не имеет смысла. «Это то же самое как если бы симфонию Баха выразить графиком изменения давления воздуха».Это не понимают редукционисты и сциентисты, когда утверждают, что подлинное представление о мире и сознании даёт их сведение к физиологии или информации, что когнитивное описание реальности единственно необходимое, окончательное и что «истины в познании столько, сколько в нём математики» (Галилей). Галилею и другим представителям формирующейся нововременной науки вера в её всесилие, особенно математики, была простительна, но теперь,

когда информатизация и дигитализация грозят поглотить предметный мир, она глупа и опасна. Это тенденция, ведущая к «информационной смерти Вселенной», которая ничем не лучше тепловой. В информационном обществе такая угроза видится гораздо отчётливей. Значит, теперь легче понять и согласиться с неповторимостью каждой формы существования, «идеоматичностью» любого вида культуры, можно убедительнее обосновывать необходимость их сохранения. В условиях всеобщего реляционизма и коммуникационизма спрашивать: «каков на самом деле мир», безотносительно к вопрошающему, это действительно пережиток «старой метафизики». Феноменализм, феноменологический реализм, опирающийся на продолжение и обновление онто-антропологической, герменевтической и экзистенциальной традиции, ориентация на трансцендентные и гуманистические ценности с одновременным поиском способов их примирения перед лицом общей опасности техно-, наносциентистского перерождения – вот линия на самосохранение человека-в-мире и мира человека.

В условиях редукции сциентистского редукционизма к своей предельной, когнитивной форме, когда «синтеллектуальные» технологии, становясь всё более эффективными, перестают нуждаться в мудрости, т. е. в мышлении в человеческом смысле этого слова, главной задачей *философии науки* становится поиск путей и разработка методов переключения занятых в них людей от формального способа освоения реальности к содержательному, сохранения их способностей к рефлексии. Необходимо культивировать умение работать сразу в двух типах пространства-времени – «быстром», виртуальном хронотопе информационных потоков и «медленном», предметном пространстве-времени традиционной культуры, улавливать, выделять и удерживать в (дез)информационном шуме и (дис)коммуникационной какафонии *Голос бытия*. Нужно развивать потребность в периодическом выключении когнитивной сферы «письма» для возвращения в сферу переживаний, интерпретации, языка и смыслов, в переходе от знания к пониманию. Умение пробивать в информационно-виртуальной реальности туннели в предметно-аналоговый мир, относительно безболезненно входя и выходя из неё, есть подлинное искусство навигации в постчеловеческих мирах иного. Подготовка такого рода интерпретаторов и навигаторов, *геоцентрически и антропологически вменяемой, ответственной перед жизнью интеллектуальной элиты* будет главным оправданием существования философии в век

технонауки. Это будет действительно *высокое соприкосновение* и никем, в ситуации Hi-Tech незаменимая, Уникальная Миссия! Правда, для начала, философам самим надо плавать не по воле волн, а быть духовными штурманами корабля человечества, подавая ценностный пример деятельно спасительного образа жизни.

Решение этой задачи и реализация феноменологической, антидетерминистской, антиредукционистской программы предполагает преодоление представлений о линейном характере мирового развития как своего рода «вселенского детерминизма и редукционизма», называемого Универсальной эволюцией, которая фактически является научно-мировоззренческим обобщением самоценности прогресса как непрерывного возникновения нового. Новизна становится целью деятельности техногенной цивилизации, что в социальном плане выражается концепцией «инновационного общества». Согласно ей, предназначение любой формы сущего состоит не в том, чтобы существовать, а чтобы скорее исчезнуть, заменившись чем-то новым, более совершенным. Достигнутое новое должно замениться новым новым, потом опять новым и т.д. без конца и какого-либо субстанциального по отношению к непрерывному изменению смысла. Цель движения видится в самом движении, в его дурной бесконечности. Популяризуется девиз, уместный не для человечества, а скорее для какого-то обезумевшего стада (леммингов?): «Скорость перемен имеет более важный смысл, чем их направление» (*Э. Тоффлер.* «Шок от будущего»). Всё это прямо противоречит и отменяет концепцию устойчивого развития, предполагающую сохранение, «динамическое равновесие» того, что развивается. Идеология ин-новационизма трансформирует прогресс в прогрессизм или, другими словами, превращает его в трансгресс. В контексте метафизики, как мы видели, она опирается на постулирование в качестве первоначала вместо принципа единого бытия как изменяющейся вечности (тождества и противоречия) принципа множественного становления как вечного изменения (различия и повторения).

Самая трудная проблема человеческой, а не постчеловеческой, посюсторонней и феноменологической, а не трансцендентальной философии – отразить, не теряя бытия, динамизм и коммуникационизм наступившей (на нас) эпохи. Думается, что это возможно при постулировании в качестве его первоначала принципа бесконечной множественности миров, т. е. различных форм бытия (тождества-в-раз-

личии). Их единства в многообразии, существующих «неслиянно и нераздельно», непрерывно взаимодействующих и коэволюционирующих. Вместо универсального эволюционзма – Универсальная коэволюция. Именно в данном направлении ведутся новейшие изыскания в русле так называемого пост-постмодернизма, «возврата к Платону» и «воскрешения философии». В них, однако, дело обычно сводится к математической онтологии, виртуалистике и онтологии коммуникаций, в свете чего всё сущее, включая логос, предстаёт как иллюзия, майя. Истиной бытия объявляется матема и её «пустые множества»[1]. Идея бесконечной множественности миров должна и может разрабатываться в бытийно-физическом и антропологическом плане, в русле соотношения коммуникационной и субстратной онтологии, смыслового, ценностного и когнитивного моделирования. Это проблематика универсального взаимодействия разных форм жизни и разума без их редукции к одному уровню, не допуская подмены качественно человеческой реальности – информационно-компьютерной, её познавательно-аналогового воспроизведения – трансцендентально-когнитивным, проживания Бытия – его «электронным моделированием». Это проблематика мультиверсализма (многомирия) и археоавангарда, когда рефлексия любого новейшего научно-технического знания проводится с целью поиска возможностей сохранения и укрепления традиционной антропологической формы сущего. Проблематика *экологии Бытия и его Смысла в нашем мире,* Dasein, которая составляет суть столь необходимго сейчас ***Философии Сопротивления.*** **Философии авангардного консерватизма** Основной вопрос/ответ философии актуального времени: «В (ни)куда идёт человечество?» окончательно не решён.

Spira, spera! [2]

---

[1] См. например· *Бадью А. Делёз.* «Шум бытия». М , 2004; *Нанси Жан-Люк.* БЫТИЕ единичное множественное. М., 2004. Фактически работая в русле когнитологии, эти могикане (последние столпы) французского постмодернизма не употребляет данного понятия, как не опирается и на трансцендентализм Кант у них «Великий отсутствующий», что явно ослабляет философское обоснование выдвигаемых ими «транссовременных» идей.

[2] Дыши, надейся! (лат.)

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК ФИЛОСОФИЯ БЫТИЯ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Вот с ледяной горки радостно крича, скатывается раскрасневшийся малыш. Стоящий рядом молодой отец любуется им, потом подхватывает на руки, поправляет одежду, целует и несет домой. Сцена идиллическая, но человек этот, который отец – предатель. Он предал свое главное жизненное занятие (профессию, физику), изменил всей науке и больше того – Истине. Он поверил в иллюзию и ведет себя так, будто не знает, что на самом деле с высоты 2-х метров падало (скользило по наклонной плоскости) тело массой 20 кг под углом 30^0 к линии горизонта. Вместо того, чтобы проследив траекторию, вычислить скорость данного тела, он хватает его и зачем-то прижимает к себе, касаясь своим органом поедания пищи его лица. При этом оба издают нелепые, трудно определяемого волнового диапазона звуки: гы-гы, ха-ха, ге-ге.

Начинающий ученый явно потерял представление о реальном мире и попал в область мифов, видимостей и обмана. Он забыл, что еще в Древней Греции возникла метафизика, сверхчувственное знание, и даже Демокриту, не говоря о современной науке, было известно, что «в мнении красное, в мнении горькое или сладкое. На самом деле существуют только атомы и пустота». Однако иллюзии бывают столь коварны, что перед ними не могут устоять и более опытные специалисты. Да еще гордятся своей слабостью. «С точки зрения науки, – признает, например, один из ведущих ученых Массачусетского технологического института, – мои дети – это покрытые кожей мешочки, кишащие молекулами, но я же их так не воспринимаю. Я их люблю. Это два совершенно разных уровня и мне удается сочетать их в жизни»[1].

Удается! От слова «удача». А удача бывает не всегда и не у всех. Возможно, что у кого-то больше так не получается, особенно у

[1] Интервью с ученым.//Еженедельник «Проспект». 1999 № 54. С. 3.

работающих на острие прогресса, когда познание проникает за пределы молекулярно-атомного уровня. Тогда все существующее есть «мешочки кварков», «электромагнитные возмущения в пространственно-временной матрице», «струны» или «нет ничего кроме кривизны и кручения пространства». Выходить после этого на улицу, в лес, под голубое небо, воспринимая их как реальность – значит издеваться над наукой и истиной (или «над научной истиной»), поступать так, как будто мы приверженцы архаики. Возмутительно, что при таких неоспоримых успехах познания и научного образования люди до сих пор продолжают жить в ненаучном мире, у многих ненаучное мировоззрение, а руководствующихся научной философией и того меньше. Приходится удивляться долготерпению ученых, ибо несмотря на столь неблагодарное, непоследовательное отношение к науке, она не останавливается и по мнению другой части теоретиков представление о реальности как состоянии пространства все еще поверхностное, неподлинное. Вакуум – вот действительное бытие. По-русски вакуум – пустота, на философском языке – небытие, ничто. Ничто – *максимально абстрактная возможность всего* и чем «ничтожнее» ничто, тем оно потенциально реальнее. Настоящая реальность есть отсутствие реальности – таков результат доведенной до конца научной редукции. Происходит своего рода «переворот миров», смена плюса на минус, из чего следует, что предметное бытие, субстраты есть не преодоленная атропоморфность — «заблуждение чувств».

Или ума? Науки и научной философии?

Как мы видели, к началу XXI века человеческое познание, продолжая двигаться от «поэмы» (мифа) к логосу, а потом матеме, по пути рационализации и редукционизма, пришло к абсурду: на своем высшем этапе оно становится знанием ни о чем. Для нас – людей. Мы проникли в мир настолько глубоко, что теряем и его, и себя в нем. Не пора ли возвратиться? Если не вообще, то уметь возвращаться, когда необходимо. Но куда – в иллюзию? Как – мифологически?

Пытаясь ответить на эти, и пожалуй любые другие, относящиеся к человеку, его судьбе вопросы, было бы неуважением к серьезности дела их облегчать. Так получается, когда полагают, что в кварковом или вакуумном состоянии мир был когда-то, миллионы лет назад, при происхождении, а потом он стал «обычным», «моле-

кулярным», «нашим». Наука говорит по-другому. Атомы, или кварки, или струны, или вакуум или Бог знает что есть то, что представляет из себя реальность как таковая, по своей сути. Здесь и сейчас. И мы должны считаться с этой, принципиально новой ситуацией, в которую нас помещает современное познание, микро и нанотехнологии. Считаться не декларативно, а изменяя большинство привычных установок и воззрений. Или, напротив, борясь за их сохранение. Упование на древних, опора на великие имена в истории философии, скрупулезный лингвистический анализ и самое проницательное герменевтическое толкование их текстов, не могут преодолеть главного фундаментального препятствия: эти люди знали то, что видели, слышали, осязали, их представления о сверхчувственном мире не были сугубо умозрительными. Они жили, действовали и думали в одном единственном, соразмерном им как телесным существам мире. В XX веке мы стали жить по крайней мере еще в 3-х. В микромире, масштабы оторого не совместимы с человеком и никто из людей своими пятью органами чувств непосредственно его не ощущал. Мы судим о нем по следам, знакам и выражениям силы. Если вначале он был «реальностью ученых», то теперь в нем заняты миллионы людей. Его воздействие на нас стало повседневной практикой и хотя в него как в Бога можно лишь верить или не верить «по проявлениям», столкновение с ним всегда имеет впечатляющие последствия. Другим полюсом несоразмерности деяний человека с собой как земным природным существом стал выход в космос, исследование звезд и планет – активность в масштабах мегамира. Влияние мегамира тоже преодолело границы науки и приобрело экономическую значимость, хотя непосредственно в космосе человек жить не может. Надевая скафандр, он переносит туда свою земную среду. Но будет ли скоро что переносить, ибо на самой Земле, в макромире («мезокосмосе», «мещосреде») расширяются пространства, где нет жизни, началось освоение глубин и недр, где отсутствует биота, овладение скоростями, с какими не передвигается ни одно живое существо.

Используя специальные приспособления, люди видят, слышат, осязают во много раз дальше и сильнее, чем позволяют органы собственного тела, что ведет к росту числа ситуаций, в которых они как таковые больше нас не ориентируют. Как в космосе или микромире. Микро-, нано- и мегамиры приходят на Землю и постепенно оккупируют ее.

В XXI веке в условиях информационного этапа научно-технического прогресса деятельность человека выходит за пределы не только его чувств, но мышления и воображения. Теоретики говорят о контринтуитивности сверхсложных нелинейных систем, ищут «безумные идеи», «немыслимые мысли». И находят, но как оказывается, за пределами собственно человеческой головы, во взаимодействии с системами искусственного интеллекта. Физика в своих авангардных областях покинула трехмерное пространство и оперирует n-мерным, изображая его на цифровых машинах. Возникают все новые виды деятельности, где »чистое» человеческое мышление нас тоже не ориентирует. Эти процессы нашли завершение в формировании виртуальной реальности, бытия отношений, а не тел и вещей. Появилось немало людей, для которых информационно-компьютерная среда значимее вещно-событийной, ибо большую часть времени они проводят в ней, не нуждаясь в предметных прототипах. Сидя недвижно в теплой комнате, человек в своем сознании и переживаниях может мчаться на лыжах по заснеженному горному склону или, будучи импотентом, любить первую красавицу мира. Его тело находиться в одном мире, а дух, психика, даже функциональные отправления – в другом. Какой мир в таком случае следует признать действительным, истинным – собственно человеческим?

Обобщая эти происшедшие за несколько десятилетий изменения, надо, пусть схематически, констатировать их фундаментальный, радикально оторвавший нас от прежних отношений с миром характер. Именно: *сфера деятельности людей превысила сферу их жизни*; она преодолела ее границы, сначала чувственные, а потом мысленные и трансцендирует в состояние, которое является *постчеловеческим*; становится все меньше мест, все меньше времени, где и когда люди могут действовать как целостные телесно-духовные существа; распространившийся за пределы жизни мир человека перестал быть равным его дому, без которого невозможно сохранение антропологической идентичности. *Революция миров* – так можно сформулировать принципиальный смысл совершившейся в XX веке научно-технической революции в разных областях деятельности людей. Это революция нашего «бытия-в-мире». По своему непосредственному значению она сравнима с неолитической, а по более отдаленным последствиям с возникновением самого Homo sapiens.

В философии и методологии данные процессы отражаются пока скорее в виде рефлексов. Каждый мир посылает собственные бытий-

ные импульсы, теоретики так или иначе на них реагируют, предлагая множество новых концепций. В дефиците понимание их значения, соотношения как друг с другом, так и с традиционными, возникшими в условиях единственности макромира воззрениями. Пролиферация теорий, их спонтанное саморазвитие, приводящее к виртуальному хаосу, к тому, что «наука не мыслит», выдвигает запрос на метанаучную «упаковку» накопленного. Запрос принимается, но на него, как показывет предыдущий анализ, чаще всего отвечают формализацией и математизацией, попытками надстроить над обычной наукой дополнительный этаж некой mega-science, выражением знания в виде кругов, схем, таблиц и графиков, к чему особенно склонно компьютерно-сортировочное мышление. Подобный подход не решает проблему овладения информацией, так как в нем не воспроизводится обратное движение духа – нет интерпретации, привязки к реальности. Действительное упорядочивание знания должно опираться на усмотрение связей с уровнем и конкретными фрагментами порождающих его обстоятельств, влиянием на него культуры и телесно-духовной природы человека. Без этого невозможно дать оценку адекватности теорий – словесных или математизированных, отбросить надуманные, рассмотреть оставшиеся сквозь призму добра и зла, определить границы их применения в практике. Нужно качественно-смысловое, а не только количественно-инструментальное сопровождение, сжатие и освоение стихийных процессов роста знания. Нужна философия, а не только методология и исчисление.

Ситуация «множества миров», потрясая человеческий дух в целом, требует пересмотра казалось бы навсегда решенных вопросов, вплоть до возврата к спорам между Птолемеем и Коперником, Гёте и Ньютоном, представлениям об истинном и мнимом. Многие базисные категории философии придется признать утратившими силу, однако мы не должны торопиться считать их изначально ложными. То, что обсуждалось и «работало» сотни лет, нельзя квалифицировать как недоразумение и чью-то субъективную ошибку. Нарциссическая пляска на костях классической философии, которой предаются модные постмодернистские авторы, контрпродуктивна, не говоря о ее моральной стороне. Никто глупее нас не был (хотя я не сторонник второго смысла этой фразы). Ревизия предшествующего должна помогать поиску в нем того, что способствует самоопределению человека в качественно трансформировавшихся условиях его «бытия-в-мире-

миров». В конечном счете она должна служить созданию духовных предпосылок выживания людей в виду опасности нарастания в их сознании тенденций к самоотрицанию. По своей социально-исторической сути такого рода философствование является, что очевидно, консервативным.

* * *

На трудном пути человечества к расцвету и самоотрицанию (падение всегда начинается с вершины) с большей или меньшей определенностью можно усмотреть 5 этапов, 5 «де»: демифологизация, детеизация, деантропоморфизация, десубъектизация и деантропологизация. Их не следует уподоблять отработанным, а потом сгоревшим в плотных слоях прогресса ступеням ракеты — все они есть и сейчас, тем не менее в этой последовательности выражается вектор сублимации чувственно-непосредственного отношения человека к миру в опосредованно-информационное, вытеснение материального виртуальным, бытия сознанием, сознания мышлением, мышления «техническим» интеллектом, если, как подразумевается в метафизике, данные понятия считать поляризованными. Дойдя до пункта, с которого явственно виден обрыв пути развития традиционного человека, важно в этом признаться самим себе и искать решения, способствующие продолжению нашего существования. Искать новые направления приложения усилий. «Возвратиться к истокам», призывал М. Хайдеггер, первым, как никто, почувствовавший близость конца истории. Этот призыв много и с удовольствием повторяют, но главный, вытекающий отсюда вывод делать опасаются: согласившись с его правотой, надо соглашаться с необходимостью *великого консервативного поворота* всей философии при условии, что она еще хочет оставаться собственно человеческой.

Прямое возвращение к истокам, к «океану», из которого мы все вышли, задача очевидно утопическая, но определенное движение по боковым и обводным путям вполне возможно. Пусть вопреки течению. Особенно к этапам, близким современности, не исчерпавшим себя и при соответствующей поддержке, их потенциала хватит надолго. Тот, кто помнит свое детство и сохраняет душевную молодость, живет дольше и здоровее. Хотя вопреки времени. Консервативный поворот нельзя произвести просто путем смены «де» на «ре», *необходима ревизия всей истории человеческой мысли*, с целью

выявления в ней установок, заделов и воззрений, на которые можно опереться, исходя из принципиально новой, глобальной угрозы: *Выживание*. По многим параметрам нужна радикальная переоценка значения вклада в культуру тех или иных ее творцов. Некоторые «ре» полнее осуществимы в одном отношении, другие в другом, что касается антропологизма и онтологического статуса человека, этот рубеж нельзя отдавать ни в коем случае.

Наряду с Гете и Хайдеггером как очевидными носителями феноменологической картины мира, в фундамент консервативного философствования надо включить, по-видимому, ницшеанство и русскую философскую традицию от славянофилов до Л. Шестова и А. Ф. Лосева. Ф. Ницше сознательно ставил цель преодолеть ограниченность доминирующего в западной культуре рационализма. Его обращение к досократической философии как эпохе нерасчлененности мысли и бытия, теоретического и поэтического языка, критика истощающей роли чистого интеллекта в жизни человека («Познавший себя – собственный палач», «трусы всегда умны») дали импульс всем, кто поддерживает права живого знания и цельность духа. «Нелогичное необходимо, – настаивал он, – оно столь крепко засело в страстях, в языке, в искусстве, в религии и вообще во всем, что делает жизнь ценной, что его нельзя извлечь, не нанеся тем самым неисцелимого вреда всем этим прекрасным вещам. Лишь самые наивные люди могут верить, что природа человека может быть превращена в чисто логическую; но если бы существовали степени приближения к этой цели, как много пришлось бы потерять на этом пути! Даже разумнейший человек нуждается от времени до времени в природе, т. е. в своем основном нелогичном отношении ко всем вещам».[1] Другими словами, даже специалист-интеллектуал, насколько он человек, нуждается в том, чтобы жить в мире как своем Доме, чтобы его ребенок был не «мешком молекул», а существом, которое он любит и любуется, для чего надо защищать голубое небо жизни и культуры от его вытеснения черным космосом техники и цивилизации. Озоновые дыры нашего сознания так же опасны, как атмосферные. В космосе, в виртуальной реальности, в микро-(нано-), мега- и цифромирах человек жить не будет. Там он переродится в другую форму разума, то есть погибнет как вид Бытия. Для людей это гибель вообще. Приветствующие такой ход событий теоретики – агенты своего врага.

[1] *Ницше Ф.* Соч. В 2-х тт. Т. 1 М., 1990 С. 259.

Русскую философию проблема сохранения целостности духа буквально мучила. В. Соловьев говорил о рационалистах, что они целуются с мертвыми скелетами, Свидригайлов у Ф. М. Достоевского уподобляет вечность, как она трактуется наукой, закоптелой бане с пауками по углам, П. Флоренский отмечает, что естествознание утратило масштаб, которым определяются прочие наши масштабы – самого человека. А. Ф. Лосев предпринял (раньше М. Хайдеггера) впечатляющую попытку реабилитации фундамента духовности и антропологизма – мифа, доказывая, что «все вещи нашего обыденного опыта – мифичны, и от того, что обычно называют мифом они отличаются, может быть только несколько меньшей яркостью и меньшим интересом»[1]. Мифологична, по его мнению, и человеческая личность. Сама теоретическая наука в мировоззренческой ипостаси – миф. Продолжая эту традицию русской философии по защите человекоразмерного мира и отвечая на крайности его сведения к знакам и информации, в современной литературе начали культивироваться воззрения, в которых мифом объявляется все, в том числе – так получается, – и «знаки». В недавно опубликованном фундаментальном труде по философии мифа, его автор проводит мысль, что квантово-механическая картина мира еще более мифологична, нежели релятивистская и ньютоновская: «наука не только подпитывается мифологическими идеями, но как только дело доходит до широких теоретических обобщений, а тем более до построения научных картин мира, она обретает ярко выраженный мифологический характер»[2].

Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает. На основании того, что самое абстрактное и искусственное изобретение связано с людьми, говорить о его мифологичности или антропоморфности похоже на то, как считать, что поскольку люди произошли от обезьян, то они навсегда остались обезьянами или что если при создании техники используется материал природы, то она является частью природы. В чем тогда содержание антропогенеза и экологического кризиса? Все новое имеет причину в старом, но через какое-то время оно отпадает от старого и превращается в иное, часто противоположное, враждебное его породившему. Разделяя мотивы А. Ф. Лосева насчет трактовки вещей как мифа, с ней можно согла-

---

[1] *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа//Философия. Методология. Культура. М., 1971. С. 78.

[2] *Косарев А.* Философия мифа. М., 1998. С. 9.

ситься не дальше чем в плане признания их антропоморфности, т. е. неизбежно образного восприятия, считать же мифом научные теории и математические модели, по-видимому, ошибочно. Они изобретены человеком, но не мифологичны и не антропоморфны. Как наука больше не отождествляется с культурой, хотя вышла из нее. Небо и лес, дом и самолёт антропоморфны, а электрон, атом, квазары и галактики не антропоморфны: потому что это уже не образы, а концепты реальности. Концепты выходят за пределы её восприятия целостным человеком. Нагружая их образностью, ибо без неё человек плохо мыслит, мы получаем виртуальные по своей природе симулякры. Реальность постнеклассического знания – реальность симулякров как форм вещей без прототипов. Наука не только не миф и все менее антропоморфна, она все менее субъектна и антропологична. Знаменитый антропный принцип, исходя из которого получается, что мир «сделан под человека» тоже не миф. Это компьютерное конструирование (моделирование), когда Вселенную строят исходя из заданных параметров, строят и разрушают, могут задать другие параметры и получить иные Вселенные. Например, для муравья. И провозгласить «муравьиный принцип» устройства Вселенной. Место причины здесь занимает цель. Если к таким компьютерным исследованием относиться критически, то не за то, что они миф, а за то, что игра. Игра технического разума. Признание окружающего мира мифом маскирует проблему его деантропоморфизации. Признание любой деятельности антропоморфной затушевывает угрозу ее полной десубъектизации. Не отличая человеческого бытия от постчеловеческого, мы не будем знать, когда нас не будет.

Избежать потери антропологической идентичности и возвратиться к истокам и другим, подпитывающим жизненные силы человечества ручьям и рекам бытия идя тем же самым путем, но вспять, вряд ли возможно. «После Освенцима», чем для метафизики стал постмодернизм, это не получится. Если получится, то не в главном. Через позитивизм и постмодернизм метафизика окончательно трансформировалась в мыследеятельность. Начав с разоблачения мифов и недоверия к нашим чувствам, она завершается отрицанием предметной природы и телесного человека. Квалифицировав вторичные качества как ложные, нас обманывающие, метафизика, приближаясь к методологизму, отказывается и от первичных качеств – материя умирает, ее место занимают, выдвигаясь по логике телескопического стержня, «вещи

сознания», структуры, язык, текст, информация. Материализм, соответственно, становится «научным» (функциональным, структурным, лингвистическим), то есть сливается с идеализмом, но не трансцендентным, а в качестве единственной реальности. Мета-физика превращается в мета-информатику. И теперь, собственно философскую, удерживающую человека в бытии картину мира даёт феноменология. Но не гуссерлевская! А когда в качестве масштаба и границ существования вещей как феноменов берется их *соразмерность* человеку, его телесно-духовному континууму. Когда вещи, данные людям, «вещи для нас» – это феномены, благодаря которым бесконечно возможный мир является *Домом*. Феноменальный мир – *наша реализация возможного*. Проникая в постчеловеческие слои бытия, мы должны иметь место, куда, сняв оковы деятельности, можно прийти, чтобы жить. Дом надо укреплять, ремонтировать, отстаивая от посягательств его разрушителей как извне, так и от внутренних жучков-точильщиков, практических и идейных. Становясь *учением о Доме,* философия совпадает с экологией при ее сущностной мировоззренческой трактовке. Феноменология и фундаментальная экология, составляя содержание консервативного философствования, выражают одну и ту же направленность на сохранение бытия с человеческим лицом. Это смысловое ядро идеологии выживания, актуальное для всех, кто озабочен судьбами людей на Земле и способен видеть дальше своего носа.

Около двух десятков лет в нашей философской литературе велся спор, является ли философия наукой. Чаша весов долго колебалась, к концу XX она склонялась в сторону ранее немыслимого – тех, кто наукой ее не считает, но потом резко взмыла в сторону научного технологизма. В образование молодых ученых вместо философии мира, ввели философию науки. В том же направлении пошло все философствование. Тем самым оно подписывает себе смертный приговор, ибо философия имеет смысл в том случае, если исповедует *собственный принцип* отношения к миру. Вненаучный. Но какой? На этот вопрос сторонники сохранения самости философии, кроме заявлений, что философия есть философия и особая форма сознания, ответа практически не дают. Особая, но в чем? Представляется, что таким специфически философским отношением к миру и должна стать именно феноменология. В хайдеггеровском смысле. Его фразу: «Онтология возможна только как феноменология» зацитировали до

потери смысла, у него же все это органически связано с вненаучным и консервативным философствованием, призывами вслушиваться в естественный язык, обратиться к поэтически-созерцательному и мифо-метафорическому, т. е. антропоморфному восприятию мира. Не будет большим упрощением утверждать, что если экзистенциальный подход к человеку перенести с индивида на человека как родовое существо, то это и будет Dasein-аналитика, хайдеггеровская феноменология. Такая связь становится обязательной для всякого, кто перестал считать философию наукой. Если она не метафизика и не наука, то это феноменология. Если она феноменология, то это консервативное философствование. Происходившая в конце XX века в нашей литературе дискуссия вокруг предмета философии была прощанием с марксизмом в его научно-позитивистской трактовке, способом трансформации философии как метафизики в философию как феноменологию и органически связанную с ней герменевтику. (При широком понимании герменевтику можно считать частью, ипостасью феноменологии).

Приводя аргументы в пользу феноменологии в качестве вненаучного философствования и приравнивая ее к собственно философии, надо еще раз подчеркнуть, что такая трактовка вступает в прямое противоречие со взглядами «первоначального» Э. Гуссерля, ставившего перед философией задачу превращения в «строгую науку». Отказавшись, вслед за неокантианством марбургской школы от «вещей в себе» (заключив их в скобки), он перенес их свойство умопостигаемости на «вещи для нас», на феномены. Об этом можно сказать и наоборот: ноуменам был присвоен статус феноменов – реальности. На место реальности вещей пришла реальность мысли, «вещи сознания». Если Кант ранил метафизику, то Гуссерль её убил, освободив тем самым место для когнитивизма как чистого беспредметного знания. А там рукой подать до высушивания и возгонки бытия в «структуры», «текст», «знаки», растворения реального в потенциальном. Трещина в трактовке феноменологии настолько глубокая, что приходится «официально» (в словарях и энциклопедиях) признавать два ее вида – феноменологию Бытия, идущую от Хайдеггера и феноменологию Сознания, идущую от Гуссерля. С распространением на феноменологию моды, появляются её новые разновидности: феноменология науки, техники, телесности, когнитивная феноменология, феноменология Другого и т. д. Поэтому теперь, очерчивая контуры

консервативного антропологического философствования, говорить о феноменологии недостаточно. Да, надо идти в этом направлении, но дорога ветвится и чтобы сделать осмысленный выбор, ее требуется конкретизировать.

«Линия Хайдеггера» и «линия Гуссерля» есть превращенная форма основного вопроса философии как метафизики, спор о соотношении предметно-чувственного и идеально-мыслимого представлений о мире. Как говорится, гони проблему в дверь, она лезет в окно. В феноменологии она заостряется даже резче: либо все — Бытие, а сознание есть лишь определенное состояние его континуума, «просвет бытия», либо все — Сознание, в котором предметная реальность представлена лишь интенционально, в виде «сознания о». Доведя это противоречие до логического конца, мы получим, с одной стороны «глухое», немыслящее Бытие, дочеловеческую природу, а с другой, чистое Ничто, бессубъектное бесчеловечное сознание. «Конец мира», как сказал П.Валери. Это Ничто тоже бытие (из бытия никуда не вырвешься), но Иного. Таковы полюса противоречия, под напряжением которого находится человек и только пока оно есть, пока мы его выдерживаем, он сможет существовать как особый Феномен.

Стремясь поддержать напряжение жизни, нельзя не видеть, что состояние её полюсов разное. Первый, если его брать не как «научный материализм», а в качестве природы, исчезает, почти подавлен. Второй, если помнить, что сейчас трансцендентная вертикаль из него изъята, чрезвычайно разросся, перегружен. Чтобы феномен человека сохранился, их соотношение надо отслеживать и выравнивать. «Полюс Хайдеггера» в философии XX века продолжался в экзистенциализме, феноменологии Бытия и герменевтике (Н. Бердяев, К. Ясперс, Г. Марсель, Г. Гадамер, Ю. Хабермас, П. Рикер), «полюс Гуссерля» в логицизме, эпистемологическом бихевиоризме, структурализме и постструктурализме (Г. Фреге, К. Леви-Строс, Г. Райл, Ж. Делез, Ж. Деррида, Р. Рорти). Вторая линия, в сущности, когнитивистская, перерастающая в технонауку и информационную теорию сознания, которые отторгают любые элементы непосредственного отражения реальности и психику людей вообще. Для них это – «мистика». В конце концов, как мы видели, это линия на постмышление. Она противоположна отношению к вещам как феноменам, но есть признаки, что ее вот-вот начнут отождествлять с феноменологией, и последняя, подобно постмодернизму, которым называют все, что придет в

голову, также станет пустым словом. В таком качестве феноменологией прикрывают элиминацию внешнего и внутреннего мира человека, считая феноменами знаки, символы, граммы (буквы и цифры), или, как в физикалистском натурализме, нейронные импульсы. Лишиться души, психики, даже ума как человеческой способности освоения мира – «разбить зеркало», осуществить «де(кон)струкцию сознания» – это, оказывается и есть настоящий дискурс, научная феноменология. «Страх науки, «сайентизма», «натурализма», самообъективации, обращения посредством слишком большого знания в вещь, а не личность есть страх, что весь дискурс станет нормальным дискурсом... – объясняет нам преимущества жизни «без зеркала» Р. Рорти. – Это пугает, потому что это отсекает возможность того, что появится что-либо новое под луной, возможность того, что человеческая жизнь заключается в поэзии, а не просто в размышлении. Но опасности анормальному дискурсу исходят не от науки или натуралистической философии. Они исходят от скудного питания и секретной полиции»[1]. В общем, не бойтесь, что Вы, «лишившись поэзии», а принципиальнее говоря, души, станете автоматически функционирующей вещью (зато вместо вас появится «новое под луной»), а бойтесь «скудного питания и секретной полиции». Несмотря на двусмысленность, усугублённую скверным переводом, это сочетание глобальной враждебности к целостному, не вмещающемуся в «разговор» человеку (не вмещающемуся в Сеть, ибо именно там от людей остаётся один разговор) с внезапно мелкой демагогической заботливостью о нём – поражает.

Разумеется, не вся философия науки, а точнее, аналитическая и «возможностная» философия, с которыми сливается так трактуемая феноменология и к которой эволюционирует научная философия в целом, является элиминативистской. Тем более сознательно элиминативистской. В частности, взгляды Р. Рорти, в отличие от подобострастных пересказов в нашей литературе, в философском сообществе Америки вызвали полемику. Его главным оппонентом выступил Х. Патнем, развивающий концепцию «внутреннего реализма», «контекстуального реализма», «реализма с человеческим лицом». Х. Патнем считает картину мира, даваемую нам повседневной языковой практикой «разрешенной» ("лицензированной»). Она имеет такое

[1] *Рорти Р* Философия и зеркало природы. М., 1997. С. 288.

же право на существование как и научная[1]. Но признавая возможность сохранения человеческого измерения реальности, Х. Патнем хочет остаться в рамках рационализма. Признавая антропологизм, он опасается упреков в антропоморфности и феноменологичности. «Разрешив» человеческий мир, он не считает его приоритетным в сравнении с научными микро и мега-мирами. Тем не менее, находясь в обстановке и «внутри» сциентистского элиминативизма, «оставить место» для существования адекватной человеку реальности уже благо. Это открывает возможность диалога о ценностях и соизмеримости разных форм бытия, об отношениях между когнитивной и феноменологической философией, между прогрессизмом и консерватизмом Квалифицируемые как разные аспекты целостного человека, реализм «научный» и «с человеческим лицом» сохраняют платформу для взаимодействия.

Реализм с человеческим лицом это, говоря категориально, феноменологический реализм. В русле консервативного философствования он, в отличие от плюралистических контекстов внутреннего реализма Х. Патнема, предполагает приоритетность жизненного мира в сравнении с миром науки. Контекст познания рассматривается как часть контекста бытия целостного человека. Только такой тип взаимодействия миров дает нам надежду на выживание. Научные шовинисты считают мир, где с горки катится ребенок (обыденную картину мира – ОКМ) переходным звеном к формированию научной картины мира (НКМ), которая есть или будет истинной, существующей «на самом деле», в то время как жизненный мир есть следствие «фолк-психологии», которую надо преодолеть. Но знают ли они, куда катятся сами и на чём хотят остановиться? На «теле весом 20 кг», «мешочке молекул», «кручении пространства» или «формуле», «цифрограмме»? При том, что формул и цифрограмм может быть много. Например, «формула любви» как химическое состояние мозга при этом переживании – $C_8H_{11}N$. Что из ее знания для нас следует и какая из даваемых разныминауками картин мира наиболее научная, наиболее истинная? Ответа нет или он абсурдный, ведущий к самоотрицанию того, кто спрашивает. Плюрализм может быть только предварительной теоретической установкой. При действии всегда надо что-то выбирать, а значит, отдавать приоритет, соотнося его

[1] См : *Putnam H.* Realism with Human Face. Harward, London. 1990, 1992.

со временем и ситуацией. Рассуждая в русле консервативного философствования, мы должны признать, что существовавшая несколько тысяч лет птолемеевская модель Вселенной в обстоятельствах жизни охотников, земледельцев и скотоводов была вполне истинной. Она превращалась в ложную и сменилась моделью Коперника с развитием промышленности, путешествий и мореплавания. В свою очередь в микро и мега-реальностях модель Коперника «неверна» – теряет свое значение. Так же как модель Птолемея, что дружно признают современные физики. Само представление о размерах солнца и где оно кончается достаточно условно. Если объект освещен прямыми солнечными лучами, то его можно считать «находящимся на солнце». Вопрос в степени удаленности от его геометрического центра, от температурной стойкости объекта. Все эти соображения нужно учитывать, решая задачу нашего выживания и особенно при определении целей образования. Поскольку оно становится повседневностью, образом жизни, то если не удастся преодолеть сложившуюся в нём гипериориентацию на когнитивизм, математический идеализм и информационный интеллектуализм, на техно-научное мировоззрение, подготовка одномерных, левополу(шарных) людей приобретёт массовый характер. Производство духовных, которых будут лечить = «совершенствовать» путем превращения в роботообразных, будет окончательно возведено в норму, что, очевидно расходится с целями сохранения нашей антропологической природы.

В бесконечной Вселенной и при постулировании множества возможных миров выбор «истинного» определяется ценностно. Для людей «лучшим из миров» является тот, где они способны жить, поддерживая свою идентичность. «Я – геоцентрист, антропоцентрист и антропоморфист. Очень крепко чувствую Мою Землю во Вселенной как центре ее»[1] – эти слова из письма М. Горького М. Пришвину можно принять за кредо консервативного философствования. Его антропоцентризм, в отличие от миростроительного и миротворящего, является мировоззренческим, феноменологическим «Внутреннее обустройство» жизненного мира также обуславливается природой человека. Если бы вещи были дымом, мы распознавали бы их носом, говорил Гераклит. А если бы у нас не было носа, позволим себе продолжить эту мысль, то мы могли бы различать их по тепловому

---

[1] *Горький М.* Литературное наследство. Неизданная переписка. М., 1963 С. 342.

или магнитному фону и т. п. Феноменологический реализм как философия бытия с человеческим лицом считает приоритетным звуковое восприятие сочинений Л. Бетховена, хотя признает возможность их кодирования в виде графика, набора цифр, перевода в цвета и т. д. Обсуждение проблем расшифровки кодов, их понимания, приведения к антропологическим константам означаемого – задача герменевтики. Границей манипуляции формами реальности является тождественность человека как целостного телеснодуховного существа.

Защищая его, консервативная философия не рассматривает развитие метафизики как «историю нескольких плохих идей», которые надо отбросить. Все имеет основания в характере обстоятельств. Стремясь к преодолению транс-агрессии инонизма, она не уходит от проблем современности, новых и новейших способов деятельности. Напротив, консервативная философия хочет и идет им навстречу, чтобы опираться на них. В таком качестве мы и определяли ее как явление археоавангарда. Из достижений технонауки берутся идеи, дающие теоретическое основание на существование человека и его мира: бифуркации, плюрализма, мультикультурализма, нелинейности процессов, множественности или даже бесконечности уровней реальности, вечного возвращения и т. д. Обосновывается «право» на *антропоцентристское воплот/щ/ение Возможностей Абсолюта.* Другие идеи и виды деятельности, бросающие вызов идентичности людского рода, требуют жить по логике сопротивления. Отвечая на этот вызов, консервативная философия выживания должна исходить не из универсального эволюционизма, прогрессизма и трансгрессии, возгоняющих наше сущее в нечто иное и любое сущее к какой-то абстрактной точке, а из установки на коэволюцию его разных субстратных форм; при этом человек берется субстанциально, как самость и микрокосм всей реальности, через призму которого она рассматривается; целью нашей деятельности должно быть бытие, а не становление (линия Парменида); парадигмой культуры: Homo non vult esse nisi homo (Человек не хочет быть ничем иным, кроме человека – Николай Кузанский); смысл жизни надо видеть не в приспособлении к непрерывно меняющемуся окружению, а во всестороннем гармоническом развитии личностного бытия (К. Маркс) или в его «совершеннейших экземплярах» (Ф. Ницше); ценностным идеалом должно быть богочеловечество, что предполагает отказ от прометеизма и претензий на человекобожие (Н. Бердяев); главным назначени-

ем философии считать «поддержание традиции воссоздания человека» (М. Мамардашвили); и разумеется, надо признать возможность такой ситуации, в которой придется уповать на то, что «нас спасет только Бог» (М. Хайдеггер). Это та линия развития человеческого духа, вокруг которой можно выстраивать идеологию сохранения нашей жизни на Земле. Зову живых – девиз консервативной философии перед фактом экспансии технически перерождённых форм сознания. В нём апелляция к человеческому, которое есть в любом человеке. Консервативное философствование близко целям великих религий, призывавших не к физической трансформации людей, а к их духовно-нравственному возвышению. Оно совпадает с perennial philosophy (вечной философией) и может стать предпосылкой вечности человечества.

КУТЫРЕВ Владимир Александрович,
доктор философских наук,
профессор кафедры истории, методологии и философии науки
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

E-mail kut.va@mail.ru

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ
После(преди)словие к новой книге В. А. Кутырева

Когда издательство «Алетейя» предложило опубликовать эту работу В. А. Кутырева в серии «Тела мысли», согласие на такую публикацию, после знакомства с текстом, далось редсовету серии не сразу. Смысл и назначение серии: быть полем проблемного обсуждения новой парадигмы гуманистики, а не формировать некую «библиотеку современной российской философии». Не превратит ли это нашу серию из проблемной и парадигмальной в, грубо говоря, корзину, куда издатель спускает то, что не укладывается в другие его проекты? Не размоется ли этой публикацией проблемный профиль серии, уже завоевавшей определенный авторитет, не подорвет своим консерватизмом поступательный вектор развития новой гуманитарной парадигмы? Дело не только и не столько в той резкой критике, которую В. А. обрушивает на некоторых традиционных авторов серии, сколько в стилистике этой критики. И хорошо известно, что детали и манера иногда оказываются важнее существа, поскольку выражают общий контекст, позицию автора. Парадоксальным образом, но, в конечном счете, именно поэтому и было признана целесообразность этой публикации. Прежде всего, открытая дискуссия, когда авторы не просто что-то декларируют в монологическом режиме, а когда создается и вяжется некая реальная конструктивная дискуссия, всяко предпочтительней, чем нынешнее состояние отечественной философской культуры, напоминающее палату, в которой каждый пациент говорит о своем, наболевшем, не вступая в конструктивный диалог, а то и избегая его.

Новая работа В. А., как, и многие другие предыдущие публикации, посвящены философскому осмыслению телесного опыта, приобретшего в наше время настолько неоднозначный характер, что сформировался остро обсуждаемый комплекс проблем, которые условно можно объединить темой «постчеловечности». Именно эта тематика вызвала к жизни нашу серию, целью которой является попытка осмысления и обоснования новой парадигмы гуманитарной культуры, приходящей на смену постструктуралистско-деконструктивистскому подходу, являясь, одновременно, его развитием и преодолением. Потребность в таком парадигмальном сдвиге вызревала по мере того как, с одной стороны, критика деконструкции, исходившая из сциентист-

ских представлений, все более явно обнаруживала свое теоретическое бессилие, а с другой – не менее явным становился и переходный характер деконструктивизма и постмодерна в целом. Главным вопросом становится не после чего они, а перед чем и в обоснование чего.

Результатом деконструктивизма стала культура означающих без означаемых, обращенных в замкнутую цепь самореференций; или грамматоцентризм, то есть культ не просто письменного слова, но письменности как растворения и стирания следов телесности и «означенности». «Слепая ласточка в чертог теней вернется на крыльях срезанных, с прозрачными играть» (О. Мандельштам). И культура, деконструируясь, превращается в такое царство теней, следов без подлинников, симуляций без оригиналов. Одной из главных тем нашей серии является логика опамятования, выраженная О. Мандельштамом: «О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд, и выпуклую радость узнаванья». Как писал Н. М. Бахтин (старший брат М. М. Бахтина): «Тысячелетиями мы оттесняли и заглушали в себе самое древнее, самое верное, самое земное из наших чувств – осязание. И вот теперь, в то время как наши «высшие чувства» отравлены и искажены, пропитаны и разбавлены чуждыми рациональными элементами – осязание сохранило всю свою девственную цельность и чистоту. Только оно – в те редкие моменты, когда оно действительно в нас оживает – реально приобщает нас к вещам».

Отсюда и название серии – «Тела мысли». В ряде книг серии речь идет об осязательных измерениях современной культуры, но не о возврате к невинной пластике, к девственности осязания, а об осязательности культурно проработанной, прошедшей через стыд самопредставления, саморазъятия, самодеконструкции и восстановливающей себя в формах постдеконструктивных, концептивных, в той точке, куда ее привело, во-первых, ускоренное развитие в XX веке визуально-аудиальной культуры и, во-вторых, осознание ее симулятивной природы, падение в нечувственность интервала, отсрочки, промедления, дифференции, которая подлежит теперь новому заполнению, новой культурной проработке знаками осязания в их интенциональной неотделимости от означаемых (вопреки такой разделимости в дистанционных перцепциях зрения и слуха). Так что, любимые темы В. А. – буквально в поле «Тел мысли». В. А. стремится систематически представить аргументы, с помощью которых можно было бы переформатировать философское, гуманитарное знание в целом после «деконструктивного» цунами постмодернизма.

Волна эта, похоже, схлынула, оставив после себя совершенно новый ландшафт философской культуры. Современная философия уже не может отсиживаться в «башне» вольфианской систематизации философского знания. Время постструктуралистской логомахии на глазах уходит, если уже не ушло. В истории философии неоднократно проходили волны систематической деконструкции, остранения (схоластика, ницшеанство, постструктурализм), на смену которым приходило выстраивание («монтаж») новых структур и концептов. И мы думаем, что такая стадия наступила.

Именно подобный «следующий шаг» также является одной из целей серии. И реализация уже сделанных более десяти шагов (в серии вышло 10 книг, и ожидается выход новых) не осталась незамеченной. «Серия «Тела мысли», пожалуй, впервые представляет результаты отечественной философской мысли, равноправно вступающие со своей собственной тематикой в современную мировую философскую культуру»[1]. И автор этой обзорной рецензии солидарен в своих оценках с автором рецензии одной из ключевых коллективных работ серии: «Авторы серии пытаются нащупать тропинки, выводящие из фазы отрицания... они придают центростремительное движение тем направлениям мысли, которые до сих пор существовали на периферии культурного поля... приветствуют начавшееся перерождение мира и человека... утраты европейской культуры последних двух столетий... интерпретируются ими как условие новых обретений. А исчерпание человека как отдельного вида ими трактуется как распространение человеческого за его биологический предел. Это позволяет им оптимистически глядеть на происходящие перемены – духовные и технические. Главное, авторы предпочитают рассматривать конец как начало, собирают накопленное предшественниками и стремятся, преобразовав, упаковать его так, чтобы переправить на другой берег будущей, новой, *другой* истории»[2].

Действительно, абрис новых горизонтов сдвига гуманитарной парадигмы, позитивно альтернативных деконструктивизму, поиск, нащупывание путей к новой философской культуре можно только всячески приветствовать. Речь при этом должна идти не об ускользании автора, порождающем необязательность текста и его чтения, а именно о вменяемом философствовании. Вменяемом – в обоих русских

[1] *Шелковников А. Ю.* Телесность мысли и мыслимость тела. (О серии философских трудов «Тела мысли»)//Философские науки. 2008, № 5, С. 134–156.

[2] *Виролайнен М.* Протоязык XXI века//Новый мир. 2004, № 9.

смыслах этого слова: рациональной мотивации мысли, а главное — ее ответственности. В. А. — автор ярко личностный, искренний, с ясной позицией, которую он на редкость внятно излагает и весьма эмоционально отстаивает — качество редкое для современной отечественной (и не только) философской литературы с типичной для нее бледной невнятицей, принимаемой иногда и некоторыми даже за обязательное условие «современности» философствования.

Отечественная философия традиционно развивалась эхолалически, «в ответ», как рецепция новейших концепций зарубежной мысли. В наши же дни отечественная философская культура все более приобретает характер естественной среды философствования, соответствую российской культуре на пороге нового тысячелетия. И нам хотелось бы создать площадку реализации, проявления этих процессов развития отечественной философской культуры: на наш взгляд, созрели условия равноправно вступать со своей собственной тематикой в современную философскую культуру. И одним из необходимых условий такого развития ситуации является обеспечение реальной творческой дискуссии. Извне, с позиции непосвященного, философствование выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле, как универсальное, предельное самоопределение, философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным — как само это бытие — способом реализации свободы самоопределения. С таких позиций философия предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой представлений. Философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Скорее она учит задавать вопросы, открывая, тем самым, новые возможности осмысления действительности, выразительных форм и средств такого осмысления.

В этом плане, новая работа В. А. Кутырева — хорошая «пища для ума» в деле прояснения наиболее острых вопросов современного бытования человека, поиска вариантов убедительных ответов на эти вопросы. Это довольно яркое собрание аргументов критики некоторых тенденций развития цивилизации, ставящих под сомнение казавшиеся незыблемыми представления о человеческой природе, сущности сознания и самосознания. Можно было бы даже говорить о здоровом и полезном консерватизме. Здоровом в том смысле, что он является свидетельством некоего иммунитета к различным культуральным «прививкам» и «инфекциям», позволяющим сохранить целостность и своеобразие осмысления мира, человека, его места в этом мире. И

такой консерватизм всегда играет позитивную, конструктивную роль в развитии общественного сознания. В котором должны быть представлены как центробежные, так и центростремительные векторы. Именно в этом смысле можно говорить о его полезности.

Насколько такая характеристика применима к взглядам В. А. Кутырева, которые можно квалифицировать не просто как консерватизм, а как «архео-авангард» — позиция нередкая в современной отечественной мысли? Нынешнее развитие техносферы и тенденции этого развития трактуются им как экспансия «ничто» (небытия), угрожающая самому существованию человека и его природной, социальной среды. Согласно В. А. Кутыреву, либо мы останемся теми же, либо нас не будет. Особое внимание он уделяет необходимости сохранения половой идентичности. Выход из опасной ситуации автор видит в ограничении науки союзом религии и философии, и, очевидно, в неукоснительной борьбе с идеологами «ничто», зазывающими человечество в бездну. В качестве таковых он видит зарубежных постмодернистов и их отечественных эпигонов.

По существу, речь идет об алармизме: страхах, шоке, иногда обоснованных, иногда не очень, перед современностью.

Я и сам вот уже более двух десятков лет, в статьях и книгах (в том числе и упоминаемых В. А) кляну Ж. Дерриду, как и всех присных, за поверхностность и невменяемость. Вся постмодернистская критика «логоцентризма» оборачивается разгулом грамматоцентризма, логомахией, что обусловлено общей впечатлительностью и научно-технической необразованностью большей части гуманитарной общественности, испытывающей цивилизационный шок и не отдающей себе отчет хотя бы в принципе действия их любимых Макинтошей. Но оставим их дрязгаться с ломанием игрушек, устройство которых им не понять. Бог им судья. Главное — логическая рациональность, как лежала, так и лежит в основе всей современной цивилизации, позволяя, помимо прочего, создавать «нелинейное» письмо и прочие самые развесистые симулякры.

Но дело же не в том, чтобы похлеще обругать, проклять, напугать страшилкой. Постмодерн сыграл свою важную роль. Каждый парадигмальный сдвиг, как и любое новое осмысление, включает три фазы. Во-первых, остранение, делание привычного непривычным, лишение его обычных статусных признаков, деконструкция буквально как демонтаж; во-вторых, игра с этими остраненными смыслами, порождающая новые ассоциации и коннотации; и в-третьих, выстраивание нового смыслового ряда, новая сборка или ре-аггрегация.

Деконструктивизм успешно осуществил первые две стадии парадигмального сдвига, но его критические, «разборные»процедуры сами по себе еще не пересекают порога к третьей, решающей стадии формирования новой парадигмы. Критика логоцентризма обернулась его приумножением и факторизацией, логомахией, самодостаточностью отсылающих друг к другу означающих – апофеозом грамматоцентризма. Выявился шок гуманитарной интеллигенции перед новой цивилизацией, требующей изменений в духовном опыте, мировоззрении, метафизике, нравственности, художественной, научной, политической практике. Постмодернизм оказался неконструктивным в том плане, что застыл в стадии остранения (деконструкции) привычного. Но необходим следующий шаг – новая конструктивная работа с остраненными смыслами. Такой сдвиг должен отвечать нескольким требованиям: не отрицать, а обобщать опыт деконструктивизма; быть по-настоящему междисциплинарным; давать осмысление нового цивилизационного опыта, его оснований и перспектив; делать акцент не столько на статуарной структурности, сколько на процессуальной динамике осмысления и смыслообразования, которое является результатом глубоко личностного опыта, проявлением человеческой свободы и ответственности.

И в этом уже начинаются наши расхождения с В. А. Почему радикально «авангардный» алармизм, демонстрируемый В. А., «архаичен»? Да потому, что за инвективами в адрес науки и технологий стоит миф об утраченном «золотом веке». Да только где он – этот золотой век, Владимир Александрович? Если технический и научный прогресс плох, то уже и не в веке XIX. А если необходим союз философии и религии, то это уже XVI–XV вв. с их холерой и чумой. В. А. пугает «ничто». Но «ничто» – необходимое условие возникновения «нечто». Смысл слова не из него самого. А из фразы, смысл фразы – из текста, смысл текста из контекста. Так же в самой жизни смысла нет. Для того чтобы попытаться его понять надо выйти за ее пределы, в некий контекст: «не жизни», смерти, жизни иной... Для того, чтобы что-то понять, как учил М. М. Бахтин, надо выйти в позицию «вненаходимости». И наше время дает широкий веер таких выходов-осмыслений.

Останемся ли мы теми же? А какими мы были? Всегда одними и теми же? Или В. А. отрицает динамику понимания природы человека, динамику концентрации свободы и ответственности на вменяемом (наделенном сознанием) индивиде? Или нас не будет... Каких нас? И в каком смысле не будет? Если В. А. профессиональный философ,

то он не должен уподобляться судьям Сократа, видевших угрозу в вопросах, которые он задавал обывателям.

Неприкосновенность половой идентичности... Был в свое время спор (явный и не явный) между В. С. Соловьевым и В. В. Розановым. Последний настаивал на первичной фундаментальности пола в природе человека. Первый – находил некие более общие основания. Думаю, не время и не место здесь обосновывать, что наше время подтвердило правоту В. С. Соловьева. Признаю это при всей моей личной давней и глубокой симпатии к исканиям В. В. Розанова.

Отдельного внимания заслуживает идея охранительного союза философии и религии против науки и технологий. В нашей серии выходят работы глубоко религиозных философов (например, покойного В. А. Карпунина). И еще Б. Рассел четко и ясно определил место философии между наукой и религией. И наше время с неоднозначными достижениями биологии, генной инженерии, медицины заставляют думать о нравственных, правовых ограничениях научно-технического прогресса. Но именно – думать, просчитывать возможности и последствия. В современном мире существует целый спектр нравственных установок по отношению к проблемам генной инженерии и прочих биотехнологий. В принципе, можно обозначить две крайние позиции в качестве своеобразных «полюсов», между которыми размещаются все прочие. Наиболее жесткую этическую и правовую позицию занимает ФРГ и большинство других стран континентальной части Западной Европы. Западная Европа, Abendlandes является колыбелью современной цивилизации, выросшей в лоне катафатической ветви христианства. Западная Европа является также родиной наиболее сильных организованных экологических движений, а в некоторых странах, особенно в Германии («зеленые»), они давно уже входят в политический истеблишмент. И осторожность, даже враждебность по отношению к биотехнологиям является одним из программных принципов.

Другой конец спектра составляют многочисленные азиатские страны. Эти общества, в силу религиозных, культурных, а значит и исторических обстоятельств куда менее озабочены этической стороной биотехнологий. Такие великие религии Азии, как конфуцианство и буддизм не знают идеи трансцендентного Бога. В конфуцианстве речь идет о почитании культа и заветов предков, а в буддизме каждый может стать Буддой, т.е. просветленным. И та, и другая религии бессубъектны. Столь же бессубъектны даосизм, синто и бон, которые наделяют духовными качествами животных и предметы, неодушев-

ленные для европейца. Буддизм объединяет людей и создания природы в единый космос без качественных границ. Все эти традиции не проводят резких этических различий между людьми и прочим миром. Столь же бессубъектен и индуизм, в котором человеческая жизнь может цениться меньше жизни животного. А если сюда добавить еще и монотеистический, но также бессубъектный ислам, то становятся ясными масштабы «нравственного вызова» европейской цивилизации. Этим культурам свойственно намного большее сочувствие животным и растениям и существенно меньшая значимость человеческой жизни. Во многих регионах Азии широко распространены аборты и даже инфантицид, особенно по отношению к младенцам женского пола (Китай). Правительство КНР проводило официальную политику ограничения рождаемости, а в 1995 году приняло евгенические законы. В том же Китае официально разрешено изъятие органов у казнимых заключенных и использование их тел для самых различных целей, включая «художественные». Промежуточную позицию между Европой и Азией занимают англоязычные страны, Латинская Америка, страны Восточной Европы. США и Великобритания, в силу либеральных традиций, всегда скептически относились к государственному регулированию, в том числе – науки. Но и американское общество начинает раскалываться сторонников консервативного подхода и ограничений биотехнологий, вплоть до запретов на аборты. А Соединенное Королевство, пережившее шок от потерь в связи с «коровьим бешенством», оказалось родиной самого мощного протеста против ГМО и биотехнологий в сельском хозяйстве.

Таким образом, мир все более поляризуется. Огромный азиатский регион, переживающий бурный экономический рост, не испытывает никаких правовых и нравственных ограничений на определенные технологии. Некоторые из этих стран (Япония, Китай, Южная Корея, Индия, Сингапур) обладают необходимой научной и технической инфраструктурой. Кроме того, у них имеются мощные экономические стимулы завоевать свою долю рынка биотехнологии. Ужесточение европейского и американского законодательства по ограничению биотехнологий уже активизировало отток соответствующих научных, технических и финансовых ресурсов в азиатский регион. Поэтому в будущем биотехнология может стать важной линией раздела в международной политике.

По мере того, как численность носителей бессубъектных культур, а значит и население соответствующих государств, стремительно возрастает, тогда как население субъектно-ориентированных общнос-

тей сокращается, эта проблема приобретает настолько рельефную форму, что уже проглядывает возможное расслоение человечества по религиозно-ментальному принципу. Перед таким расслоением, перспектива которого, похоже, будет определять политическую ситуацию ближайших десятилетий, описанный С.Хантингтоном «конфликт культур» будет выглядеть спором модниц о своих нарядах на представительном приеме. Главная опасность архео-алармизма – разоружение перед реальностью, как обыденной, так и политической, экономической. Можно, конечно, закрыться спрятаться, по-детски – закрыв глаза, считать, что теперь ты надежно укрылся от всех. Беда в том, что во взрослом, настоящем мире это признак несостоятельности, отказ от будущего, неспособность его предложить.

Что же до упоминавшейся стилистики, манеры ведения дискуссии, свойственной В. А., то, как говорится, – что да, то да! Я сам люблю хлесткую публицистику – и не только как читатель. Но В. А. иногда «перехлестывает», позволяя себе такие перлы, как «Свидригайлов у Ф. М. Достоевского уподобляет вечность, как она трактуется наукой, закоптелой бане с пауками по углам». Причем здесь наука? О ней у Достоевского и слова нет: Свидригайлов играет с религиозным понятием вечности. Или вдруг оказывается, что из всех мировых философов именно К. Маркс видит «смысл жизни во всестороннем гармоническом развитии личностного бытия».

Более того, стремление как-то по особенному ярко высказаться мешает автору понимать чужие тексты, передать чужую мысль, вынуждая предлагать их совершенно неадекватную интерпретацию. Именно такие случаи ставят нашего автора на грань квалификационного поля данной серии. Вот один из таких пассажей.

«...М. Эпштейн. Опираясь на набирающее силу течение трансгуманизма, в котором постмодернизм находит свое целевое завершение (транс-переступание через существующее к иному) и на ведущиеся в его русле так называемые posthuman study, он (Эпштейн) предлагает расширить учение о человеке до учения о живых и искусственных формах разума. Перейти от антропологии к «гуманологии».... Нет человека – нет и антропологии... как видим, вопрос о человеке ставится круче – ему вообще отказывают в праве на существование. Для иллюстрации последствий этих, с точки зрения гуманизма чудовищных или пустых идей, лучше сослаться не на тексты М. Эпштейна или А. Дугина (их смысл однозначен, это призыв к осуществлению «Нового прекрасного мира»), а на то как они воспринимаются, пересказываются, пересаживаются на почву

антропологии, квалифицируясь в качестве её «достижений». Человека унижают, фактически уничтожают, антропологию ликвидируют, но ничто не может омрачить сознание её доверчивых представителей – им всё по барабану...»

Знает ли В. А., что весь пафос многочисленных выступлений М. Эпштейна по гуманологии состоит именно в несогласии с концептом «posthuman studies», проецирующих будущее «после человека»? Не может не знать, поскольку на одну из таких статей и ссылается. И как можно ставить рядом М. Эпштейна и А. Дугина, а в других местах книги добавляя в ряд к ним и Г. П. Щедровицкого, не отмечая совершенной противоположности и несовместимости их взглядов? Что касается «нового прекрасного мира», то как можно не заметить критики утопии и авангарда в той же статье М. Эпштейна, на которую тут же ссылается В. А., и в которой специально вводятся понятия «амбиутопии» и «протеизма» – в противовес и утопиям, и антиутопиям XX в.? Меня В. А. вообще упоминает не иначе как в контексте выражений вроде «воспроизводство постмодернизма», «эпигонство», «ужасно прогрессивный автор»... Ну что поделать – наверное, не знаком В. А. с корпусом работ, в которых я, сколько себя помню, выступал с критикой постмодернизма и постструктурализма, еще с 1970-х квалифицируя их как «легкую философию». А тех работах, что читал, реагирует – по нынешней моде – только на отдельные слова и упоминаемых авторов, не вдаваясь в общий смысл. Глубокое чтение, да и чтение вообще, сейчас большая редкость. Книга В. А. Кутырева по-своему – показательное «тело мысли» в нашей серии и хорошая «пища для ума», особенно – для тех, кто думает. Речь идет о принципиальном единстве в выделении этих тем и понимании их важности. Нас объединяет и отношение к этим проблемам, острая озабоченность тенденциями и перспективами их развития. Но вот вектор отношения к этим перспективам у нас существенно различен. И тогда позиция В. А. предстает исключением, которое только подчеркивает правило, своеобразно – «от противного» подтверждая главную идею серии и направленность этой идеи: поиск и разработка новых возможностей сознания, не отрицание, а интеграция достигнутых результатов – и выход к новым горизонтам гуманитарности и гуманизма.

Г. Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ
Засл. деятель науки РФ,
член редсовета издательской серии «Тела мысли»

Содержание

Мы живем в эпоху, когда человеческая техника превращается в технического человека. В постчеловека.
У него есть будущее: несколько веков.
У «традиционного», «исторического» человека все будущее – в прошлом.
У него есть только вечность.
Консервативная революция под знаменем археоавангарда — вот «повестка дня» на XXI век. Все остальное — повестка ночи.
Так продлимся…

В 2009 году автор этой книги награжден серебряной медалью С.Н. Булгакова, учрежденной МГУ им. М. В. Ломоносова, за «оригинальный вклад в русскую философию и современное мировоззрение».

Алетейя